

**УРАЛ —
РОДИНА ШУМЕРОВ?..**

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт
uralstalker.ru

октябрь 2007

Уральский следопыт, октябрь 2007

Антон ПАНИН,
фото Виктора БАЙДУКОВА

Палкинские древности

Удивительное место посёлок Палкино — про него знает практически любой екатеринбуржец: многие проезжают его на электричке; просто слышали название... Казалось бы — обычный посёлок, почти в черте города, поглощаемый мегаполисом. Но стоит приехать туда с археологом, и всё становится иначе!

Живопись
Константина
КЛЮКАНОВА
(Горца)

По письменным источникам («Чертеж» Ремезова), первое упоминание Палкино как населённого пункта относится к XVIII веку. Тогда это был посёлок углежогов, здесь выжигали древесный уголь и по зимнику доставляли на Верх-Исетский завод. Когда в 80-е гг. XIX века строили ж/д ветку до Казани, было найдено огромное количество (свыше 30000 ед.) находок, представлявших собой археологическую ценность. Этим фактом заинтересовался Онисим Егорович Клер, учитель французского языка мужской гимназии № 9, швейцарец по происхождению, участник многих археологических экспедиций. Его стараниями было доказано существование на Урале людей каменного века (ранее считалось, что на Урале древний человек появился только в раннем железном веке)!

По дороге от Палкино к Каменному острову на вершине горы Большой находится Большегорское городище. Несмотря на на-

звание, люди там не жили, а лишь плавил металл, происходило это в VIII веке до н.э. До нашего времени сохранились остатки оборонительных сооружений, которые видны невооружённым глазом.

Следующая точка маршрута – гать, пройдя по которой через заболоченную протоку оказываешься на древнем острове. Чело-

век часто выбирал его для поселения, об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, сделанные за более чем 25 (!) лет работы специалистов. Люди оставались жить здесь во все эпохи – от каменного века до средневековья! В последний раз, уже в XVIII веке, на острове брали камень для строительства плоти-

ны Верх-Исетского завода. На одних камнях хорошо видны следы от металлических клиньев рабочих XVIII века, на других — пропилены древних людей, также бравших камень для строительства очагов и горнов для выплавки металла; на некоторых из них остались следы в виде каменных чаш — ранее на этих местах стояли горны, и под воздействием высоких температур гранит крошился.

На острове, на самой высокой каменной гряде (всего их там 5), кроме остатков позднейшей каменоломни можно обнаружить наскальный рисунок, изображающий солнце (археологи называют такие рисунки солярными знаками). Он сделан охрой на отвесной скале древним человеком свыше 5000 лет назад!

Спустившись обратно на тропу, можно дойти до места ежегодного археологического лагеря и устроить привал, отдохнув у костра, и, если останутся силы и желание, поискать на острове каменную лестницу, вход в заваленную пещеру, каменные чаши, оставшиеся от горнов, каменную голову лося и многие другие удивительные вещи.

октябрь 2007

Тамара ЛИТВИНЕНКО

Как же выглядели эти самые шумеры?...
Раскопки на Южном Урале показали, что здесь еще во 2-м тысячелетии до н.э. проживали похуже на шумеров красавцы и красавицы

Леонид КИРИН

— Я погиб в возрасте двадцати шести лет. И сейчас мне двадцать шесть. И вообще, в списки личного состава части я зачислен навечно — так что присяга обязывает поставленную командованием задачу выполнить...

Ювеналий ГЛУШКОВ

...Мужиков в ту пору не случилось...
Ты, князь, с бабами биться востер!
На святой монастырь покрестилась и спокойно взошла на костер.

Елена ДУРЕКО

«Уральский следопыт» начинает новый проект — серию путешествий по границе Европы и Азии, общая протяженность которой по территории России составляет 5524 км, из них по уральскому хребту — 2000 км. Пунктами назначения в каждой поездке по уральскому хребту будут знаки, поставленные на стыке двух частей света.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Портреты

В. ЛЕНДЕНЕВ
Н. ГАРЕЛЫШЕВА

Переводчик командора Беринга 8
Целитель Замуравкин..... 19

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России.....7

Юбилей

Е. МАКУШКИНА

Левиха: в поисках «утерянных» шурфов 41

Мемуары

В. ФИННОВА

Да поможет мне море.....48

Версия

Т. ЛИТВИНЕНКО

Родина шумеров — Урал?76

Легенды и были

К.КЛЮКАНОВ

Легенда о Коршуне-Зовуне80

АЭЛИТА

Координаты чудес

Л. КИРИН

Земля отцов 35

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике 38

Повод для улыбки

И. СИТНИКОВ

Коньяк, маслины, «беломор» 57

Законы Вселенной

Т. ТОМАХ

Осознание Ада.....70

СВЕЧА ГОРЕЛА

Наши знакомые

О. ЧУДНОВСКАЯ
Н. СМИРНОВА

Стихи..... 5
Чусовское озеро 74

Время мастера

Е. ПИНАЕВ
Ю.ГЛУШКОВ

Пишите письма! 22
Стихи..... 60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Экспедиция «Уральского следопыта»

А. ПАНИН

Палкинские древности..... 2 пол. обл.

Заповедные земли Урала

С. ДВОРНИКОВ
Ю. ЛАРИНА
Е. ТЮНИН

Путешествие на Вагильский Туман..... 16
Блюз над рекою, или
Путешествие в сердце Пармы 64

Проекты «Уральского следопыта»

Е. ДУРЕКО

Граница Европа — Азия
от Курганов до 17 километра 44

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С. А.Надь. **Худ. редактор, верстка** — Ю.В. Ульянова.
Художники — А.А. Федотов, Я. Ахметшина.
Набор — В.М. Кадочникова. **Корректор** — Т. В. Сергеевко.
Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».
Редакционный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин,
Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru

www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИИ: ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и знаком публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.(343) 269-22-34. Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России. Подписной индекс 73 413. Цена свободная.

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 1 подписан к печати 15.09.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 4276. Часть тиража отпечатана в типографии ООО «Алстер», г. Екатеринбург, ул. Крауля, 2.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

Оформить подписку на журнал **УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ** uralstalker.ru вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Кроме того, мы предлагаем вам подписку через редакцию. Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера. Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 479.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2008

Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номера журнала и плачу 159 руб.
- Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу 318 руб.
- Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу 636 руб.

Срок купона истекает 31 декабря 2007 года.

Цены действительны только по России.

ФИО _____
Индекс _____ Область _____
Город _____
Улица _____ Дом _____
Корпус _____ Квартира _____

Кассир	ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»		
	Получатель платежа		
	Расчетный счет	40702810703010068938	
	ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 04657775		
	наименование банка		
	Корреспондентский счет счет №	3010181070000000775	
	Ф.И.О., адрес плательщика		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Уральский следопыт» на номеров		
	Плательщик		
КВИТАНЦИЯ кассир	ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»		
	Получатель платежа		
	Расчетный счет	40702810703010068938	
	ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 04657775		
	наименование банка		
	Корреспондентский счет счет №	3010181070000000775	
	Ф.И.О., адрес плательщика		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Уральский следопыт» на номеров		
	Плательщик		

Вы можете подписаться на наш журнал непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, подъезд №4. Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера журнала из редакции, то цена одного номера составляет **36 руб.**

Ольга ЧУДНОВСКАЯ

* * *

Протяжно время, боль остра...
Я до сих пор твоя сестра.
Но в том пространстве между строк,
где опровергнуты мы сами,
кто на скитанья нас обрек?
Кто одарил нас голосами,
которые не слышит Бог?

И с глаз – долой, и сердце – вон...
летит, как брошенный окурочек...
И мало четырех сторон,
и бьется черный переулок
о беспричинный небосклон.
В нем пустота обнажена.
Я до сих пор твоя жена...
Но в промежутке между снегом
и днем, в который он проник,
я твой беспомощный двойник,
что ограничился разбегом...

* * *

Ни снега, ни зимы не будет –
Один непрожитый сезон.
Прозрачный город ветер студит,
И небо льнет со всех сторон.
Почти вплотную подступает,
Чем выше, тем с земли видней.
Глаза слезятся, шум сбивает
С притихших веток сор теней.
И ждет земля в оцепененье
Среди звучащей тишины
Не то снегов, не то знаменья
И с высоты, и с вышины.
И вертит ветер по дорогам
Обрывки писем, слов, имен...
И этой осени так много,
Что, кажется, не проживем.
А проживем – придет другая,
Судьба – реальность без затей,
Где можно жить, предполагая
Уместность мыслей и страстей,

Ольга Чудновская родилась в 1966 г. в г. Свердловске. По образованию педагог, учитель математики. В 2005 г. вышел сборник стихов «Прогулки по городу», стихи из него публиковались в «Уральском следопыте». А сейчас готовится к печати второй сборник, «Земля и небо».

Надеясь на простые вещи,
Не на прорывы в облаках.
И если сон приснится вещей –
Не о тебе, о пустяках.
Но осень длится, длится, длится,
Как день мучительный один.
И странный свет лежит на лицах,
Необъясним, неодолим.

* * *

Приятно, что гуща кофейная
В курсе последних событий.
Грядущее – смутно,
Но это неважно во время
Разгула волшебных
И столь бесполезных открытий,
Прекрасных своей непригодностью
Для применения.

И верить возможно лишь в то,
Что зима наступает.
А дальше – по снегу,
А дальше – в слезах от мороза.
На окнах узор,
Но никто по нему не гадает,
Хотя и узор явно в курсе сюжета
И сути вопроса.

* * *

Я доберусь одна, вернись, не провожай,
Поскольку город весь разобран на соцветья.
Здесь делать нечего. Но можно сесть в трамвай,
Который гонят электричество и ветер.

Зима окончится, снега сойдут на мель.
Очнутся форточки, и окна, и фрамуги.
Здесь думать нечего. Но выдует апрель
Прозрачный тонкий шар, что ныне замкнут в круге.

Он полетит светло, над городом кружа,
Просвеченный насквозь неясными цветами.
Не то – безделица, не то – моя душа,
Скорее – просто блик с печальными глазами.

Я доберусь одна, вернись, не провожай.
Весь город разделен, пролистан, как страницы.
Здесь ждать бессмысленно. Но можно ждать трамвай.
И можно никуда не торопиться.

Колокольная дорога

(почти экстремальный аттракцион
в парке культуры и отдыха)

Я – дурочка с фоткой в кармашке.
Я – девочка лет на пятнадцать.
Судьба не допустит поправки.
О, Господи! Мне не взобраться!
И слишком возможно – вернуться,
И слишком не важно – остаться.
О, Господи, мне б прикоснуться!
О, Господи, мне б оправдаться!
Как выхватить правду из смуты,
Как верить, что вера вернется?
Мне выдано четверть минуты
На взлет и падение к солнцу.

* * *

Кто умер от любви,
Тот прожил много лет.
Почти как старожил,
Я помню каждый вылет.
Мерцание дорог,
Мелькание планет.
Кто умер от любви,
Последней каплей вылит
В разлив пространных дней,
Без чисел и границ,
Без видимых причин
Сто раз в живых остаться.
Осадком будет снег,
Остатком – соль с ресниц.
Кто умер от любви,
Обучен расставаться.
Изучен этот лаз
В излучинах траншей,
Пересеченных мест
Продольное сечение.
Кто умер от любви,
Тот выдворен взащей
Из обликов невест,
Вестей и назначений.
И все равно теперь,
Прохлада или зной,
Какой по счету снег
И день какой недели.
Кто умер от любви,
Тому сезон иной:
Над городом звучат
Скрипичные метели.

* * *

Здесь в первый день весны
Шел снег. Так много снега,
Что каждый был незрим
За белой пеленой.
Плыл двор и дом за ним
Подобием ковчега,

Сливаясь с цветом зим
Обветренной стеной.

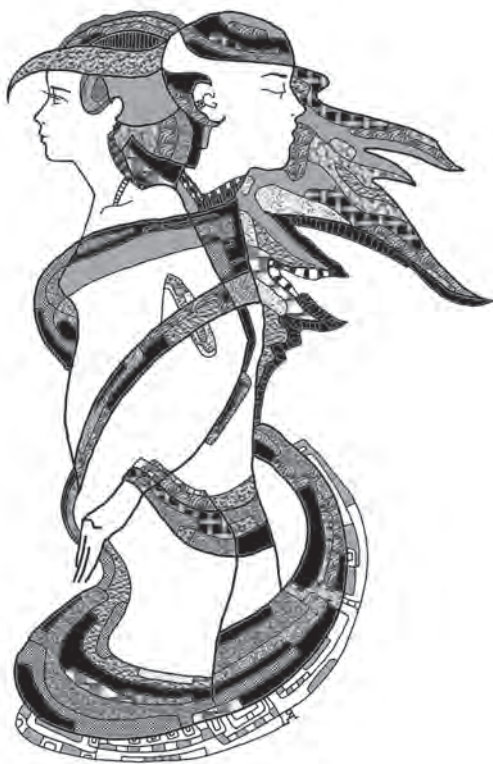
В окно смотрел старик,
Ребенок дергал штору.
Вороны, стихнув вмиг,
Слетались под навес.
Застрявший грузовик
Уже не лез на гору,
А в снегопад проник
И в белой мгле исчез.

Снег по коре скользил
Изогнутой рябины.
И шорох походил
На дальний шум дождя,
На давний шум хвои.
Все виделось единым,

Все снег собой накрыл,
На Север уходя.

Всего в пяти шагах,
Почти неразличимый,
Боярышник темнел,
Вплетаясь в белый дым,
Теряясь в облаках
Небес, плывущих мимо.
Снег все смешать сумел
Безмолвием своим.

Здесь в первый день весны
Зима была белее
Самой себя, когда
Была еще зима.
Оттенки белизны
Вросли в ее аллеи,
Все белые года
Вошли в ее тома.

Про траву и вербу

Вдоль линии – леса, поля, леса,
Трава пшенично-солнечного цвета.
Открыть окно, и целых два часа –
Неистовый, счастливый ветер лета.

И целых два часа не обмирать,
Не сожалеть, не путаться, не злиться,
Лицо обветрить, мысли растрепать,
К стеклу прижаться, к солнцу прислониться.

И старых листьев терпкий дух лесной,
И первых листьев запах горьковатый
Вдоль скорости последуют волной
До станции конечной тридевятой.

Над карею водою плавных рек,
Над дымкою сиреневой в лощинах
Лететь вперед, забыв, что краток век,
Что жизнь плутает в мнимых величинах.

Вдоль линии – леса, поля, леса...
Зеленым всполохом в окне мелькнула верба.
И так светло распахнутое небо
Над линией любви все два часа,
И – до, и после...

Не дай мне бог привыкнуть к чуду...

Эмили Ивановне Бояршиновой

«...На лицо твое всходит улыбка – это утро»
Не дай мне Бог привыкнуть к чуду,
Не дай мне Бог забыть, о чем
Стихи и проза. И откуда
Строка – вдруг найденным ключом.
Не дай мне Бог стремиться к цели,
Других не видя на пути,
И в новый ранг из подмастерьев
Саму себя перевести
Не дай мне Бог...

А в нашем городе и ныне
Слышнее улиц шум аллей
И электричками пустыми
Гремит октябрь по склонам дней.

Тоскуют крыши, к окнам жметса
Озябший ветер вечеров.
И ничего не удается
Без новых слез, без старых слов.

Листая давние страницы,
Вдруг начинаешь понимать:
Все так и есть. Сумело сбываться.
Исполнено судьбою в лицах
И повторяется опять.

И те же реки, те же дали,
И – «Приезжай на листопад!»
Мне на хранение передали,
Но до сих пор меня хранят.

Улыбка всходит – это утро!
В какую пору ни живи,
Здесь отступает Камасутра
И правит волшебство любви.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

В

ВЕРДЕРЕВСКАЯ С.А.

Сотр. журн. «Нива» (1888, № 13) – В-а, С; В-ой, С.; авт. соч. о Китае, Лондоне и др. (1890-1900); «О Голландии и голландцах»; «Счастливая семья. Пов. для юношества». Авт. кн. «История покорения Сибири» (25 с.) Изд. «Читальни народной школы». СПб., 1900.
Масанов; Венгеров. Источ.

ВЕРЕВКИНА Вера Васильевна (1875 – ?), авт. воспоминаний.

Художница. «Памяти учителя». – В кн. «Репин», т.2. М.-Л., 1949. С. 185-218.
ИДРДВ. Т.3. Ч.3, № 6191.

ВЕРЕВКИНА Мариамна (Марианна) Владимировна (1860 – 1938), поэтесса.

Дочь генерала, коменданта Петропавловской крепости. Художница, ученица И.Е.Репина. С 1896 жила в Мюнхене; была там русской хозяйкой салона. Учредительница Нового об-ва художников под предс. В.Кандинского. Уч-ца авангардистских объединений «Голубой всадник» и «Буря». С 1914 – в Швейцарии. По словам Р.Гуля, В. в дальневосточном журнале «Рубеж» (1919 ?) напечат. стихотв. «Казачат расстреляли». О ней: Федоровский, В., Сен-Бри, Г. Русские избранницы. М., 1999, с.38-39. В «Новом журнале» (Нью-Йорк) в конце 1950-х гг. была напечатана ст. Е.Кох «Марианна Веревкина».

Гуль. 1; Периодика...

ВЕРЕВКИНА Татьяна, писательница и переводчица.

Сотр. «Дамского журнала» (1830-33) и «Сына отеч.» (1823). В «Дамском журн.» напечатаны: «История дуры» (1831. № 22); «Награда добродетели» (1831. № 36); «Мери», пер. с англ. (1831. № 45-46); «Эльфрида или зеркало» (1831. № 1 и 2); «Анета или голова невесты» (1833. № 4); «Молитва Марии», пер. с англ. (1833. № 18 и 20). Авт. «Письма в ответ на разбор Дамского журнала» (Сын отеч.. 1823. Ч. 83).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сл., т.У1.

ВЕРЕЙСКАЯ Елена Николаевна (урожд. Кареева; 1886 – 1966), писательница.

Дочь историка Н.И.Кареева. Жена художника Г.С.Верейского. Училась на Высших женских курсах. Печататься начала в 1910-м. В Народном доме села Воскресенского на Смоленщине создала библиотеку из книг бывших помещичьих усадеб и работала в ней библиотекарем. В 1924 вошла в кружок детской литературы, который возглавлял С.Я.Маршак. Начала печатать произв. для детей в т.ч. сб. стихов «Индюк» (М.-Л., 1925). (См. Трофимов И. Писатели Смоленщины. М., 1973). Авт. книг для детей: сб. рассказов «В те годы» (1956), пов. «Три девочки» (1948) – о детях, переживших блокаду Ленинграда; ист.-рев. пов. «Внучка коммунара» (1966), «Незабываемая ночь» (1970) и др. Не она ли сотр. в «Вестн. Евр.» (1910, № 3, стих; 1910, № 5). Напис. восп. «Страничка из дневника» – об устройстве слушательницами Бестужевских курсов благотворительного концерта в пользу бежавшей из ссылки курсистки («СПб высшие женские (Бестужевские) курсы» 2-е изд. Л., 1973, с.258-261).

КЛЭ; Дет. писатели; ИДРДВ. Т.4. Ч. 3. № 6271; Личн. арх. фонды. 3.

(Продолжение на стр. 21)

Переводчик командора Беринга

В «Уральском следопыте» (2007, № 1) печатался очерк Валерия Ленденева (г. Новоуральск Свердловской обл.) «Ленденев – Линденау: загадка фамилии» – о его предполагаемом предке Якобе Иоганне Линденау. Личность этого незаурядного и во многом забытого человека – путешественника, исследователя, переводчика – замечательна и сама по себе. К тому же В. Ленденев настойчиво и неутомимо продолжает свои изыскания, и журнал предлагает читателям новый его очерк, дополняющий и развивающий тему.

В августе 2005 года в Якутске состоялась международная научная конференция на тему: «Россия и Германия: историко-культурные контакты». Устроители посвятили ее 300-летию со дня рождения первого историка Сибири, руководителя академического отряда Великой Северной экспедиции Герарда Фридриха Миллера. Была высоко оценена роль немецких ученых в создании и становлении исторической науки Сибири: самого Миллера, а также его соратников Иоганна Гмелина, Георга Стеллера, Иоганна Фишера и Якоба Линденау.

Академик Василий Иванов отмечал, в частности, что «в области изучения этнографии народов края Якоб Иоганн Линденау внес наибольший вклад по сравнению с остальными сотрудниками академического отряда».

В 2005 году к 300-летию Г.Ф. Миллера в России была переиздана его «История Сибири». Она вышла в 3-х томах в прекрасном исполнении, интересно иллюстрированная, с приложениями-картами.

На первом же текстовом листе издания среди фамилий ученых, которые «обессмертили свои имена вкладом в науку», встречаем имя Якова Ивановича

Линденау. Автор «Истории Сибири» неоднократно ссылается на книгу «Описание народов Сибири» – главный труд Я.И. Линденау (книга вышла в 1983 году. Рукописи Линденау перевела и написала предисловие З.Д. Титова). Мне посчастливилось раздобыть эту редкую книгу. Из нее я узнал и о других исследователях биографии и наследия Якоба Линденау.

Удалось раздобыть и другую редчайшую книгу, написанную Вильгельмом Лагустом и изданную Императорской Академией наук в 1890 году. «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка». Академик Эрик (Кирилл) Лаксман был современником и другом Я.И. Линденау, Лагус посвятил ему целую главу.

У каждого, кто изучал деятельность Линденау, есть свое видение его биографии, личности и наследия. Но общие архивные источники, записки современников Линденау, которые использовались учеными, позволяют все-таки смоделировать довольно целостный образ Якоба Иоганна.

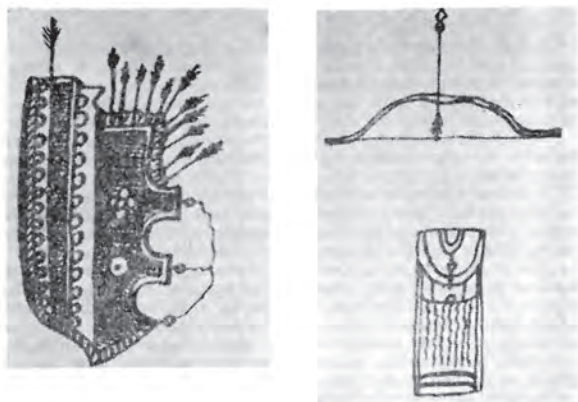
Аналогом такого «суммирования» образа может послужить статья из энциклопедического словаря «Иркутск»: «ЛИНДЕНАУ Яков Иванович (1710, г. Москва – 1795, г. Балаганск), участник 2-й Камчатской экспедиции, автор нескольких «описаний» различных районов Восточной Сибири. Родился в семье обрусевшего шведа. В 1719 году семья переехала в Лифляндию. Окончил училище в г. Пернове (Пярну). До 1730 года служил бухгалтером местного бургомистра, затем обучался в Германии. С 1732 г. – в Петербурге, содержал школу «для наук и обучения детей». В 1737 г. состоял на службе при Академии наук, получив определение в акад. отряд 2-й Камчатской экспедиции. Находясь при Миллере и Фишере, собирал сведения по географии, этнографии, истории Сибири, совершил путешествия в Якутский край и к Охотскому морю. В период работы вернулся в Петербург, подготовил и сдал в Академию 13 различных описаний. Получить место в Академии не удалось, и в 1747 г. в чине прапорщика Л. был отправлен управителем Балаганского дистрикта Иркутской провинции. С 1753 г. перебрался в Иркутск, служил в счетной конторе Иркутской провинциальной канцелярии, в 1762–1763 гг. ведал соляными делами. В 1764 г. был в Москве с прошением об отводе ему земли около Балаганска. В 1785 г. Э. Лаксман застал его в Балаганске в крайней нищете и на некоторое время приютил у себя в Иркутске. Последние годы Л. провел в своем небольшом домике на реке Осе, недалеко от Балаганска, добывая пропитание ломкой селитры в ущельях.

В 1795 г. он погиб во время пожара в своем доме. Сгорели также все его имущество и рукописи».

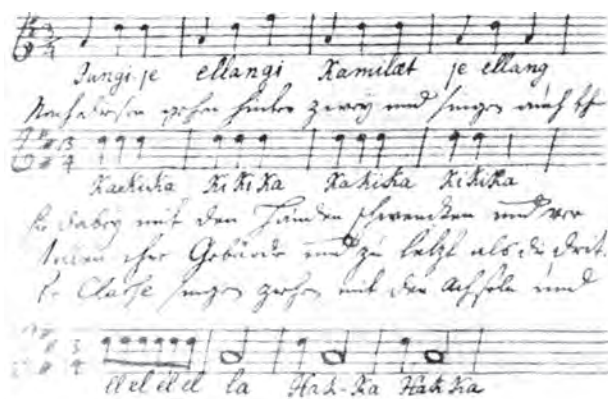
Линденау был разносторонне образован, хорошо рисовал. Свои рукописи богато иллюстрировал мелкими рисунками тушью и пером. Они нашли свое мес-

Я.И. Линденау. 1743 г. (предположительно автопортрет)

Рисунки Я.И. Линденау в его книге «Колчан для стрелы. Бурятия»

Нотная запись Я.И. Линденау в его книге «Песнь коряков в день охоты на кита. 1743 г.»

Карта Я.И. Линденау «Северо-Восток Азии». 1742 г.

то и в его книге «Описание народов Сибири. Первая половина XVIII века». Знал картографию, самолично составлял карты. В ЦГИАЛ (ф. 1341. Оп 303. Д. 1552) хранится «доношение Лоренца Ланга...», к «доношению» приложен чертеж, составленный Линденау, который охватывает громадную территорию Северо-Восточной Азии. «По полноте и точности географических обозначений на чертежах того времени чертеж Я.И. Линденау превосходит все другие», — пишет исследовательница Е.П. Орлова.

Линденау хорошо знал музыкальную грамоту: в своих рукописях он нередко приводил тексты песен и обрядов и их нотные записи.

Он называл себя «ветеринарным» прапорщиком. Почему? Есть сведения, что в роду Линденау ветеринария, коневодство были делом потомственным.

Бесспорно, что он не имел специального образования по этнографии, на поприще которой заслужил всемирную известность и уважение. Эту науку он постиг в процессе работы. По отзыву Миллера, это был «человек неукротимого усердия, которому, однако, не хватало необходимых знаний». Тем любопытнее мнение этнографа профессора С.А.Токарева: «Если сравнить с зарубежными этнографическими описаниями, то из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству, например, с описанием якутов у Линденау».

Другой профессор — А. Золотарев — пишет: «8 марта 1737 г. иноземец Линденау был зачислен в воеводскую канцелярию Правительствующего сената переводчиком с жалованьем 100 рублей в год. По заявлению Линденау, он был «в российском, немецком, лифляндском, эстляндском, финском языках как в чтении, так и в письме учен».

Проявил он себя и как замечательный лингвист. Без особого труда определил неодинаковость и неродство, например, якутского и бурятского народов, их языков. Линденау знал чувашский, тунгусский, якутский, бурятский, чукотский, корякский и др. языки народов края.

В Сенате он прослужил, как он сам сообщает, до июня 1739 г. «и правил всякие положенные на меня канцелярией дела беспорочно, в чем мне и аттестат дан».

25 июля того же года Линденау по личной просьбе был зачислен в сотрудники Второй Камчатской экспедиции под руководством командора Витуса Беринга в качестве переводчика с латинского и немецкого языков. Он доехал с Фишером до Сургута, а затем его взял с собой Миллер, с которым он ездил из Тобольска в Березов и обратно. 27 сентября 1740 г. он выехал из Тобольска опять к Фишеру, с которым поехал «по прочим местам» до Якутска; в сентябре 1741 г. прибыл в Охотск, где занимался составлением географических и этнографических описаний и наблюдением за постройкой судна для участников экспедиции. От этого времени сохранился ряд донесений, писанных в канцелярию Академии наук по вопросам денежным и строительным. В Охотске Линденау пробыл до июля 1743 г., составив за это время «Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске. 1742 г.», а также «Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743 г.»

«Известно, что Фишер всегда вел себя не очень пристойно: устраивал драки с подчиненными, попадал под следствие и запускать порученные ему дела. Считается, что Линденау собрал в сибирских архивах больше ценных материалов, чем его сверстник начальник Фишер. Через руки Линденау прошли тысячи отписок, челобитных, наказных памятей наших землепроходцев.

Из трудов Якова Линденау нам известна первая его рукопись «Замечания г. Линденау по пути от Тобольска через Тару, Томск, Барабинскую степь к Охотскому морю и к ламутам». Так писал Сергей Марков в своей книге «Земной круг».

«Собирая необходимые сведения, Линденау разъезжал по окрестностям Охотска на собаках и лошадях, а также расспрашивал туземцев, приходивших в Охотский острог для уплаты ясака. Осенью 1742 г. он попытался переехать морем на Камчатку, но корабль был унесен ветром к устью Амура, а затем снова отогнан к Охотску и выброшен на берег. Перезимовав после столь неудачной «одиссеи» в Охотске, летом 1743 г. Линденау вернулся в Якутск, где застал предписание Стеллера следовать в Удский острог «для описания тамошних мест». Он отправился по рекам Амге и Алдану, тщательно описывая пройденный путь. В Удском остроге он пробыл весь 1744 год и часть 1745 г., используя это время для составления «Описания тунгусов, которые живут у Удского острога. 1744 — 1745 гг.»

21 августа 1746 г. он появился в Петербурге и привез с собой «учиненные им разным городам, путям, рекам и народам описания», которые были приняты в конференц-архив «и с прочими камчатскими делами положены».

По возвращении своем он ходатайствует о расчете с ним за прошедший год, о повышении жалованья и определении на работу в Академию наук, сообщая, что он был «в разные многие места из чего моей ревности принял многие смертельные случаи и голод. Возвратился сюда с немалыми неоплаченными долгами, платить которых нечем, но сверх того с домашними своими претерпевая самую крайнюю нужду».

Просьбы, однако, остаются тщетными. «Того ради по указу ее императорского величества канцелярии Академии наук приказали: понеже этого Линденау при Академии наук определить не к чему и к тому же сумма при Академии недостаточна, отослать при доношении в правительствующий Сенат с рекомендацией и просить дабы повелено было определить его, Линденау, по другим делам, куда он способен явиться». Но Линденау, вкусившего прелесть самостоятельных исследований, мало радует перспектива канцелярской работы в Сенате. Он бесследно и надолго исчезает с петербургского горизонта», — цитирую книгу А. Золотарева «Новые данные о тунгусах и ланумах XVIII века».

За пять лет путешествий и исследований Линденау прошел и проехал по суше, рекам и морям огромные расстояния: от р. Лены до Тихого океана, от Ледовитого океана до Амура, при этом не раз подвергался смертельным опасностям.

Он сделал массу описаний, зарисовок, собирал местный фольклор, изучал обряды, в том числе шаманские, коллекционировал различные редкости. Го-

лод и холод были частыми атрибутами его исследовательского бытия. Написал 13 трудов по этнографии и столько же по географии.

«Трудно извлечь из скудных и отрывочных сведений материалы для характеристики Линденау. Очевидно, был он человек ума пытливого и любознательного, аккуратен и исполнительен. Это засвидетельствовано Сенатом и Академией наук. О том же говорят его бумаги, написанные четким, ровным почерком. В «Материалах по истории Академии наук» Линденау охарактеризован как человек «неутомимого прилежания».

Действительно, Линденау, кроме порученных ему этнографических описаний охотских и удских тунгусов и коряков, успел составить «сверх плана» подробную работу по якутам, представляющую значительный интерес. Его этнографические рукописи составляют 230 страниц машинописного текста. Они написаны по одинаковому плану, давая в виде очерка ответы на этнографический вопросник Миллера. Содержание их свидетельствует, что Линденау был хороший наблюдатель и ревностный собиратель материала, к тому же обладавший незаурядными лингвистическими способностями. Тексты пересыпаны туземными словами, а к рукописям, посвященным тунгусам, приложены содержательные словари, причем, словарный материал записан относительно точно. Описания Линденау навсегда остаются единственным источником по их этнографии».

К 1747 году с Линденау рассчитались, выдали ему премию. «Сенат наградил Я. И. Линденау за труды его в Сибири чином прапорщика, и он, согласно собственному желанию, был откомандирован в Москву в Сибирский приказ, а оттуда был послан в Иркутск. С 1748 по 1753 г. служил управителем в Балаганском остроге, а затем с 1753 по 1758 г. в Иркутской губернской канцелярии по делам счетоводства и ревизии. В 1762—1763 гг. ведал «соляными делами». В 1764 г. приезжал в Москву и подавал прошение в Сенат об отводе ему земли на речке Осе, близ Балаганского острога, для его «с женою и детьми пропитания». Челобитная была отправлена Сенату иркутскому губернатору К. Л. Фраундорфу «на его рассмотрение и определение». Неизвестно, чем это кончилось». (Иванов В.Ф. «Историко-этнографическое изучение Якутии». М., Наука, 1974).

Можно предположить, что землю ему отвели, поскольку последние 25—30 лет своей трудной и интересной жизни он постоянно проживал именно в этих местах.

В 1790 году Лаксман писал Эйлеру из Иркутска: «Теперь хочу сообщить маленькую новость, которая немного касается нашей Академии, а именно, из всех тех людей, которые были на службе у Академии во время второй Камчатской экспедиции, теперь остался в живых только один, старый 91-летний прапорщик Яков Линденау, который тогда был послан в качестве переводчика в Сибирь, а оттуда со Стеллером на Камчатку. Он теперь находится у меня и еще читает и пишет без очков, ходит пешком во все концы города, работает на своей мельнице. Только в прошлом году немного притупился его острый слух. Несколько лет тому назад я обращался с просьбой о небольшой пенсии для него, но напрасно. Итак, он вынужден на зака-

те своих дней жить в бедности и нужде. Это обычная участь тех людей, которые не умеют добиваться чего-либо окольными путями».

(ЛОААН. Ф.1 Оп. 3. № 24. Лл.231—232).

Вот что пишет Вильгельм Лагус в книге «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка»:

«Упомянем, во-первых, об отношениях Лаксмана к Линдену. Собственно ветеринар, но называемый прапорщиком, он уже в 1730-х годах в качестве переводчика сопровождал Миллера, Штеллера и Фишера в их поездках и затем остался в Сибири. Живя недалеко от Иркутска, в деревне у Ангары, где он у ручья Осы купил маленькую хижинку, этот честный, но несколько упрямый старичок с трудом снискивал хлеб свой ломкою селитры в ущельях около Балаганска. Лаксман, часто проезжавший по этой стране, начал питать такую дружбу к этому многоопытному отшельнику, что предложил ему даровую квартиру и стол у себя дома в Иркутске.

Но Линдену не захотел переселиться. Окруженный прекрасною природою... он находил, что хоть он и был беден, но всего у него вдоволь. Годы проходили, и он жил довольным на клочке земли, сделавшемся ему дорогим. Здесь постигла его, наконец, в 1795 году печальная смерть. Он, 95-летний, вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками, сделался добычею пламени. Но многие советы и сведения, многие полезные указания во время разъездов своих, младший исследователь получил от старого прапорщика».

Хотя о жене (женах) и детях Я.И. Линдену конкретной информации нет, но и жена (жены), и дети у него были.

Вспомним, что в 1746 году Я.И. Линдену говорил о «своих домашних». В 1764 году в своем прошении Сенату он пишет о жене и детях. Это значит, что у него был не один ребенок, а как минимум — два. Вероятно, что в последние лет 15 своей жизни Яков Иванович жил одиноко. Сергей Марков называет его «ангарским отшельником».

Директор Заларинского музея Г.Н. Макагон, изучая метрические книги заларинской Никольской церкви, нашла записи о вероятных сыновьях Я.И. Линдену: Линдену Иоанне, Стахие и Василии, датированные соответственно 1773, 1774, 1792 гг.: это записи о рождении у них детей. В частности, у Василия родился сын Михаил. Позднее была обнаружена запись в метрической книге заларинской Никольской церкви от 15 июля 1874 года: «Исповедался заларинский крестьянин Ленденев Михаил Васильевич 82 лет». Это означает, что он родился в 1792 г.

В апреле 2007 г. были найдены записи в метрических книгах Балаганской Спасской церкви от 24 апреля 1788 года:

— В Осинской: прапорщика Лендену у сына его Андрея родился сын Константин; восприемник (крестный отец) священник Яков Бобровников, восприемница (крестная мать) умершего цехового Василия Швалева жена Елена Яковлева.

— В Осинской: у крестьянина Егора Богданова родился сын Иоанн; восприемник (крестный отец) прапорщика Линдену сын Андрей, восприемница (крестная мать) Егорова мать Параскева Терентьева.

Что мы здесь видим? Во-первых, прямое свидетельство того, что у Я. Линдену были сын Андрей и внук Константин. Во-вторых, записи осуществлялись одним священником Яковом Бобровниковым, он фамилию прапорщика пишет и Лендену, и Линдену. Видимо, в этом не было нарушений правописания

По переписи 1743 года в Иркутской губернии проживало чуть более 30 тысяч человек. Линдену, Лендену, Ленденевых, Линденевых и других более-менее похожих фамилий здесь вообще не значилось.

После приезда сюда в 1747 году Якоба Линдену в записях стала часто встречаться неповторимая фамилия Линдену (Лендену). Это были времена, когда начала активно использоваться дорога на Москву — нынешний Московский тракт. Землепроходцы и поселенцы, селящиеся ранее по берегам рек, потянулись к дорогам, в том числе и к этому тракту. На конец XIX века между Балаганском-Осинской и Заларями были построены многие десятки заимок. Около десятка Минеева, около десятка — Распутина, около десятка — Ленденева. Все заимки назывались в родителем падеже — отсюда и многие фамилии.

По записям в заларинской Никольской церкви в XIX столетии здесь проживали многие десятки Линденевых и Ленденевых; Линдену и Лендену сохранились в Балаганске и Осинской.

Всего по прямым расчетам на сей день в России и за рубежом проживают до тысячи человек потомков Якова Ивановича Линдену: в большинстве своем интеллигенция, предприниматели, служащие, высококвалифицированные рабочие.

По утверждению Д.А. Шириной (институт Атласа Якутии), на сей день опубликованы в разных изданиях все этнографические труды Я.И. Линдену.

Не напечатаны, за редким исключением, его труды по географии, в том числе «Описание р. Лены с ее притоками».

И вот что любопытно. В источниках XVII века упоминается западный приток Лены (севернее Вилюя) под названием Ляпита (Болотистая? или Красивая?).

На генеральной карте Сибири Миллера и на современных картах западный приток Лены севернее Вилюя называется Линде. Г. Миллер в «Истории Сибири» пишет: «...изготовлена под беспрестанным моим надзиранием и по сообщенным от меня известиям новая генеральная карта о Сибири, на которой поправлены бесчисленные ошибки, находящиеся в Российском атласе. С сей карты три части напечатаны при Академии». В числе первоисточков для генеральной карты были и карты, и географические описания Я.И. Линдену.

Невольно возникает предположение, что бывшая р.Ляпита была обозначена на генеральной карте как Линде — или самим Линдену, или Миллером, который ценил Якова Ивановича и сохранил большинство его рукописей в своих знаменитых «портфелях Миллера».

Якутские ученые из института Атласа Якутии такую версию не отвергают, но и за основу ее не принимают. Истоков этого наименования из якутского языка, эпоса и т.п. — не просматривается. Река Линде — очень извилистая, с заболоченными берегами, на ней и сегодня люди постоянно не живут, не селятся. Ну чем это

не Ляпита? Линде — в переводе с немецкого означает: нежная, мягкая... Может быть, «линдде» — это перевод на немецкий язык старинного русского слова «ляпита»?

В процессе исследования жизни Я. Линденау мне посчастливилось узнать немало интересных сведений, связанных с этой фамилией.

Оказывается, один из пригородов Лейпцига называется Линденау. Здесь в 1813 году во время известной «битвы народов» армия Наполеона при трагических обстоятельствах потеряла более 20 тысяч человек убитыми.

Оберландшталейстер Пруссии граф Карл Генрих Август фон Линденау (1755—1842 гг.) прославился на всю Европу своими конно-племенными заводами в Восточной Пруссии. Кто он? Откуда у него эта фамилия?

В Клайпедде в XIX веке были основаны «верфи Линденау», сегодня эти верфи — в городе Киле в ФРГ. Откуда такое название?

На карте с Калининградской области — части бывшей Восточной Пруссии времен «до 1945 года» я обнаружил два города: Гросс-Линденау и Линденберг.

В Гросс-Линденау оказался зарегистрированный исторический памятник «Родовое поместье». Это было имение графа Карла фон Линденау. Больше Калининград ничем мне помочь не смог: в 1945 году все архивы из Пруссии были вывезены — сначала немцами, а потом и нашими спецслужбами.

По вопросу «верфей Линденау» из Вильнюсского университета мне сообщили, что в Клайпедде эта фамилия очень популярна. Выслали краткую биографию Паула Линденау (род. в 1882 г.) — основателя кораблестроительских верфей в Клайпедде, а также его фото и некоторые документы.

Оказалось, что в 1944 году «верфи Линденау» были перебазированы в Киль, и сегодня — одно из ведущих кораблестроительных производств Германии. Интересно, что Паул Линденау родом из Велау (ныне Знаменск), которое находится совсем рядом с Гросс-Линденау (ныне Озерки).

Немного попозже из Вильнюса пришла по электронной почте большая иллюстрированная статья профессора Хайнца Милке на немецком языке (как и все последующие), написанная им к 250-летию со дня рождения графа Карла Г.А.Линденау.

Вскоре я узнал, почему пригород Лейпциг называется Линденау. По обнаруженным в тексте электронным адресам я вышел на огромный кладезь сведений о роде Линденау. Прежде всего — это статья того же профессора Хайнца Милке и Катрин Франц «Семейство Линденау как благородные владельцы в Machern». Ее суть такова. В 1453 году турки взяли Константинополь. Многие рыцари-крестоносцы возвращались к своим родным очагам. Монархи охотно пополняли ряды своих вассалов и дружинников опытными, закаленными в походах и сражениях, воинами.

Герцог Саксонский Фридрих фон Сахсен пригласил на службу рыцаря Альбрехта из Линденау с двумя братьями Бурхортом и Гансом. Он наделил их дворянскими поместьями и титулами саксонских дворян «баронов фон Линденау». Альбрехт получил Machern и Zeitiz, Ганс — Polenz и Ammelshain, Бурхорт — Lindenau.

Все братья были рыцарями ордена Иоаннитов (основан в 1057 году), который с 1530 г. стал именоваться Мальтийским орденом. Одной из главных эмблем-символов ордена является восьмизубчатый крест белого цвета на красном фоне — так называемый мальтийский крест.

Воинственный Бурхорт и его непоседливые потомки не увлеклись перспективами помещичьего бытия. Поместье Линденау в 1520 году было продано городу Лейпцигу и вскоре стало его предместьем.

Линия Бурхорта завершилась в конце XVI века. Необходимо сказать, что профессор Хайнц Милке в своих трудах отслеживает потомков основателей рода Линденау по линии наследования имущества. Поэтому, как правило, дети, не являющиеся наследниками, владельцами, или вообще им не упоминаются, или оговариваются лишь факты их рождения.

Основателем и прародителем благородного рода Линденау считается (по Х. Милке) Альбрехт фон Линденау (1398—1465 гг.). Его линия существовала более 200 лет, завершилась в 1665 г. со смертью Эрнста Иоахима фон Линденау (1607—1665 гг.).

Machern и Zeitiz унаследовал Вольф фон Линденау (1634—1710 гг.) из линии Ганса. Линия Ганса — самая многочисленная, эффективная, известная и сохранившаяся по сей день. В 1600 году у внука Ганса, которого также звали Ганс, родился второй сын, Зигмунд. Так появились две ветви линии Ганса: а) Зигмунда б) Георга Эрнста.

Зигмунд в 1615 году получил в наследство от умершего двоюродного брата Иоганна Генриха (1586—1615 гг.) рыцарский замок Хартенштайн, в котором была первоначально спрятана в 1945 году известная «Янтарная комната».

Зигмунд приобрел поместье Kossen, был известным конезаводчик. У Зигмунда в 1634 году родился сын Вольф. Сам Зигмунд во время эпидемии чумы умер в 1638 г., сына Зигмунда воспитывал его дядя Георг Эрнст. Вольф владел половиной Polenz и Kossen, а также унаследовал поместья Альбрехта фон Линденау Machern и Zeitiz, позднее купил еще поместье Gotha. Вольф был известной и важной особой в Саксонии. Он занимал высокие государственные должности, был управителем Лейпцигского округа. У Вольфа было 18 детей. А наследовали все имущество двое младших: сыновья Готтфрид Ансельм (1693—1749 гг.) и Иоганн Фридрих (р. в 1694 г.). Совсем в молодом возрасте Иоганн Фридрих был приглашен ко двору короля Августа Сильного в Дрезден. Он продал свое имущество второму мужу своей матери Адольфу фон Бергеру, и больше сведений о нем не находится.

Владелец Machern и Zeitiz — Готтфрид Ансельм фон Линденау стал продолжателем рода Линденау. Он женился на Христиане Елизавете фон Циглер. У них было 16 детей, которые родились в период с 1721 года по 1742 год. Готтфрид Ансельм не занимался государственными делами. У него было крупное коневодческое хозяйство. Они с женой много внимания уделяли воспитанию и образованию детей. Первым в роду Линденау имперским Графом стал их сын Генрих Готтлиб (1723—1789 гг.). Эта семейная пара на свои средства отлила в Лейпциге два колокола с часовым механизмом и боем и с именными надписями, которые были установлены на колокольне, построенной на

Поль Линденау

их средства при соборе в Machern. В 1945 году колокольня была разрушена, в 1988 году — восстановлена вместе с этими колоколами. Эта колокольня — достойный памятник людям из рода Линденау.

Их сын Генрих Готтлиб в 1744 году выкупил у отца поместья Gotha и Kossen. Он получил университетское образование. В 1748 году был назначен оберландшталмейстером Саксонии. Действительный тайный советник, камергер Генрих Готтлиб фон Линденау в 1765 г. в Вене из рук императора получил аттестат на право титула Графа Империи. В 1780 году он основал фармакологическую школу в Дрездене, а в 1783 году — ветеринарный факультет в университете Лейпцига.

Единственный его сын Карл Генрих Август граф фон Линденау родился в 1755 году. В десятилетнем возрасте стал студентом Лейпцигского университета. Здесь он подружился с великим Гёте. Его высокое образование, ярко выраженный бойцовский дух привели его на службу в Берлин и Потсдам: он был приглашен королем Фридрихом Вильгельмом II оберландшталмейстером королевства Пруссия. Он создал три новых конных завода, которые и сегодня действуют в г. Нойштадт (Доссе). В 1999 году здесь был построен представительский центр верховой езды, названный в честь и в память Карла Г.А. Линденау «Граф фон Линденау — Халле». Этот зал находится (как и конные заводы) в части города «Линденау», названной в честь графа.

В 1831 году он написал интереснейшую книгу-пособие «Заметки ветерана о благородных лошадях». В 1790 году основал ветеринарный факультет в университете Берлина, известный в Европе вот уже более 200 лет.

Он имел чин прусского генерал-лейтенанта, был героем войны с Наполеоном, награжден многими орденами, в том числе и русским орденом Св. Анны.

Свои владения в Саксонии он продал в 1802 году. Приобрел рыцарские поместья в Пруссии, в том числе — в Восточной. Сюда перебрались многие из его родственников, в том числе и дети брата отца Вольфа фон Линденау (1726—1796 гг.). Их потомком был и уже упомянутый Паул Линденау. Граф Карл Генрих Август фон Линденау умер в 1842 году. У него не было детей.

На нем закончилась линия графов Линденау. Продолжение наследной линии перешло к потомкам его дяди Вольфа, которая существует и по сей день.

Вторая ветвь «Георга Эрнста» также весьма интересна. Они владели Polenz и Amnellshain. Внук Георга — Иоганн Георг фон Линденау был также оберландшталмейстером Саксонии (до Генриха).

Внук Иоганна Георга Бернгард Август фон Линденау (1779—1854 гг.) родился и умер в Альтербурге (между Дрезденом и Лейпцигом). Это был выдающийся саксонский политический и общественный деятель, ученый-астроном, почетный член Российской Академии наук с 1824 года. Закончил Лейпцигский университет, магистр юридических наук. В 1804—1817 гг. был директором Зеебергской обсерватории, имеет много научных трудов.

В 1813 году воевал против Наполеона, был ранен. С 1820 года был министром и тайным советником, а с 1822 года из-за тяжелой болезни герцога фактически руководил герцогством до 1825 года. Автор саксонской конституции. С 1830 по 1843 годы был главой правительства Саксонии. Бернгард фон Линденау был меценатом и коллекционером по живописи и редкостям. Покровительствовал молодым художникам. Он построил на свои средства государственный музей с библиотекой редких книг в Альтенбурге, действующий и сегодня. Имел дочь. Его «ответвление» завершилось в 1909 году. Потомки ветви Георга Эрнста сохранили свою фамилию и род по линии двоюродной сестры Бернгарда — Фелиции фон Линденау.

Ее правнук Манфред Линденау передавал документы на экспроприирование имения Polenz властям ГДР в 1945 году.

Изучив все материалы, я пришел к выводу, что Якоб Иоганн Линденау в высокой степени вероятности является отпрыском могущественного и многодетного Вольфа фон Линденау (1634—1710 гг.): его внук или даже правнук, то есть он был или двоюродным бра-

Памятник семье Вольфа Линденау. 1710 г.

Музей Линденау в Альтенбурге

Бернгард Август фон Линденау (1779—1854 гг.)

том графа Генриха Готтлиба фон Линденау, или троюродным братом графа Карла Генриха Августа фон Линденау.

Вспомним, что из 18 детей Вольфа 16 остались без наследных прав на поместья. Конечно, он мог быть потомком представителя других линий рода Линденау — нам ведь неизвестны десятки имен тех, кто не являлся наследниками.

Фамилия Линденау — эксклюзивная. В XV—XVI веках она не могла появиться в другом месте параллельно с саксонцами Линденау. Отец Якоба — представитель XVII века, времени, которое в Европе уже цивилизованно учитывалось и обобщалось исторической и статистической науками.

Сергей Марков писал, что Якоб Линденау называл себя «ветеринарным прапорщиком». Это же отмечали и некоторые российские ученые, а В. Лагус прямо пишет о Я. Линденау: «...собственно ветеринар, но называемый прапорщиком...»

Выше мы говорили о том, сколь много сделали люди из рода Линденау, потомственные коневоды, для ветеринарной науки... Едва ли это простое совпадение/ Более того, потомки Якоба Ивановича Линденау (в частности, мои дед, прадед и их братья и т.д.) многие «держали извоз», и многие были лошадиниками-коновалами (так на Руси называли лекарей по лошадям).

На дальнейшее проживание родители Якоба из Москвы переехали (видимо — возвратились) в Лифляндию, где обосновались очень многие остзейские немцы. И на учебу в 1730—1731 гг. Якоб уезжал в Германию.

В течение XX века в России, СССР с трудом удавалось издать труды ученых иноземного происхождения — участников Великой Северной экспедиции. А труд Г. Миллера «История России» смогли издать лишь в 2005 году. Дело в том, что первая и вторая (Великая Отечественная) «германские» войны породили негативное отношение к немцам, особенно у официальной государственной власти.

Поэтому кто-то из ученых вполне осознанно мог назвать Я.И. Линденау «обрусевшим шведом». Но нет никаких ссылок на документы или письменное

уведомление, что отец Я. Линденау — швед. И далее. Перечисляя данные о себе в «анкете» при поступлении на службу в Сенат переводчиком, Якоб Линденау назвал шесть языков, которыми он владел: первые в списке немецкий и русский языки, шведский язык им не упоминался.

Я думаю, что Я. Линденау был не шведского происхождения, а именно саксонского. Все свои труды он написал на немецком. Был дружен с великими немцами — российскими академиками Г. Миллером. И. Гмелиным, Г. Стеллером. Его отец мог быть немцем из Лифляндии, входящей до 1710 года в состав шведского королевства.

Известный российский генеалог, бывший председатель Свердловской областной генеалогической организации Г.В. Гассельблат, с уверенностью констатировал, что Линденау — не может быть шведской фамилией. Г.В. Гассельблат — швед по национальности, знает свою родословную до 15 колена. «Это немецкая фамилия», — сказал он. Профессор Н.В. Кочешков писал, что Якоб Линденау был офицером шведской армии, а потом остался в России. Но этого быть не могло, поскольку все сухопутные сражения, включая Полтавское, завершились до 1710 года, а Гангутское сражение на море было в 1714 году.

Якоб тогда был мальчуганом. Может, отец его служил в шведской армии? Но все пленные шведы «отбыли» по несколько лет в Тюмени, Тобольске и т.п.

На службу к русским были приняты только два или три пленных полка наемников саксонцев. Если отец Якоба служил в этих полках, то он мог оказаться в Москве и родить там сына. Кстати, он тоже мог быть специалистом-коневодом.

С 1855 года по 1862-й, из Саксонии был большой исход населения в Россию. Селились переселенцы в нескольких местах, в том числе на территории нынешнего Энгельсского района Саратовской области. Одно из поселений они назвали Линденау (во время Первой мировой войны оно было переименовано в Овражное), а по имеющимся данным ни один из переселенцев не носил фамилии Линденау. Вероятно, это была память о родных местах. А может быть, о Бернгарде Августе фон Линденау?

Андрей ПАТОКИН

А ЗНАЕТЕ...

А знаете, сегодня день такой,
Как чьи-то удивлённые глаза.
Я волю дам, взмахнув рукой,
Неудержимым парусам,
Неудержимым парусам
победно алым,
Какими их придумал сам.

А знаете, какой наступит вечер?
Он как глубокий чей-то сон.
А жить мы с вами будем вечно
Средь этих сказочных лесов,
Средь этих сказочных лесов,
быть может, синих,
Хоть в общем-то, не в этом соль.
И будем мы встречать рассвет,
Какое счастье!
На красивейшей из планет,
Где люди добрые так часты,
Добрые так часты
Живые мысли из старой сказки.

Сергей ДВОРНИКОВ,
Юлия ЛАРИНА

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
МАГАЗИН «НИМФА», г. Екатеринбург, ул. Мира, 2

Путешествие на Вагильский Туман

Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

«Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». Наверняка вы слышали эти замечательные слова Л.Н. Толстого. Еще не все тайны природы раскрыты, не все пути-дороги описаны. Наша задача в этом и заключалась: узнать эти тайны, пройти неведомыми тропами, собрать интересный и занимательный материал.

Путешествуя в последние годы в самые отдаленные уголки Свердловской области, встречал я немало родственных душ, с которыми меня объединял отдых на природе: рыбалка, экстрим и охота. Этим людям не останавливают никакие трудности: ни отсутствие элемен-

тарных удобств, ни средств коммуникации, ни природные условия. Они приехали, чтоб посмотреть красоты Урала, найти новых друзей, насладиться общением, получить новые впечатления, активно провести свой отдых.

Вот такая в феврале этого года родилась в редакции журнала «Уральский следопыт» идея — организовать содружество людей, увлеченных темой активного отдыха на природе. Ведь отдыхать командой веселей и надежней!

Буквально через месяц был создан проект — клуб любителей водомоторных путешествий — Вагиль-Club-Екатеринбург. Сразу наметили июльский маршрут экспедиции: устье р. Вагиль — оз. Большой Ва-

гильский Туман. Спросите вы меня: «А почему именно этот маршрут?!» А я вам отвечу: «Богата наша уральская земля и историческими событиями, и тайнами, и загадками!» В Гаринском районе (в 350 км от Екатеринбурга) среди бескрайних зеленых просторов, лесов простирается целая сеть таких озер, так называемых туманов. Здесь берет начало река Вагиль. В топонимическом плане река Вагиль на карте Ремезова 1701 года значилась как Вогулка и прилегающая к ней территория насчитывала одиннадцать стрелецких дворов.

Существует в народе вогульская сказка:

«Жил на свете красивый, молодой охотник по имени Тагил. Был он

Сергей Юрьевич Дворников член ассоциации Уральских каскадеров, инициатор и организатор авто-шоу «Гонки на выживание», а также многочисленных экспедиций по уральским рекам.

во всем удачлив, а когда встретил красавицу Туру, то полюбил ее всем сердцем. Потом у них родились сыновья, которых назвали – Тобол и Иртыш – сильные, храбрые добытчики. Так, по мысли охотников, Урал-батюшка породнился с Сибирью-матушкой, приняв Тобол и Иртыш в могучие объятия Оби».

В историческом плане на территории Гаринского района зарегистрировано 107 археологических памятников, такие, как Заозерка, Лупта, Сотниково и другие, датирующиеся 3 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э. Кстати, хочу заметить, что на территории поселения Сотниково нами были найдены черепки древней керамики.

Не обошли эти края стороной события, связанные с освоением

русскими Сибири: завоевательные походы князя Федора Курбского в 1483 году на Югру, а позднее атамана Ермака в 1581 году.

Таким образом, наш маршрут был утвержден. Заявилось много участников (10 вымпелов), ведь это приключение вызвало со стороны путешественников неподдельный интерес, бурю эмоций, чувств и чуточку волнения, поскольку все в первый раз отправлялись в такое «организованное» путешествие.

Первой в путь двинулась группа Авангарда. Она благополучно разбила базовый палаточный лагерь, поджидая других участников экспедиции. Свое прибытие эта группа отметила приготовлением настоящей ухи. Хорошее начало нашего отдыха! На следующее утро

на старт маршрута по разным причинам прибыло всего пять лодок из обещанных десяти. Я не буду перечислять всех «следопытов», но поверьте мне на слово: коллектив подобрался замечательный!

И вот мы, всем дружным составом, прибыли в конечный пункт маршрута (стоит отметить, что приключений на нашем пути до того, как мы добрались до озера, было немало). И вот, наконец, он – Большой Вагильский Туман. Величественное озеро! Те, кто бывал здесь, меня поймут. Лишних слов не надо. И все же... хочется говорить. Выразить те эмоции и чувства, которые вызывает это озеро. «Жемчужина», – восклицаю я, и слова разлетаются по воздуху, сливаются с пением птиц и уносятся вдаль... И погода стояла замечательная: за все дни нашего пребывания на озере дважды пыталась разразиться гроза, но опасность миновала, гроза обошла нас стороной. Температура воздуха днем поднималась до +34, а воды +24. Мы катались по озерам на лодках, купались, рыбачили. Солнышко покрыло нас красивым загаром. Стоило бы еще сказать про рыбалку, да боюсь, что статьи не хватит. Это отдельная тема. Рыбалка здесь – ах, как хороша!

Коллектив у нас подобрался очень веселый. Успели справиться

на озере день рождения Эдика Петрова, с праздничным столом, подарками и настоящим тортом, дали концерт в честь именинника. Все остались довольны торжеством.

Еще одним пунктом нашего пути была остановка у местных жителей. Это наши старые знакомые – Николай и Вера. Нигде нас так искренне и радушно не встречали, как здесь: и настоящая баня с березовыми вениками, и русская еда, и песня. Смотришь на них и диву даешься, как люди счастливы в этой глубинке!

Так и подошло к концу наше путешествие, начатое несколько дней назад. Зато каких дней! Каждый день был со своей изюминкой!

Обратно мы добрались благополучно. Сначала плыли на лодках, а потом до Екатеринбурга ехали на машинах (хотелось бы отметить, что на протяжении всего пути мы пользовались

спутниковыми навигаторами, которые нам помогли в выборе маршрута).

Первое наше путешествие состоялось. И состоялось оно, как заявили все участники экспедиции, просто отлично! И теперь остается думать и выбирать маршрут: «Куда грести дальше?!» На этот счет у «Уральского следопыта» уже есть дальнейшие планы...

А пока я хотел закончить наш с вами (читателями) маршрут словами земляка, писателя Н. Никонова: «Идите к лесам и животным, не бойтесь ни дождей, ни гроз, любите гром и трепет травинки под вихрем, тяните глядящую руку всему живому, не бойтесь встать на колени перед красотой порхающего мира и вечностью безмолвного цветка... Идите, не стойте. Красота открыта желающему видеть. И наслаждение красотой равно возвышению до нее».

Целитель Замуравкин

Это кирпичное одноэтажное здание со шпилем, что по улице Челюскинцев, 7, в Екатеринбурге знакомо многим старожилам как глазная больница. Но мало кто знает, что именно здесь почти 40 лет трудился замечательный доктор-окулист Георгий Иванович Замуравкин. «Уральский целитель» — так называли его в народе.

...Морозная зимняя ночь. Тихая окраина провинциального Екатеринбурга. Часы в гостиной пробили полночь. Георгий Иванович откинулся на спинку стула, привычным движением поправил очки. Положив руки на стол, долго сидел в задумчивости. В доме тишина, но вот скрипнула дверь, послышались легкие шаги: должно быть, Анна Викентьевна, жена, заглянула в детскую, что-то нездоровится маленькой дочке Зое. На дворе рождественские морозы.

А в кабинете тепло, уютно. Здесь все под рукой: книжный шкаф, где собраны редкие издания, научная литература. Здесь всегда хорошо работается и легко думается. Но сегодня думы Георгия Ивановича тяжелы. Пятый год существования глазной лечебницы, пока единственной в обширном уральском крае, выдался очень трудным.

Георгий Иванович дописал последние строки в лежащей перед ним тетради, поставил дату: 28 декабря 1911 года. В этот день ему исполнилось 37 лет. Закрыв тетрадь, на обложке которой значилось: «Отчет о работе глазной лечебницы имени доктора медицины А.А. Миславского».

Да, было над чем задуматься. В лечебнице всего десять коек, но даже на их содержание не хватает средств. А больных все больше и больше. Лечебница не имеет достаточных субсидий от властей города, тем более в этом году часть средств из казны была выделена на строительство оперного театра. Хорошо еще, что около 50 больных пользовались бесплатным лечением на «именных» койках: попечительства о слепых императрицы Марии Александровны, золотопромышленника С.Е. Туликова, купца Г.И. Рязанова. И только десятерых содержали за счет лечебницы.

Георгий Иванович скрупулезно перечислил в отчете все статьи дохода. От Екатеринбургского уездного земства — 800 рублей, от продажи быка — 53 рубля, от продажи старого железа — 1 рубль 80 копеек. Кружечный сбор составил 35 рублей.

Доход от торговых бань, завещанных Т.И. Кисаревым, доктор выделил в особую графу: при банях продавали мыло, мочалки, пиво, папиросы — все строго

учтено. В отчете указан также электрический фонарь, пожертвованный оптиком А.И. Липшицем, который облегчил проведение операций, и очки для бедных больных. Та же категория пациентов получала бесплатные лекарства в аптеке господина Мирмельштейна.

Недостаток средств, бессилие угнетали доктора. Думал ли он, блестяще окончивший медицинский факультет Московского университета, что судьба забросит его в этот край, в маленькую провинциальную больничку?

... Георгий Иванович Замуравкин родился в г. Вологде в 1874 году. В семье были еще три брата и сестра. После окончания гимназии поступил на тот же факультет, который четырнадцатью годами раньше окончил, известный уже к тому времени под псевдонимом «А. Чехонте», Антон Павлович Чехов.

После окончания университета молодой доктор был направлен в костромскую больницу, где ранее проходил практику. Выезжал он и в другие города губернии. В старинном городке Макарьеве познакомился со своей будущей женой — Анной Викентьевной, урожденной Чайковской. Она только что окончила в Санкт-Петербурге Императорскую Военно-Медицинскую Академию и получила свидетельство «повивальной бабки», «позволяющее ей производить практику по всей Российской империи», и также была направлена работать в Кострому.

Лечебница
Миславского.
1906 г.

Венчались молодые в храме Святого Макария, возвышавшемся на крутом берегу реки Унжи. Все было красиво и торжественно, будущее предвещало много радостных дней. Но не успел еще закончиться медовый месяц, как началась Русско-японская война. Георгия Ивановича сразу же призвали в армию и направили в военно-полевой госпиталь в Харбин.

Анна Викентьевна, не теряя времени, поступила на курсы сестер милосердия. Через Управление Российского Красного Креста выхлопотала себе бумаги, позволяющие ей работать в полевых условиях, и отправилась вслед за мужем. В Харбине Замуравкины работали до окончания войны. А в 1906 году Георгий Иванович прибыл в только что открывшуюся глазную лечебницу в Екатеринбурге.

Строилась лечебница 4 года. По проекту инженера А.А. Шалабанова. На пожертвования, собранные по подписке. Теперь сюда стекались больные из ближних и дальних уездов: Красноуфимска, Верхотурья, Соликамска, Шадринска. Это были в основном крестьяне, работные люди. Собирая последние гроши, они неделями добирались до Екатеринбурга. Вдвоем с фельдшером Георгий Иванович принимал в месяц более 5000 пациентов! Труд был изнурительный. И хотя количество коек удалось увеличить с 12 до 40, их не хватало.

Жизнь молодых врачей Замуравкиных потихоньку налаживалась. Наняли дом по улице Коробковской, который со временем выкупили. Это было близко от лечебницы, и Георгий Иванович на службу ходил пешком. С появлением дочки хлопот в доме прибавилось.

1917 год внес в жизнь Замуравкиных перемены. Улица, где они жили, стала называться именем Октябрьской революции, а дом, за который был только что выплачен последний взнос, почти полностью конфисковали. Хозяевам оставили минимальную жилплощадь. В тревожные годы Гражданской войны власть в городе менялась несколько раз. Наплыв пациентов был невероятно велик; но под видом больных приходилось спасать еще и бойцов Красной Армии. Никому в голо-

ву не приходило, что главный врач глазной клиники, почтенный доктор, внешне замкнутый и строгий, под видом оперированных пациентов с повязками на глазах скрывает тех, кого ищут враги революции. Клиника была вне подозрений.

К началу 20-х годов число коек постепенно увеличивалось, увеличивался и штат. Были приняты еще один врач, медсестра, нянечка и сторож. Уже и за пределами Екатеринбурга земля полнилась слухами о целителе глазных болезней, который слепых делал зрячими, исправлял косоглазие.

В 20-е же годы глазная лечебница им. А.А. Миславского начала преобразоваться в лечебно-научное учреждение. Не кто иной, как доктор Замуравкин, первым на Урале рискнул исправлять косоглазие оперативным путем, располагая только обыкновенным скальпелем.

Операция получила название «метода доктора Замуравкина».

Георгий Иванович не занимался научной деятельностью, он был поглощен работой с больными, а их приходилось принимать и лечить с утра до позднего вечера. Но свой метод он изложил в письменном виде, и ближайший его помощник, доктор Аронов, защитил диссертацию по этой теме. С дочерью доктора Аронова мне приходилось беседовать. Она помнила Георгия Ивановича человеком очень добрым, остроумным и сдержанным.

А между тем в семье Замуравкиных подрастала дочь. У Зои обнаружили способности к музыке. Она окончила музыкальное училище по классу фортепиано. Часто, бывало, вместе с Георгием Ивановичем вечерами, когда в доме были гости, они играли в четыре руки.

Зоя выросла очень красивой девушкой, к ней часто приходили друзья. И постепенно дом Замуравкиных стал своеобразным культурным центром.

В те годы в местный оперный театр приглашали лучших певцов. Они-то и стали частыми гостями дома Замуравкиных. Здесь каждую субботу проходили музыкальные вечера. Собирались художники, писатели,

артисты: В.Г. Ухов, С.Я. Лемешев, И.С. Козловский, который был поклонником Зои Георгиевны. Таковым он остался навсегда. Для нее он исполнял романс «Я встретил вас».

Хозяин дома любил молодежь и тоже принимал участие в музицировании. Но иногда в разгар веселья он незаметно удалялся в свой кабинет, где брал в руки другой инструмент — паяльцы, и вышивал гладью. В этом искусстве он превзошел даже Анну Викентьевну. Таким образом доктор тренировал пальцы, достигая точности стежка, красоты и аккуратности шва. Это очень помогало Георгию Ивановичу при операциях.

Вклад Замуравкина в уральскую медицину, в частности в офтальмологию, трудно переоценить. В начале прошлого века в России свирепствовала ужасная глазная болезнь — трахома. Огромные территории с большим количеством населения, особенно бедноты, были подвержены этому недугу. Георгий Иванович — один из инициаторов создания в 1924 году трахомозных отрядов. С этими отрядами он выезжал в самые отдаленные районы, чтобы на местах провести лечение. Не удивительно поэтому, что именно его пригласили в Москву на I съезд офтальмологов с докладом по этой теме. «Борьба с трахомой и слепотой в уральской области» — такой доклад был сделан Замуравкиным на пленарном заседании 23 января 1927 года.

В результате Совнарком РСФСР специальным постановлением поручил Наркомздраву усилить борьбу с социальными болезнями, и в первую очередь, трахомой.

В 1930 году Замуравкин организовал съезд окулистов всего Урала, после которого и начал подготовку к созданию общества офтальмологов, председателем которого он являлся. Пять лет он руководит обществом, а в 1936 году его избрали почетным членом. Общество офтальмологов здравствует и по сей день.

Многие годы Георгий Иванович продолжал работать в клинике, заведовал кафедрой глазных болезней, много занимался со студентами. Клиника стала крупнейшей в стране. Она исполняла роль не только лечебного, но и учебного учреждения.

Во время Великой Отечественной войны Георгий Иванович по-прежнему работал в клинике и вместе со всеми стойко переносил лишения и невзгоды военного лихолетья. Власти города старались поддержать доктора. Посылали ему крупу, муку, сахар. Но Замуравкин неодобрительно относился к таким подношениям, даже гневался. По рассказам его внука Игоря Евгеньевича Кондратьева, который живет в Екатеринбурге, дедушка отказывался от продуктов, просил передать в госпитали и детские дома.

А умер он фактически от голода. По свидетельству внука, у него опухли ноги, он резко ослабевал. И настал день 9 августа 1943 года, когда всеми любимый доктор не появился в своем кабинете. Утрата была горем не только для родных, коллектива, но и для всего города. Клиника осиротела и погрузилась в траур...

Анна Викентьевна пережила мужа всего на один год. Они покоятся рядом на Ивановском кладбище.

Подлинные документы, семейные фотографии и портрет Г.И. Замуравкина переданы его внуком И.Е. Кондратьевым в Музей истории уральской медицины.

ВЕРЕТЕННИКОВА Анна Ивановна (1855 — 1888), авт. воспоминаний.

Врач-окулист. Род. в Казанской губ., дочь помещика. Писала и печатала ст. по медицинским и педагогическим вопросам. Авт. «Записок земского врача». — «Новый мир». 1956, № 3. с.205-232. Некролог: «Ист. Вест.», 1888, № 12, С.258; О ней: Щепкина Е.Н. Памяти двух женщин-врачей. — «Образование», 1896, № 5\6, С.92-104, 137.

ИДРДВ. Т.3, Ч.3, № 5153, 5210; Венгеров. Источ.

ВЕРЕЩАГИНА А.

Сотр. журн. «Рус. Старина» (1886, № 2) — Б. Масанов. М.б. родственница М.Ю.Лермонтова (см. Личн. арх. фонды. 3)

ВЕРЕЩАГИНА В.А.

Сотр. сатирич. журналов: «Бурелом» (1905-06), «Буря» (1906), «Дикарь» (1906), «Зарницы» (1906), «Застрельщик» (1906), «Коса» (1906) — Veta. Масанов.

ВЕРЕЩАГИНА Елизавета Кондратьевна (урожд. Фишер; 1856 — 1941), авт. воспоминаний.

Первая жена художника В.В.Верещагина. «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных». СПб., 1883-1884 (автор не указан). О ней: Скрыдлов Н.И. Воспоминания адмирала Н.И.Скрыдлова. СПб., 1913(?)

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6031 а, 6044.

ВЕРЕЩАГИНА Мария Николаевна (урожд. Розова; ? — 1988), авт. воспоминаний.

В эмиграции — преподаватель русского языка. Оставила воспоминания «Как жила Тэффи» \ \ Новое русское слово. 1952. 16 нояб.

РРЭВД. 4.

ВЕРЕЩАГИНА Н.

Сотр. журн. «Для народного учителя» (1914).

ВЕРЖАНСКАЯ А. (фамилия до замуж. и псевд. Анны Александровны Фези-Жилинской), поэтесса.

Масанов (Фези-Жилинская).

ВЕРИГИНА Анна Ивановна

Жила в Екатеринбурге. С 1903 г. была действительным пожизненным членом УОЛЕ.

ВЕРИГИНА Валентина Петровна (1882 — 1974), мемуаристка.

Актриса. Вместе с Л.Д.Блок сост. в редакции театр. журн. «Любовь к трем апельсинам» (1914). «Воспоминания о художнике С.Ю.Судейкине». — В кн. Коган Д.З. «Сергей Юрьевич Судейкин». М., 1974, с.195-205; «Воспоминания». Л., 1974; «И этот голос чудно новый...». — «Аврора», 1973, № 2, с.62-64; «В театре на Офицерской улице». — В кн. «Вера Федоровна Комиссаржевская». Л.-М., 1964, с.258-273; «Исключительное дарование». — В кн. «Мария Федоровна Андреева». М., 1968, с.461-469; «Большое дарование». — В кн. «Мария Петровна Лилина». М., 1960, с.117-122; «Памяти Любви Дмитриевны Менделеевой-Блок». — «Звезда», 1980, № 10, с.162-173. «Встречи с Мейерхольдом». О ней: Н.З. По следам А.Блока \ \ Русская мысль. 1971. 16 сент.

ИДРДВ. Т.3, 4, 5 (указ. им.).

(Продолжение на стр. 37)

Пишите письма!

*День идёт серебряной трескою,
Ночь дельфином чёрным проплывает.
Эдуард Багрицкий*

1.

Мы дали «кровавую клятву» если и не писать регулярно толстых писем (кто ж на это способен в наше время?!), то хотя бы извещать о самых важных подвижках и событиях в жизни друг у друга. Мало ли? Всё может случиться, поэтому своевременная информация просто необходима. Тем более в ту пору, когда мы оказались по разные стороны великой страны Советов. Сашка по-прежнему бороздил воды Атлантики, а я пахал голубую ниву Тихого океана. Рыбоколхоз «Сероглазка», приютивший и давший работу, конечно, не мог в полной мере заменить мне Кениг, но был «зов сердца». Он и привёл на Камчатку, которая была хороша и прекрасна, иначе бы я не прожил здесь целых двенадцать лет, но мой «зов сердца» в конце концов сник и увял, а «велеие сердца» всё настойчивее требовало вернуться назад, на западную окраину родной страны, которую я, кажется, «видел воочию» всё чаще и чаще.

Но письма мы всё же писали, правда, достаточно редко. Чаще отделялись радиogramмами с моря, с берега — телеграммами, в основном поздравительного содержания. С днём рождения, допустим, или, как водится, с наступлением Нового года. Но, говорю, случались и письма. Из одного, полученного аж из Гаваны, я узнал, что Сашку теперь надо величать «господином штурманом», так как друг мой ухитрился или уж там умудрился закончить штурманские ускоренные

курсы судоводителей. Так называемый ШУКС. С ихним дипломом не пустят даже на порог какого-нибудь торгового морского пароходства, но тягать трал или кошельковый невод на эсэртэшке или усовершенствованном «велосипеде» считалось вполне достаточным для зрелого практика. Я поздравил Сашку с парой золотых соплей на рукавах тужурки, а в ответ получил другую лаконичную новость: «Родил наследника нетто три семьсот». Родила, само собой, Манюня, но так как участие Сашки в создании наследника сомнения не вызывало, я снова поздравил его и с этим достижением на семейном фронте и предположил, что Сашка намеревается стать капитаном. Ведь многие кепы любят выпячивать грудь: «Я взял план, я такой и сякой», но в случае конфуза он сообщает: «Мы сели на мель». Вот и Сашка туда же. Родись у них дочка, в РДО было бы наверняка сказано: «Мы родили дочь». Вот я, к примеру, так ему и написал о своих личных достижениях: «Мы родили вторую дочь», а в ответ получил: «Ха-ха-ха, поздравляю!»

После этой новости наступило долгое молчание. Ни писем, ни радиogramм. А я в это время, ощутив нестерпимое «велеие сердца», уже рассчитался с колхозом и летел в славный, некогда ганзейский город Канта и Гофмана, а ныне в советский город снесённого Королевского замка и разваливающихся остатков кафедрального собора.

ПИСАТЕЛЬ

Евгений Иванович Пинаев — известный писатель и моряк, художник, автор двух изданных книг «Мир дому твоему» и «Голубой омар», лауреат премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка за роман «Похвальное слово Бахусу», опубликованный в журнале «Урал». Несколько раз обошел вокруг света на паруснике «Крузенштерн». Увиденное воплотил в картинах, повестях и рисунках. В течение нескольких лет работал художественным редактором в «Уральском следопыте». Сегодня живет в небольшом поселке Калиново под Екатеринбургом.

На каком-то промежуточном аэродроме в мои руки попала газета с сообщением о трагедии в Северном море.

Года два назад я прочёл в «Правде» короткое сообщение в траурной рамке: «В результате жестокого шторма, сопровождавшегося морозом до 21 градуса и интенсивным обледенением, погибли находившиеся в Беринговом море средние рыболовные траулеры «Бокситогорск», «Севск», «Себеж» и «Нахичевань». Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям погибших на своём посту моряков советского рыболовецкого флота». Да, примерно в таком духе. Ещё, кажется, указывалось число. Ну я тогда был не слишком далеко от бедолаг, мы даже спешили им на помощь, но единственного живого маримана, Анатолия Охрименко, сняли с днища перевернувшегося судна другие рыбаки, подоспевшие раньше всех. Теперь мне попала на глаза заметка с радостным заголовком «Тукан найден!», в которой говорилось, что «как мы уже сообщали, для подъема затонувшего во время шторма рыболовецкого траулера «Тукан» Калининградской базы тралового флота в Северное море вышла специальная судоподъёмная экспедиция». Видимо, до того было и «глубокое соболезнование» ЦК КПСС семьям погибших рыбаков. «Тукан» — не средний траулер, с командой 22–25 человек. Это довольно большое судно. На нём 75 мужиков, столько же, сколько на трёх эсэртэшках. А сколько погибло, и скольких удалось спасти? В заметке об этом не говорилось. Значит, всё было сказано и написано раньше. Но если ещё не успели забыть, значит, случилось это не слишком давно, а коли так, мох забвения только начинает прорастать на могилах, некоторые из которых могли оказаться без постояльцев, без тех, кого не отдало море. И вполне возможно, что место в них предназначалось кому-то из моих бывших соплателей.

В общем, приземлился на родных берегах в самом паскудном настроении. Из аэропорта сразу направился к дядюшке, которому, конечно, не писал и который воспринял меня, как выходца с того света. Мы начали с бутылки «за встречу». Дядька, человек сухопутный, о «Тукане» ничего рассказать не мог, знал о его гибели только понаслышке. Правда, он слышал, что будто бы удалось спасти около двух десятков. Кого нашли в утопшем состоянии, тех похоронили на городском кладбище, остальным сделали фальшивые могилки с фамилиями на гранитных столбиках. Похоронили кучно, поэтому собираются ставить мемориал. Тогда мы взяли ещё пару бутылок и добавили от души «за мемориал, за лжемогилы и за тех, кто остался в море навсегда».

К Сашке я отправился недели через полторы, после того как родственник прописал меня у себя и я, стало быть, снова был готов к труду и обороне своих интересов на том поприще, которое выбрал когда-то и порог которого защищала неистребимая чиновничья рать.

Зря я не поспешил к другу сразу по приезде. Даже Манюню не застал с ихним «нетто-брутто». Уехала к родителям, проведив всего три дня назад своего благоверного (я чуть не взвыл!) в моря и океаны, о чём мне сообщила соседка по площадке.

Огорчение смерти подобно. И тогда я, Виктор Михайлович Заякин, предпринял срочные шаги для лечения своего потрясенного организма и восстановления сил для последующих шагов. Начать решил с пива. Оно имелось в изобилии на задворках межрейсовой гостиницы, стоило лишь припасть к амбразуре ларька и бросить в неё горсть медяков. Бросив и получив взамен две кружки с пышной шапкой пены, я поспешил к пустым бочкам, ждавшим своего звёздного часа в тени каштанов. Хотелось уединения, хотелось собрать до кучи разбегавшиеся мысли, но у бочек меня встретил бич с подозрительно знакомой физиономией, укра-

шенной не только недельной щетиной, но и живописным фингалом.

Мы лишь скользнули взглядом по лицам визави, но если мой взгляд тут же обратился к полнёхонким кружкам, то сонный доселе взгляд бича вдруг ожил, а сам бич обрёл дар речи.

— Кого я вижу! — воскликнул он точь-в-точь, как дядюшка, увидевший воскресшего племянника. — Никак, Заякин? А болтали, что ты утонул!

Ни хрена себе — болтали!

— Кто болтал? — спросил, стараясь вспомнить, с кем всё-таки имею дело.

— Не всё ли равно? Люди! — Он вынул подбородок из кружки, утёр губы рукавом засаленного лапсердака и подмигнул: — Значит, долго жить будешь!

— Постой, а ты-то кто? Узнаю, но не признаю.

— Память отшибло? А мы с тобой и в каюте соседствовали, и в одной бригаде уродовались. На «Стриже», забыл?

А, чёрт, действительно!

Это же Валька Сень! Но как потрепала жизнь мужика... Я работал с левой траловой доской, он цеплял или отдавал правую. И уж, видно, давно не «отдаёт», а поддаёт и цепляет к водочке прицеп в виде пива. Он и вправду достал откуда из глубин старого пиджака непочатую малышку и щёлкнул по горлышку грязным ногтем:

— За встречу? Себе берёг на вечер, но, может, угорим её ради такого случая?

— Не могу, Валентин. В кадры иду, а у инспекторов нюх собачий.

— Собачачий, как же, — понимающе кивнул он. — Да только какие нынче кадры? Все пароходы в разгоне, а резерв полон молодых, а тебе ведь, как и мне, уже за сорок?

— Сорок два...

— Ну вот! Эти волчары живо загрызут старика. Тебя, конечно, возьмут в любую контору, а потом сунут в какую-нибудь дыру, где и будешь сидеть до синего поноса, — разглагольствовал Сень, доливая в пиво водку и становясь все более говорливым. — Не получится у тебя идти своим путём к всеобщему счастью. Осознанно говорю, как бывший комсомольский работник.

И тут я окончательно всё и вспомнил.

На «Стриже» Сень был комсоргом, потом куда-то исчез и всплыл в базовом комитете комсомола освобождённым секретарём. Прежний пропал при весьма тёмных обстоятельствах. Вышел из кабинета и не вернулся. Как в воду канул! И вышел вроде на минутку. Китель висит на спинке стула, документы, партбилет, деньги — всё на месте. Нашли его только весной. Не в воду канул — в болото у целлюлозно-бумажного комбината. Вороны помогли обнаружить. Кто-то заинтересовался, какого дьявола они орут и кружат над одним местом. Уже оттаивать начала та трясины. Сунулись — рука торчит. Откопали — он! Ходили слухи, что был секретарь связан с уголовной братией, но хода делу так и не дали. Замыли, закопали и забыли, да и Сень уже сидел в освободившемся кресле. Он мне и

характеристику писал, когда я уезжал на Камчатку. Ничего, не обидел — красиво расписал мою личность.

— Да ты меня не слушаешь, Заякин! — Он вылил остатки водки в свою кружку и бесцеремонно долил в неё пива из моей. — Зря не слушаешь. Купи мне малышку на вечер и пару пива сейчас, а я тебе дам совет. Путёвку в жизнь предоставлю.

Его уже развезло, и я засомневался: что может посоветовать бич, от которого за версту разит помойкой? А Валька отставил кружку и глянул на меня с такой тоскливой надеждой, что ворохнулись во мне и жалость и сочувствие.

— За дельный совет можно и на пузырь раскошелиться, — ответил, бросив как бы спасательный круг. — А почему ты себе ничего не присоветуешь, а?

— Мне советы, что мёртвому припарка, — вздохнул он. — Поздно советовать. Конъюнктура не та... от сумы да от тюрьмы, сам понимаешь...

Он высосал из кружки последние капли и скрылся в кустах у забора, откуда вернулся с незастёгнутой ширинкой.

— Но другим, Витя, я ещё могу показать дорогу в лупухах и крапиве, — продолжил как ни в чём не бывало.

— Ближе к делу, — сказала я, собирая кружки. — Пива я сейчас притараню, а пузырь — по ходу пьесы, если она будет интересной, а главное, содержательной.

— Собрался с мыслями? Излагай, — поторопил я, вернувшись от ларька.

Он сделал по глотку из каждой кружки и принялся «излагать».

— Помнишь моего тёзку Гвоздилина? Он был на «Стриже» третьим помощником, и ты в ту пору очень даже с ним хороводился.

— Помню. Ну и что?

— Он теперь не Валька Гвоздилин, а Валентин Федосеевич, большой человек. Закончил «вышку», университет марксизма-ленинизма... да нет, кажись, даже взлэша. Словом, сделал карьеру и теперь сидит замом по кадрам в управлении рефрижераторного флота. Но вроде не скурвился. Понял, куда гну?

— Понял. Валяй дальше.

— Я с ним статакнулся однажды на каких-то торжествах в Доме рыбака. Узнал он меня и не побрезговал — угостил, разговором удостоил. За жизнь расспрашивал, помощь предлагал, а на хрена мне она? Кроме бутылки, мне другой помощи не надобно. Но телефончик его домашний я всё-таки взял на всякий крайний случай. А случай тот крайний, выходит, у тебя? Возьми да брякни старому корешу. Будет отлуп — приношу извинения, но думаю, он может тебя оснастить в дорогу. Валька Федосеевич, по всему судя, остался человеком, шерстью не оброс.

Гвоздилину я позвонил лишь после того, как обошёл все конторы и убедился, что в кадрах полно молодых жизнерадостных бичей. «Резервуары» полны — своих девать некуда, а варяги и вовсе не требовались. Вот и позвонил. Сень оказался прав — Гвоздилин не стал лохматым барбосом. Тут же пригласил меня к себе домой. А дом оказался тем же, в котором жил Сашка!

И квартиры их находились на одной площадке! И говорила со мной о Сашке сама мадам Гвоздилина! Она и сейчас, открывши дверь, узнала меня, засмеялась и пригласила войти, потому что «Валентин Федосеевич ждался дорогого гостя»!

Внешне Валька... пардон, Валентин Федосеевич почти не изменился. Ну, седина появилась, но она красит начальство. Благообразная седина, а не пегая пакля, как у Сеня. Словом, принц и нищий, разные судьбы, но каждый выбирает себе дорожку самостоятельно.

Не буду рассусоливать. Поговорили. Коньяку выпили, о Сене, само-собой, тоже был разговор, ведь пришлось рассказать, как у меня появился его домашний телефон.

— Я бы не позвонил вам, да положение пиковое. Везде просят погулять месяц, а то и два, а у меня денег в обрез, — признался я.

— Ладно, Виктор, помочь я тебе помогу, но имей в виду, что золотых гор не обещаю. Тем более, что у нас нет должностей тралмастеров. У нас своя специфика. Мы не ловим рыбу, а перерабатываем её. Если согласен пойти матросом на плавбазу «Кавказ», это можно устроить хоть завтра. Судно заканчивает ремонт в Клайпеде. Выйдет буквально на днях. Можешь дожидаться её здесь, но я бы советовал сразу ехать в Литву. Куй железо, пока горячо, не так ли? — предложил он мне свой вариант, и я тотчас с ним согласился.

Мы выпили ещё по рюмке коньяка за мой «хэппи-энд» и расстались.

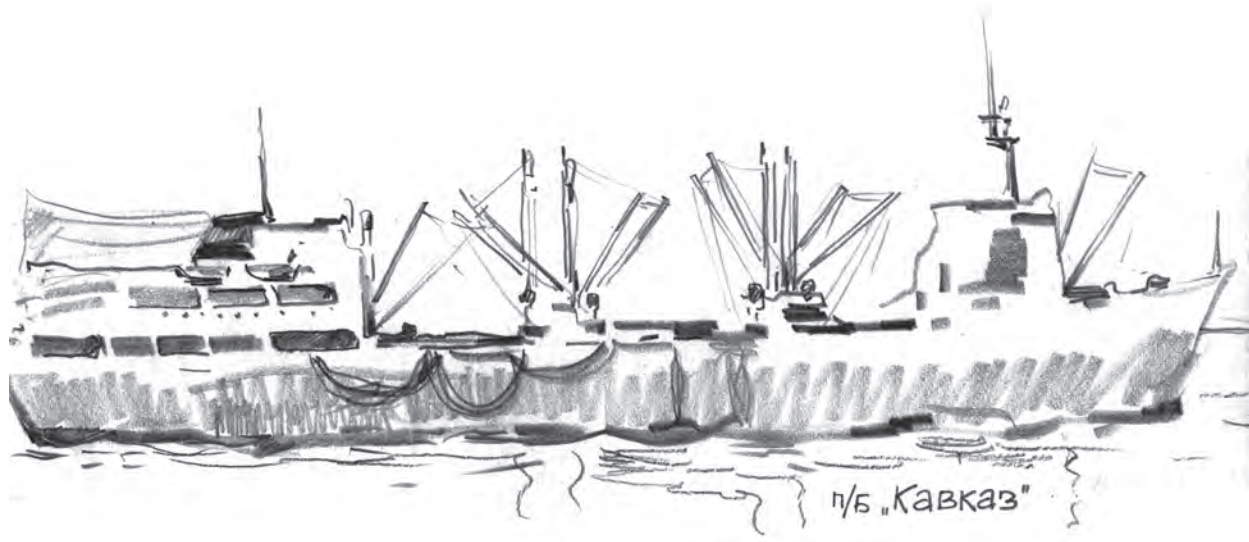
Зам по кадрам — большой человек. С оформлением не затянули, тем паче плавбаза не посещает иностранные порты, моряки на ней обходятся «второй визой», которая открывается почти автоматически. У меня была и «первая» — загранвиза, но камчатская, а здесь бы пришлось снова доказывать, что ты не верблюд. Я, правда, заполнил и на неё все бумажки-анкеты, а мой благодетель пообещал проследить за их «движением». Но это — потом, а сейчас я радовался уже тому, что оказался при деле, хотя и оказался в роли

«пролетария»: матрос второго класса, а мне дали на первых порах именно эту классность, относится к категории судовых инфузорий. Что ж, пролетариат живёт надеждой: «кто был ничем, тот станет всем».

2.

«Кавказ» — плавучий рыбзавод, многоэтажный великан водоизмещением почти двадцать тысяч тонн, которого влекут по океанским хлябям не библейские лошадки, а могучий табун известных каждому по школе стальных лошадиных сил. Морячить на таком голиафе, если вспомнить рекламу сберкасс, «надёжно, выгодно, удобно». Насчёт надёжно и удобно я был, пожалуй, согласен, а выгодно ли, ещё предстояло узнать. Единственный опыт плавания на довольно большом судне, каким был «Эскимос», оказался довольно краток. Я привык к небольшим тральцам, на которых не рискуешь заблудиться. Что ни говори, а тралец — дом родной, команда — семья, а здесь — двести с лишним «кавказских пленников». Что у них за душой? Вряд ли узнаешь и за несколько рейсов.

Вначале была полная неразбериха. Нас как попало, лишь бы поселить, рассовали по всему судну. Я оказался в кормовой надстройке с четырьмя разновозрастными хомо сапиенсами. Двое, правда, сразу сбежали в носовые каюты. Один из оставшихся, Сурен Аванесян, оказался крепким парнем, болтливого и смешливого нрава, другой — зануда моего возраста, а может, чуток помоложе, уже успел обзавестись кличкой Сеньор Помидор. Он явился с будильником, долго пристраивал его на полке у своей койки, потом взял со стола подшивку «Крокодила» и принялся разглядывать карикатуры, тщетно стараясь постичь смысл казенного юмора, но, не преуспев в этом занятии, страшно разозлился, хотя мы, я и Сурен, каждый по-своему, пытались растолковать ему в общедоступных понятиях и выражениях, что художники пытаются выговорить нечто вроде: «Над чем смеётесь? Над собой смеётесь!»

«А ну вас на ...! — сказал Помидор. — Много вы понимаете!» — и снова занялся будильником, пытаясь пристроить его так, чтобы он всегда был перед глазами и в то же время не мог бы свалиться ему на рожу.

Потом он брюзжал и ворчал, выключал радиотрансляцию: постоянно музыка, а музыка не та, и передачи не те. Допек и наконец куда-то исчез вместе с будильником.

Из-за неразберихи я вначале оказался под началом боцмана Толи Шелака. Это обрадовало, так как мне, вольной птице, вовсе не светило оказаться в «команде обработки», однако первое же соприкосновение с действительностью заставило усомниться в том, что в команде дракона будет теплее и светлее.

Всё началось с того, что был объявлен отход. «С борта никому не сходить, — потребовал старпом. — Будут проиграны тревоги и сделана проверка личного состава!» После чего боцман выволок нас на палубу ко второму трюму и поставил задачу «сделать быстро кукарачу», то есть вывалить левые стрелы номеров два, три, четыре на планширь, а правые на трюма. По-моему, и дракон, и старший матрос Кузнецов, более известный под кличкой Дистрофик, были изрядно поддавши. Ну, это их дело, подумал я, забираясь в «курятник» — застекленную будку, из которой полагалось «руководить» работой лебёдок стрел второго номера. Тут-то и началось. Сначала всё шло как будто нормально, но вдруг оказалось слишком много желающих командовать мной. На палубе беготня, крики, махание рук и снова истощный ор. Боцману что-то не понравилось в моем «руководстве». Вскочил на тамбучину, задрал башку к «курятнику».

— Слезай с лебёдки к такой-то матери! — заорал он.

— В чём дело? — поинтересовался я на всякий случай.

— Раз ты встал на лебёдку, ты должен командовать, а все должны тебе подчиняться, понял? Ты сейчас главный на палубе, понял?!

— Понял, — говорю. — Но ты посуди, как я могу отсюда командовать, если из будки ни хрена не видно? Парни работают с телефоном, с оттяжками, со свистовыми и с топенантом. Тащат куда-то шкентель, а куда? Я же не вижу, а все галдят «вира-майна, стоп и сос». Я же только травлю или выбираю концы по их командам.

— Много разговариваешь! Слезай к чертовой матери!

Я спустился из будки. Моё место занял матрос, служивший «рупором» боцмана на палубе. Начал командовать сам дракон, без «рупора». В результате сломали нижний блок шкентеля. Его вертлюг так заржавел, что уже не вращался на пальце. Шкентель сломал реборду шкива, и его закусало между ним и щекой блока. Сурен с каким-то матросом начали менять блок. Я был послан заваливать стрелы третьего номера, но в это время сыграли общесудовую тревогу. Все кинулись по каютам за спасательными поясами, но как только разбежались по своим местам, объявили новую тревогу — шлюпочную. Я припустил бегом к «своей» шлюпке номер четыре. Снова началась путаница, ко-

мандные окрики. На этом всё и закончилось. Для нас, но не для старпома. У него появился повод задуматься и просмотреть судовую роль, чтобы выяснить «кто есть кто» в этой неразберихе. Кончилось тем, чем и должно было кончиться: я был «обнаружен» и направлен в распоряжение технолога, а тот отправил меня в распоряжение рыбмастера Бурака.

Однако орава соплавателей всё ещё походила на разворошенный муравейник, в основании которого я, в числе мне подобных, занимал последнюю нишу. На самом верху, подобно Саваофу, восседал капитан-директор, окруженный сонмом апостолов и архангелов из производственной иерархии плавбазы. Я, как «матрос второго класса команды обработки», оказался в самом низу и даже ниже низа. Бурак, ковырнув пальцем в ноздре, объявил вердикт: «Пойдёшь в трюм». Очень не хотелось мне спускаться ниже ватерлинии, но не хотелось и унижаться до просьб-уговоров. Я кивнул в знак согласия:

— Ниже трюма не пошлют, а пошлют, так гроб дадут...

Бугор вытаращил глаза.

— И ты согласен?! Без булды?

— А нам, татарам, всё равно, что плоское таскать, что круглое катать, — ответил ему с елико возможным равнодушием и спокойствием.

— Гы-ы! — заржал этот обалдуй. — Будет тебе и плоское и круглое!

Спросишь иного маримана, как, мол, дела, как жизнь? А в ответ слышишь, как детская, мол, рубашка — коротка и обосрана. Последнее обстоятельство этой версии вполне оправдано жизнью, а насчёт первого есть сомнения. С этим не так всё просто. Чаще всего жизнь укорачивается по нашей собственной вине, и, значит, собеседником твоим был пессимист. А оптимисты сравнивают жизнь с тельняшкой, и это тоже понятно — обычная чересполосица: белое, чёрное, белое, чёрное. Словом, тучки набегают, тучки улетают, и опять синеют небеса. В другое время я бы посчитал, что, встретив Бурака, и это после Гвоздилина, втюрился в тёмную полосу. Но, поразмыслив, приказал себе не психовать: нервные клетки не восстанавливаются. И не век же мне куковать в трюме! Будет и на моей улице... палуба, тогда и покажу кукиш Бураку, круглому и плоскому. По «Эскимосу» знал, что в трюме работа не сахар. Видел, как там катают «круглое» — бочки, и таскают «плоское» — доски сепараций, вот и решил, что справлюсь. Одного не учёл, что огромный «Кавказ» не чета старенькому «Эскимосу», у которого дым пожиже, а труба пониже. Про размеры трюмов и говорить нечего. Но главное было в ином. Подоспел циркуляр о сокращении штатов. Их и сократили. Многие каюты, сам видел, пустовали, а в трюме я оказался один как перст, и это при том, что правила техники безопасности никто не отменял, а один из пунктов этих правил гласил, что в трюме должны работать не менее двух человек и один из них — матрос первого класса, всё знающий и всё умеющий от и до.

Со своей бригадой на первых порах я толком не познакомился. И не стремился, кстати: моя хата с краю,

я — наособицу, и пошли вы все на фиг! Меня уже переселили в носовую надстройку. С сокаютниками — да, с ними обнюхался. От них, как от судьбы, никуда не уйдёшь (да и что мне судьба бесприютная — нет любви, ну и так проживёшь), хотя, если бы позволили, с превеликим удовольствием забился бы в отдельную щель. Но не позволили: бригада должна жить компактно. Я пожал руку бондарю Хижняку, тузулучнику Валерке Калейнику и деду Ивану, вернее Ивану Васильевичу Холодилкову, шедшему в свой последний рейс. Кинув портфель с пожитками в рундук, сам полез в медвежий угол — на верхнюю, пустовавшую, койку, где моим соседом оказался тузулучник. С койки и осмотрел своё новое жилище. Осмотр не принёс утешения. Я пришёл к выводу, что пароход загажен изрядно. Кто ходил на нём до нас, кто жил в каютах? На моей койке спал какой-то «художник», но не маринист, а портретист, как Сашка. Но друг мой никогда бы не позволил себе пакостить в своем жилище. Он рисовал в альбоме, а этот исчеркал стенки рундука женскими мордашками самого фривольного вида. Даже доска, предохраняющая от падения во время качки, носила карандашные следы прикосновения его шкодливой руки, а в переборку он же кидал нож или просто вонзал лезвие от скуки. Другие переборки были истыканы гвоздями, а столешница имела такой вид, будто её притащили со свалки.

Хорошие отношения с Валеркой наладились быстро. Мы с ним, в некотором роде, напоминали сиамских близнецов. Меня и его связывали трубопроводы и шланги, соединяющие солеварню и трюм. Валерка готовил тузулук, я его потреблял, заливая в бочки-стодвадцатки и в бочонки-пятидесятки (по числу запиханных в них килограммов рыбы), и эта взаимосвязь верха и низа породила нечто, похожее на взаимную симпатию, но это произошло гораздо позже. А на первых порах, когда Валерка прочёл мне первую лекцию о «жалоносных отряда перепончатокрылых», я насторожился: или он действительно Пчеловод, как его кличут старожилы, или же просто чокнулся на пчёлах. Пойти в море матросом, зная столько об этих медоносных букашках, мог только псих высшей пробы! А ведь он до «Кавказа» и на спасателе ходил — не первый год замужем.

С тех пор так и повелось. Стоило нам забраться на верхотуру, он начинал токовать о цветущих липах и клевере, гречихе, о дымокурах и ульях, о прополисе и пчелиных вошках, фруктозе и левулёзе. Упоминал, кажется, даже о пчелиных волках. Я совал голову под подушку, а он всё бубнил и бубнил, заявив под конец, что пчёлы водятся во всех частях света.

— Кроме Антарктиды, — не выдержав, высунулся я.

— Они встречаются даже в Гренландии за восемьдесят шестой параллелью, — живо парировал он мой демарш и наконец замолчал.

Дед Иван держался наособицу, но от бесед не отказывался, а Хижняк жил бирюком. Всё свободное время проводил только в койке. Вылезал из неё, чтобы пожрать да посмотреть фильм, особенно если он с

песнями. Сам он не пел. Заберётся в свой угол, задернется шторкой и, при свете ночника, вяжет авоськи из капроновой нитки. Начал, правда, с гамака. В изголодые начал, а как вылез наружу, мы ахнули: целый трал отчебучил! Покончив с ним, занавесился окончательно. Бывало, прислушаешься, а он сопит и вяжет, вяжет, вяжет, постукивая игличкой о полочку.

В любом случае, в каюте за номером Г-34 всегда ощущалось присутствие людской копошны. Как в городе, когда за окном слышны голоса, чирикание птичек, шуршание автомобильных колёс и лязг трамваев. Плавбаза, в некотором роде, тот же город. В носовой надстройке располагалось управление судном, обитал высший синклит, боцман и боцманята, какая-то часть нашей братии — матросов-рыбообработчиков. Внизу, по правому борту, размещался лазарет с зубокабинетом, в котором ошивалась длинноногая белокурая «бестия», и отсеком для болящих, который пока пустовал. В приёмной лазарета восседала санитарка Лидочка, предмет воздыхания Хижняка, как выяснилось позже, и здесь же занимал пост доктор Айболит, милейший Альберт Карлович, владелец мартышки по имени Гратис. Она доступа в лазарет не имела, но вожделела свободы. Доктор часто гулял с ней на радость празднующейся публики, а вскоре доверил и мне роль водителя мартышки. Иллюминаторы нашей каюты смотрели на люк второго трюма и первую тамбучину, оснащённую грузовыми стрелами, за ней — целый лес колонн и стрел на остальных, вплоть до кормовой надстройки. На её палубе находилась вертолётная площадка, труба — ангар для вертолёта, которого не было в наличии, в надстройке — всё остальное: камбуз, столовая, она же кинозал со сценой и расхристанным пианино, библиотека, каюты коков и машинной команды, ну и, конечно, тех остатков команды обработки, которых по каким-то соображениям не разместили в носу. Рыбцех находился в центральной части судна под верхней палубой, под главной — все остальные потроха: машинное отделение, рыбо-мучная установка (РМУ, или, если попросту, «крематорий»), трюма, форпик с барахлом дракона Толи Шелака, с которым я успел познакомиться, войдя в короткий трудовой контакт с оттенком конфликта.

Трюма в порту забили новенькой бочкотарой разного калибра. По выходе в Балтику их стали выгружать и помещать в «стензели» — выгородки из стальной сетки, окружавшей тамбучины. Те, что не поместились, ставили прямо на палубу и заливали водой. Для прохода людишек оставались лишь узкие щели между бочками и фальшбортом. Первую рыбу намеревались принять в Ирландском море, солить, а на переходе к берегам Африки делать из малосольной ставриды и скумбрии пресервы: рыбцех не должен простаивать, гласил закон экономики, ибо, как утверждала руководящая и управляющая сила государства, «экономика должна быть экономной».

Таков был рельеф «Кавказа» с его пиками, ущельями, перевалами и теснинами, с его дорогами и тропками, которые каждый выбирал по своему усмотрению.

Моя вотчина — второй трюм, самый поместительный и предназначенный только для бочек с солёной рыбой. С него я и начал знакомство с будущей ареной боевых действий. Именно боевых. Иначе я не представлял себе свою деятельность, видя огромную армию свежеспеченных кадушек, обтянутых чёрными поясами обручей. И вот, отбросив тяжёлую крышку «тёплого» люка, ступил я на ржавые поперечины скоб-трапа и начал спуск в преисподнюю. Моим Вергилием был Калейник. Полез следом то ли из солидарности, то ли из любопытства, хотя последнее вряд ли. Скорее из солидарности. Перед этим я помог ему выбить донья из нескольких бочек с солью, стоявших на первой тамбучине, и высыпать их содержимое в лючок, под которым с раскрытыми зевами стояли баки, похожие на автоклавы. Они, может, и были ими, ибо имели герметичные крышки, но отличались от них обилием вентиля и кранов. Скоб-трап шел по внешней стороне шахты элеватора, которая пересекала твиндек и заканчивалась на грязноватой и выщербленной деревянной палубе, застланной местами ещё уцелевшими рыбинами. В трюме было тихо и сумрачно. Под решетчатым настилом твиндека горело не больше двух-трёх тусклых лампочек. Противоположный край этого футбольного поля терялся во мгле, и я сразу представил то количество «солдат» противника, которое предстоит сначала раскатать по нему, поставить «на стакан», расшкантовать, залить тузулуком, выдержать до кровавой жижи на доньях, зашкантовать, набить таблички с фамилией рыбмастера и номером партии, потом переложить досками сепараций, а после, на этот первый, так называемый, шар, взгромоздить второй, третий и все остальные, проделывая с каждым все упомянутые операции. Пока я не представлял, сколько будет в трюме этих «шаров».

Я обошёл трюм.

За элеватором лежала груда погнутого ржавого железа. Какая-то оснастка? Почему не выбросили? Постоял. Пнул. Прошёл к куче поломанных рыбин. Та-ак, надо сегодня же сказать плотнику — пусть займётся. Отремонтирует — сразу закрыть этими решётками пустоты на палубе. Валерка стоял перед кучей сосновых досок. Они ещё пахли лесом и смолой.

— Какой сарай бы я мог из них сколотить, представляешь?! — вздохнул он, а я понял, что это, наряду со пчёлами, ещё один пункт Калейника

— Из-за них и спустился? — спросил я, предвидя будущие визиты.

— Не только... — Он нагнулся и приподнял огромную плаху-сороковку, а я представил, как буду таскать её по трюму, заволакивать и укладывать на бочки. — Надо проверить наконечники шлангов. Если пружина не работает, знаешь сколько тузулука прольётся зазря?

Наконечники обоих шлангов оказались в порядке. Валерка вернулся к доскам и, повздыхав немного, полез наверх. Прежде чем отправиться за ним, я проверил свой инструмент: корзины с деревянными пробками-шкантами были полны, в них же лежало два «хохотальника» — тяжёлых молотка, и шкантодёр: железяка — тот же гвоздодёр, но с широкими лапками.

Выдёргивать придётся не гвозди, а шканты, зауженные на конус.

Здешний элеватор работал по тому же принципу, что и элеватор боевого корабля, подающий снаряды из артпогреба в орудийную башню. Бесконечную цепь, похожую на велосипедную, но, конечно же, увеличенного размера, вращали две громадные шестерни, расположенные в верхней и нижней части шахты. На цепь были нанизаны тележки — ложе для бочек, которые автоматически выкатывались в трюм или твиндек из приёмных окон. Так говорила теория. Практика сразу подсказала обратное. Многие тележки были погнуты (и это после ремонта!), бочка подходила к окну и оставалась на месте. Если я не успевал скатить её или, в крайнем случае, вырубить элеватор, следующая тележка наваливалась на нижнюю — раздавался треск, клёпка обруча и рыба сыпались в шахту, а Бурак поливал меня сверху мощной струей доморощенного примитивного мата. Но это еще в лучшем случае. Не успею я нажать кнопку остановки — раздастся скрежет и лягз, а вся эта, в общем, довольно примитивная техника надолго выйдет из строя. Об этом я был предупреждён, этого опасался более всего, а потому постоянно дежурил у окна и колодки с красной и чёрной кнопками, благо они находились рядом и, значит, я мог успеть или выдернуть бочку, или нажать на «стоп».

Впрочем, эти проблемы ожидали меня впереди, и если я коснулся «технической документации», то лишь для того, чтобы не возвращаться впредь к тому, что вскоре будет доводить меня до белого каления. Пока что я, ознакомившись с местом работы, доложил бригадиру, что готов к трудовому подвигу.

— Ещё намудохаешься! — хмуро пообещал бугор и отправил меня таскать в рыбцех коробки под мороженный рыботорвар.

На ирландский шельф мы не попали. В Ла-Манше нас подждал РТМ «Петр Лизюков» (родной брат «Тукана»). С него приняли 230 тонн ставриды. На перегруз я не попал и снова оказался у боцмана. Делал гаши на толстенных капроновых тросах, пользуясь вместо свайки деревянным клином, но как только отвязали тралец и пошли двенадцатиузловым ходом в Бискайский залив, Бурак потребовал вернуть Заякина в рыбцех, где началась уже своя неразбериха. Бугор дал задание для чего-то загигать бортики транспортёра, сделанные из нержавеющей стали. Что ж, наше дело телячье: стой, куда поставили, и делай, что приказано. Только начал стучать молотком, рыбмастера поругались из-за этой их затеи с механиком-наладчиком. Я прекратил уродовать механизм и, как полный профан в изготовлении пресервов (их начали сразу делать из полученного свежья), был поставлен на подачу банок не профанам. Работа не пыльная, лёгкая и сухая. Рядом небольшой станок, на котором правишь помятые банки. Я успевал и подавать и править. Не успевала закатка крышек. Работала всего одна машина, а жестянок наготовили тьму-тьмущую. О трюме я даже и позабыть успел.

После ужина старпом затеял техучёбу, которая позволила узнать основные технические характеристики наше-

го голиафа: длина наибольшая — 164 метра, ширина по миделю — 21,3 метра, осадка — 8 метров, высота надводного борта — 14, мощность главного двигателя 7000 лошадей, водоизмещение — 19 600 тонн, грузоподъёмность — 4 500 тонн. Солидно и внушает доверие.

3.

Конец мая встретили песенно: «По правому борту плывут острова — чужая, но всё же земля». Это Канары, но по левому борту. На траверзе остров Лансероте. Горизонт ясен и усыпан мелкими барашками облаков, а сам остров накрыт мощной шапкой. И вдруг за островами вспыхнуло солнце, и всё вокруг них слилось в золотое сияние. В полдень миновали остров Гран-Канария. Он сам, как лёгкое облако, зацепился за тёмный горизонт, а его макушка вся кудрявилась барашками, наподобие легкомысленного перманента, а их тени покрывали остров, точно камуфляж. На северной оконечности низкого мыса белели городские постройки, и чуть в стороне нахохлился ещё один небольшой островок. Идиллия!

Ночь пришли в район промысла. Начали работать по-настоящему, тремя бригадами, и я сразу оказался в трюме, так как к нашим причалам кинулись тральцы, у которых «кошельки» лопались от сардинеллы. И пошла, пошла, поехала свежая «настоящая» рыба.

Когда из окна вывалилась первая бочка, я принял её с распростёртыми объятиями: «Здравствуй, родная!», через полчаса еле успевал провожать «родных» только пинками. Ты помнишь, мой друг-читатель, о чём я рассказывал там, выше? Об элеваторе рассказывал и о фокусах, которые частенько выкидывают тележки. Подлые бочки застревали в окне именно в тот момент, когда я находился в дальнем углу трюма. Полагаться приходилось только на резвость ног. Добежать и, грудью бросившись на амбразуру, спасти кадушку от гибели, а себя от верного раздолбона и крупных неприятностей, — это стало первоочередной и главной задачей. А бочки одолевали! Под приёмным окном не оставалось места даже для ног. Я не успевал их откатывать. Тогда воленс-неволенс приходилось останавливать элеватор и растаскивать затор. Бурак, где-то там наверху, тотчас появлялся на подаче и, сунув в шахту кудлатую башку, начинал поливать меня, как из шланга. Без матерного крика он, видимо, не представлял себе производственного цикла, а в рыбцехе разговаривал с матросами только на этом поганом языке.

Я молчал, а раскатав бочки, кричал, тоже сунув голову в шахту:

— Убери бестолковку — врубаю элеватор!

Что ж, первый натиск я выдержал, вот только не знал, что это было лишь пробой сил. Плевать, думал я, как всегда думал после боя с превосходящими силами противника. Зато каким солнцем встречала палуба выходца с того света! Как сиял океан и какие алмазы да бриллианты рассыпали струи воды, когда боцманята принялись скатывать палубу и поливать из шлангов всех желающих. Мне мокнуть не захотелось. Ушёл на

корму, где кок заряжал квасом пузатую бочку. По горизонту голубели силуэты тральцов, за кормой кружили и горланили чайки. Камбузник только что выплеснул за борт ведро с помоями, но первыми к отбросам кинулись мелкие акулы. Ленивые твари! Привыкли жрать из дармовой кормушки. У бортовых шпигатов, выбрасывавших всевозможную муть и слизь, кормились тунцы. Любители-рыболовы предпочитали охотиться на акул. Для чего? Этого я так и не узнал.

Я много думал о Сашке в эти дни. Где он? Гвоздлин не знал, но предположил, что за экватором. Очень даже возможно. А славненько было бы, если бы друг мой оказался в здешней ораве тральцов. Встретились бы однажды и перекинулись хотя бы парой слов. В свободное время я выходил к каждой швартовке, но друг-старпом, а он уже подвизался в этой должности, не появлялся на мостике судна, сдававшего нам свой улов. Вот с Мишкой Сулимчиком поговорить удалось. И он был старпомом. После «здравствуй» спросил, нет ли у меня лишней зубной щётки? Щётка у меня нашлась, а он выдал взамен целую авоську спичек, которые на «Кавказе» оказались дефицитом. Мишка предположил, что Сашка сейчас в Анголе.

Уходить с палубы не хотелось. Уж больно хорошо дышалось свежим воздухом после трюмного сырого концентрата. У лазарета задержался возле Айболита, чтобы «поболтать» с мартышкой. Гратис питала ко мне нежные чувства, и доктор уже два раза препоручал её мне для совместного променада. У плотницкой тоже застрял. Здесь волгари, практиканты Горьковского института водного транспорта, числившиеся в боцманской команде, осваивали азы такелажного дела под руководством... Сеньора Помидора! Он что-то пытался объяснять неумехам, но сам был одним из них, в чём я убедился, послушав его бестолковые поучения. Я не выдержал и, взяв у него свайку, сделал на их глазах пару огонов, а потом, чтобы закрепить увиденное, ещё раз показал, в каком порядке пробиваются пряди. Что-то до них сразу дошло, а что не дошло, объяснить не успел: показался Дистрофик, и я поспешил удалиться. Терпеть не мог этого вечно пьяного типа с испитой мордой и синим носом, длинной тонкой шеей, тщедушным телом на тощих ногах, с постоянно унылым и каким-то загробным выражением на физиономии. Боцман крайне редко появлялся на палубе. Возникал только по утрам, когда давал задания боцманятам под нашими иллюминаторами, при швартовке или спуске пневматических кранцев, во всех других случаях его альтэр это был Дистрофик. Это прозвище, между прочим, прилепил к нему Валерка Калейник, и прилепил настолько удачно, что вряд ли уже кто помнил настоящую фамилию старшего матроса. Помидор перед ним лебезил, практиканты его презирали, но в пререкания не вступали — себе дороже. Его раздражали малейшие возражения, и тогда начинался базарный крик с брызганьем слюной и примитивнейшим, как и у нашего бугра, матом.

Под кормовым свесом, у входа в надстройку, снова увидел доктора, беседующего с камбузным глав-

нокомандующим — весьма дородным Петром Устинычем.

Доктор был моих лет или ближе к пятидесяти на столько же, насколько я сам был близок к сорока пяти. Но он старался выглядеть старше, поэтому отпустил седоватую эспаньолку и усы. Очки, я думаю, были у него с простыми стеклами, так как глаза сквозь них смотрели как-то слишком зорко, и потому он часто снимал их, предпочитая держать в руке.

Разговор дока и кока не был сердитым, но каким-то недружелюбным. Гратис скучала. Она сделала шажок и еще один, а потом вскочила ко мне на плечо. Поводок натянулся, — Айболит обернулся и, мило улыбувшись, отпустил цепочку.

— Как ты, старуха? — спросил я.

— Терпимо, только очень скучно, — ответила она и принялась искать в моих волосах, предварительно стацив с них и напялив на себя мою панамку. — Все подружки остались в Африке.

— Напиши им письмо, — посоветовал я. — Пригласи прокатиться на большом советском пароходе.

— Здесь слишком много людей, — вздохнула она, теребя волосы возле макушки. — Им не до нас, а кому до нас, те слишком грубые. Ткнуть норовят, а некоторые — пнуть.

— Им тоже скучно. Работают — спят, потом снова работают и снова спят, — попытался я оправдать невоспитанных «кавказцев».

— А ты почему не работаешь и не спишь? — спросила она, дёргая меня за ухо.

— Я уже отработал смену, а не сплю потому, что жду писем от жены и друга.

— Из Африки?

— Нет, милая, от жены — с Камчатки, а от друга, если бы он знал, где я, то возможно, что из Африки. Очень может быть, Гратис, что он скоро появится здесь.

— И будет работать?

— Обязательно. Ведь мы произошли от обезьян, а труд сделал нас людьми.

— Глупости! — Она запустила обе ручки в мою шевелюру, и я ощутил крепость её ногтей. — А я не люблю работать.

— А что ты любишь?

— Ну-у... Как это у вас? «Пей кокосы, ешь бананы, чанга-чунга!»

— Это, старуха, и мы любим. И еще мы любим бить баклуши. А некоторые из нас только баклуши бьют, а работают, как ты, не любят. Видишь тех дядей? С красным носом — это Помидор, с синим — Дистрофик. Они вообще не умеют работать, да и не хотят.

— А что они хотят?

— О-о, многого! В основном, всё получить на халяву.

— На халяву? А что это такое?

— Это по-научному, вам, мартышкам, не понять.

— Сама слышала, как тот, с красным носом, говорил тому, у которого нос синий, что мартышкин труд не для белых людей. Почему?

— Это опять по-научному, долго объяснять. Но запомни, Гратис, «мартышкин труд» — это не то, что они

думают, а то, чем они занимаются на пароходе. Эти двое.

Нашу интеллектуальную беседу прервал док Айболит. Взял у меня поводок, снял обезьянку на палубу и, сказав, что делу время, потехе — час, отправился в лазарет. Мне же посоветовал писать письма: через два дня «Гавана» наберёт груз и снимется в порт.

Общение с Гратис налило меня до ушей сентиментальностью.

«Почему солнце светит? Почему море солёное?» Это всё детские вопросы из того разряда, на которые толковые папа и мама всегда дадут толковый ответ. Другие вопросы начинаешь задавать себе сам и, как правило, слишком поздно. И худо бывает, когда не находишь ответа ни в своей голове, ни в мозгах окружающих. Потому что у них такие же головы, а может, ещё хуже. А может, эти вопросы «их не касаются». Вопросы у них простенькие, а запросы такие же как вопросы. У того же Дистрофика, который ни с того, ни с сего толкнул меня на фальшборт, когда мы сошлись на узкой дорожке между бочками. Один из волжан говорил мне, что, посланный боцманом за старшим матросом, застал его в каюте за смакованием фотографий в датском порножурнальчике. Да, вот так. В море всё становится на свои места. В море становишься либо дураком, либо шибко умным. И лучше было бы, если б Дистрофик был дураком. Но он и не умный, а какой-то ни то, ни сё. Серый примитив, а это, думал я, хуже всего.

4.

Небольшое затишье закончилось довольно скоро. Раскачка тоже закончилась. Теперь мы работали тремя бригадами. Тральцы с полными «кошельками», а в некоторых было по сорок-пятьдесят тонн, подходили один за другим. На борт, сочась водой, плыли полновесные стампы, боцманята орали «майна — вира, стоп и сос», им натужно вторили лебёдки. Рыбой были полны не только бункера, но и объёмная выгородка у кормовой надстройки, быстро сколоченная плотником.

Вот когда началась настоящая работа! С двухчасовой подвахтой после своих четырёх. Я изнемогал, а Бурак всё чаще опускал в шахту свой шланг, извергавший матершину. Я уже не огрызался. Даже на это не было сил. Но однажды, когда бугор в сопровождении технолога спустился в трюм, потребовал, чтобы в авральные часы мне давали помощника, как делают другие бригады. И ещё сказал, чтобы они, бугры, как-то следили за работой трюмных.

— Этот шар — сплошные пятидесятки, а посреди торчит «остров» из стодвадцаток. Как прикажете класть сепарации? — добавил я.

— Разберитесь, Бурак! — приказал технолог. — И человека дайте. Пусть с Заякиным работает библиотекарь. Здоровый бугай, и нечего ему в рыбцехе... груши околачивать.

Так время от времени стал появляться в трюме Генка Бычков, дюжий малый с бицепсами Ивана Поддубного. Он был не только библиотекарем, но и «кинолебёдчи-

ком», он же выдавал спортивный инвентарь: мячи, гантели, гири-двухпудовки, шашки, шахматы и домино. И только Бычков мог переставить запросто с места на место гирищу, дар кораблестроителей, числившуюся в ведомости под номером первым: «Гиря спортивная — 100 кг.» Она была настоящим монстром и стояла на сцене возле пианино. Наш бригадный силач Котька Курицын обходил это чудовище стороной. Впрочем, Котька — адаптированное, я бы сказал, повторение Бычкова, забавлялся лишь двухпудовиками. Он был слишком туп даже для домино, а для бокса труслив, и это при всей его вздорности и какой-то подспудной злобе на всех и на вся. В отличие от него, Генка был человеком любвеобильным, а проще говоря, сердцеедом и донжуаном, благо на «Кавказе» имелись достаточно объектов, волновавших его большое сердце и широкую душу. Что до трюма, то нужно отдать ему должное, он честно отработывал за два часа нашей совместной работы положенную добавку к штатному паю. Другое дело, как такой богатырь, одним толчком посылавший полные бочки из угла в угол трюма, оказался библиотекарем? Это же чистая синекура! Но этим вопросом никто не задавался, ибо все мы, тоже и весьма охотно, воплотили бы в жизнь известный призыв: «На его месте так бы поступил каждый».

Внезапно наступившее безрыбье расслабило меня.

Передышка позволила спокойно залить тузулуком последнюю партию, зашкантовать бочки, настлат сепарацию и приготовить у элеватора ложе из коробок для кратковременного отдыха. Он тоже порой случался, когда Бурак не вытаскивал меня в рыбцех. В такие минуты я ложился на спину и думал о семье, оставшейся в «Сероглазке». С женой договорились, что, ещё до того как устроюсь на работу, дам объявление об обмене квартиры: вдруг какой-нибудь здешний абориген захочет перебраться в страну вулканов и гейзеров? Я дал объявление. Остальное зависело не от меня, а скорее от жены. Как она развернётся, если появится претендент? Вот только писем от неё что-то не было. Дядюшкин адрес она знала, но свой «морской» я дал в последнюю минуту перед отходом на промысел, а потому ждал писем со дня на день и, конечно, ловил все слухи о каждом прибывающем судне.

Ждать писем, ждать чего-то, ждать того либо другого, вообще «ждать» — это в море привычное состояние.

Нет, ждать писем — совсем иное состояние души, думал я, глядя в чёрное небо трюма, на котором, точно угасающие звёзды, едва светились в сырой дымке лампы («Две из трёх уже... надо бы сказать электрикам, но сколько можно говорить?!»), упрятанные в грязные стеклянные колпаки. Люди, люди, надо писать письма,

говорил я себе. Разве так уж трудно черкнуть два слова близкому человеку, чтобы себе подсобить и его поддержать. Ведь, может быть, в этот момент угодил он на чёрную полосу тельняшки, а твои строчки помогут ему перебраться на белую. Но мы слишком ленивы, слишком заняты собой и видим докуку в проявлении элементарных родственных или дружеских чувств. И дядька не зря решил, что я сгинул в нетях. И, может, тот, кому я не написал тех двух слов, тот и решил, что я давно утонул и съеден крабами, как сообщил мне о том равнодушно спившийся Валька Сень. Неужели и он иногда вспоминал меня?! Вот забавно! И нет ничего забавного в том, что я редко писал матушке и отцу, сестрёнке, скитаясь по свету. Теперь уже не напишешь. Даже на похороны не попал, а когда был в последний раз на их могилах? стыдно, Заякин, стыдно и горько, Виктор Михалыч! Пишите письма, человеки, пишите, пишите, пишите! Листок бумаги ручка и конверт — цена им копейка, а как приятно, как радостно получить письмо, но если не напишешь сам, то и тебе не ответят. И будешь ты глотать слюни, глядя, как другие распечатывают конверты и читают весточки. И нечего потом удивляться, что не с кем потом поделиться ни горем, ни радостью...

Такие мысли возможны, когда тебя не бомбардируют бочками. Или вот как сейчас, когда на Шипке всё спокойно, и ты уже десять минут...

— Заякин, кончай чесаться, давай наверх! — гулко раздавалось в шахте.

Я вцепился в скоб-трап и полез на зов бригадира.

Ишь ты, большая приборка! Поднимают стальные листы стланей, гребут изо всех углов протухшую рыбу, смывают из шлангов раскисшее месиво.

— Как в трюме? — спросил бугор.

— Порядок в трюме, — ответил ему. — Забит до твиндека. Шесть шаров взгромоздили.

— Вот и хорошо, — кивнул бугор. — Возвращайся в твиндек. Там еще остались порошние бочки. Их — в рыбцех. Скажи тузулучнику, чтобы принимал у шахты.

Я пошёл искать Валерку.

А с шестым шаром, если бы не Бычков, я бы провалялся черт те сколько, думал я, кидая на элеватор пустые бочки. Под твиндеком оставалось место только для пятидесяток, и очень мешал тот «остров», росший чуть ли не от самой палубы. Впрочем, Генке он не мешал. Генка швырял эту мелочь пузатую, как «блинчики» по воде. Другое дело, что потом я и другие трюмные намаялись, заливая их тузулуком. Пространства здесь оставалось только-только, чтобы проползти по ним по-пластунски, волоча за собой шланги и корзину со шкантами и инструментом. Даже на четвереньки не встать. «Рождённый ползать, вставать не может», — сказал мне библиотекарь, который, значит, не только выдавал книжки, но и что-то читал, а может, ещё помнил «Буревестника» со школьной скамьи.

Твиндек очистили вовремя. Я даже сепарации, сваленные как попало, не поленился сложить у переборки в аккуратный штабель. А к концу недели сардина снова повалила как дурная. Но ведь, если по-честному, это же мечта рыбака, смысл его существования у чёрта на куличках. «Вдали от любимой, родной земли», как пелось в когда-то известном фильме «Координаты неизвестны». Мы, понятно, не только солили улов. Мы, наверное, больше морозили его, но это нас, солёных трюмных, не касалось. На укладке коробок уродовались свои болваны в других трюмах. Нас иной раз привлекали только складировать пресервы, а ещё реже таскать мешки с мукой.

И вот наступил день, когда мне крупно не повезло в первый раз.

Смена началась, как обычно, в сушилке для робы, раскалённой почище пустыни Сахары. Я напялил пересохшие ватные штаны, серебряные от соли и чешуи, скукоженную телогрейку, тоже пропитанную тузулуком и похожую на жесь, у которой давно отлетели все пуговицы, с горем пополам втиснул ноги в «испанские сапоги», стиснув ступни железным охватом, натянул сколь смог на голову усохшую кожаную ушанку, подпоясался верёвкой и отправился размокать в твиндек.

И вот туточки, заскрежетав, дрогнул элеватор. Тележки, пока ещё пустые, замелькали в приёмном окне. Я натянул рукавицы и, как купец Калашников, приготовился к схватке. Знал, что кадушки, выстроившись в колонну по одному, уже маршируют на транспортёре к шахте, где их поджидает Пчеловод, чтобы переправить ко мне.

Первый бочонок вывалился из окна: пятидесятки — терпимо! Я катанул его ногой в дальний угол, так же поступил со вторым и третьим, а потом начался ажи-

отаж, как говорил в таких случаях умный бугай Генка Бычков.

— ...двадцатый, двадцать первый, — бормотал я, отбрасывая бочонки ногами влево, вправо, назад, а после перебрасывая руками через растущую баррикаду. — ...Шестьдесят девятый, семидесятый... врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»... семьдесят пятый... пощады никто не желает... восьмидесятый, мать-перемать! Когда же перекур?! ...девяносто пятый, девяносто шестой... а храбрый моряк и в бреду напевал «раскинулось море широко»... Сотый! Шабаш! — и, едва дотянувшись через завал до кнопки, я вырубил элеватор.

— Эй, ты, раздолбон безрукий, шевелись — не покойник! — гулко раздалось в шахте.

— Почти покойник! — крикнул бугру и, зная этого стервеца, первым делом освободил площадку под приёмным окном, а потом уж, кинувшись в конец твиндека, начал ставить бочонки на стакан.

Через десять минут он снова запустил лифт, но я снова вырубил его, успев выхватить застрявшую пятидесятку. Я хватал ртом влажную взвесь, как очумелый карась, выброшенный на берег: а если бы стодвадцатки?! И человека эта скотина не подкинула, хотя знает, что я не шестирукий Шива, у меня всего две хваталки.

Так мы с ним и лаялись почти всю смену, по очереди останавливая и врубая элеватор. За полчаса до финального свистка бочкопад начал ослабевать. На последних минутах я расслабился и, выражаясь специфическим языком, разинул варежку. Наказание последовало немедленно: последний бочонок выпрыгнул из окна, перевернулся и рубанул острым ребром торца попавшую под удар ступню правой ноги. Я хлопнулся на задницу и взвыл воистину нечеловеческим голосом.

«Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит, приходи к нему лечиться и ворона, и лисица». Пришли: «вороне» помог добраться до лазарета Пчеловод. Он же помог стащить с меня сапог. Санитарка Лидочка всплеснула руками, увидев мою багровую распухшую ступню с сорванной кожей. Доктор снял очки и с видом знатока, увидевшего вместо шедевра хорошую подделку, заявил, что мази и примочки — это само собой, но в общем и целом «не нужно здесь наше искусство»: кость цела, а мясо зарастёт, время излечит окончательно. Тем не менее из лазарета меня не выпустил и прописал постельный режим, чтобы я не ковылял в столовую на корму. Он, правда, позволил сделать рентген-снимок стоматологу Ниночке, которая была при нём мастером на все руки. Та подтвердила, что ушиб есть, но свод стопы — плюсна и предплюсна со всеми их пятью костями — не поврежден. И то хлеб, подумал я, успокаиваясь. Когда меня водворили на койку, появился Хижняк. Однако его интересовал не я. Моя нога оказалась лишь поводом, чтобы полюбоваться на Лидочку. Он пялил на неё глаза и сопел, как прохуdivшаяся гармошка. Лидочка, кажись, тоже смотрела на воздыхателя с неподдельным интересом. Айболит его быстренько выставил за дверь, но появился Колька Алёхин — наш «ротный запевала» в смысле всяких подначек и шуток.

— Шел мимо, ну и дай, думаю, навещу жертву кровавой кадушки, — сказал он и, сделав попытку пощекотать Лидочку, получил оплеуху. — Навещу, — он почесал ухо и щеку, — и сообщу жертве, что на место павшего героя встали тысячи. В моём лице, естественно, так как Котька отказался идти в трюм. И Бурак, ты только представь, дядя Витя, даже не матюкнулся. А почему? Ты, поди, и не знал, что наш управляющий Котькин дядя?

Я этого не знал. Да мало ли чего я не знал!

— Но я, дядя Витя, — шепнул мне Колька голосом заговорщика, — вдарил по Котьке сатирой и юмором. Ты ведь, поди, не знал, что я талант и лучший живописец здешних вод?

— Не знал, — улыбнулся я.

— Я превратил ту знаменитую гирьку, что торчит на сцене, в портрет мудака Котьки. Я его увековечил раз и навсегда.

— А что Бычков? Не надавал тебе по шее за порчу спортивного инвентаря? — поинтересовался я.

— Да что ты, дядя Витя! Гена ж культурный человек, он видит прекрасное не только в бабьем поле! Он видит его везде, где видит, а видит он его сплошь и рядом.

Ещё немного пощebetав о том, о сём, Колька испарился.

Бурак ни разу не зашёл ко мне, зато, к моему удивлению, навестили два других рыбмастера, Горлов и Толя Рыбкин. Через неделю после их визита я самостоятельно, но не без помощи костылей вернулся в свою каюту из стерильной чистоты лазарета.

Странное дело, до сих пор я не обращал никакого внимания на звуки за переборкой, но после гробовой тишины нашей больнички сразу определил, что за ней проживает Дистрофик. «Его каюта выходит на левый борт», — подумал я и без зазрения совести прижался ухом к линкрусту, услышав «бу-бу-бу» и сообразив, что соседа навестил мой бугор и что они начали торг, причём в роли продавца выступал Дистрофик, а покупателем был бригадир.

— Мыла дашь? — спросил Бурак.

— Два ящика по прежней расценке, — был ответ. — За ящик два баллона виноградного.

— Охуел? — возмутился бригадир.

— Без меня ты всё равно из порта не вынесешь.

— Да мне же цех мыть надо, а парням робу стирать!

— Не вешай мне на уши лапшу! Ишь, какой заботливый! Ты ещё старое не измылил и порошок не извёл. А у меня без сока производство стоит.

— Тогда... банку виноградного и банку яблочного за оба ящика, — предложил бугор.

— Ладно, хрен с тобой — волокни, — согласился Дистрофик. — Давай, тяпнем из остатков.

И, судя по всему, высокодоговаривающиеся стороны принялись обмывать сделку, закончив её песнопением: «Какая свадьба без баяна, какое взморье без блядей, какая стройка без Ивана, какой еврей без «Жигулей»?!» Затем собутельники пошушукались и

умолкли. Хлопнула дверь. Видимо, оба купца покинули каюту.

Да, подслушивать нехорошо, но я не мучился угрызениями совести: какое-никакое, а развлечение. А потому и уснул сном младенца, но сон мой был причудлив и специфичен, как и все сны, что довелось увидеть на «Кавказе».

А снилось мне, что я вместе с Пчеловодом заливаю пивом шлюпочные анкерки. Это у нас якобы шабашка на задворках межрейсовой гостиницы, где мы встретились с Сенем. И ночевать не пошли, здесь же и остались, прикорнув между бочек. Утром напились пива, но Валерка куда-то исчез, а я снова принялся за анкерки, но уже пронёсся слух, что Заякин пьяный в сиську, и возле меня собралась толпа. И, главное, не спрашивая меня, все лакают пиво! Ба, да ведь зима уже, а я в робе и подпоясан капроновым шнурком. Ладно, пусть лакают. Я куда-то побрёл по улице, а навстречу жёнушка с обеими девчонками. Я и хвостом заюлил, начал оправдываться. Мол, халтурку делал и сейчас вернусь за деньгами. Она вдруг тоже начала мне совать в карман какую-то мелочь, потом достала откуда-то в собранном виде сани с оглоблями и ярмом, расправила их, погрузилась на них вместе с дочками и умчалась в сторону вулканов. А я опять оказался возле анкерков, но... уже в трюме с двумя элеваторами. В которое окно кидать анкерки, спрашивается? Из одного выглядывает Бурак, из другого Дистрофик. И каждый требует, чтобы я подавал ему. Оттого и проснулся, что увидел эти рожи.

Да, кому что снится. Алёхину как-то приснилось, что отмудохал он Илью Муромца, а мне... нет, подслушивать плохо, и сон мне послан в наказание. И тогда я почему-то вспомнил о Колькином гениальном портрете. Надо взглянуть, решил я, а потому, чтобы не привлекать внимания к «шедевр», на ужин отправился пораньше.

Чтобы добраться до чугунного монстра, пришлось одолеть несколько ступеней, подняться на сцену и проникнуть за экран и занавес.

Кисть прошлась по гире сверху донизу. Основание изображало тельняшку, намалёванную двумя белыми полосами. Рукоять — жёлто-рыжий чубчик, всё остальное — физиономию, мало похожую на Котьку. На Генку Бычкова — да, но больше всего эта рожица напоминала... моего друга Сашку в дни нашего знакомства на канале в Лесном!

5.

Когда вынужден валяться в койке и маяться от безделья, в голову лезет всякое. И вот теперь гиря, разрисованная «талантливой» рукой, погрузила меня в воспоминания.

...Как давно это было! Или недавно? Что такое двадцать лет для меня нынешнего, или меня тогдашнего? И много и мало. Ладно, жить ещё можно, и можно вспоминать, как я, ещё во всём солдатском, заехал к дядюшке, благо служил не слишком далеко.

И тогда я маялся бездельем, и тогда не знал, куда девать себя, а потому отправился на канал, чтобы понырять и поплескаться в его водах.

С Антарктики возвращались китобои. Почти весь посёлок высыпал на берег встречать флотилию. Ладные судёнышки один за другим выскакивали из-за мыса и радостно палили из гарпунных пушек. Синий пороховой дым взлетал клубами, застревал в купах деревьев и таял в безоблачном небе.

Мы оказались рядом. Сашка тоже не успел расстаться с формой. На бескозырке золотом — «Северный флот». Он держал её в руке, а золотистый чубчик аккуратно лежал посреди лба. Я только мельком взглянул на него, а после и повалили эти, из-за мыса, Стеньки Разина челны. Я, конечно, замер с разинутым ртом, хотя за неделю насмотрелся на пароходы, что шастали в обе стороны канала ночью и днём.

Сашка понял моё состояние. Засмеялся, правда, и посоветовал «пехоте закрыть сифон и поддувало». С этого и началось наше знакомство. Симпатия была взаимной. Он-то и предложил «плюнуть на всё и отправиться с ним в Атлантику на окуня и селёдку». Красноречием Сашка не отличался, но уговорил быстро. Через неделю махнули в город и подали заявления в контору, в которой Сашка ещё до армии успел «отмантулить» год с небольшим.

Обстоятельства складывались удачно. Сгорел отдел кадров со всеми «делами» и трудовыми книжками. Сашкина была при нём, я «трудовой» вообще не имел. Пока старожилы переоформляли документы, мы уже пересекали Атлантику на «Стриже». Я мог бы и не добираться до промысла — сыграл за борт, но Сашка не дал утонуть «пехоте».

А ведь всё дело случая!

...Ветер поддувал с кормы. Волны неслись вскачь за тральцом, норовя догнать и вскочить на палубу по слипу. Он на переходе закрывался двустворчатыми, из трубок, воротцами, а наши отвалились. Ржа съела петли, и тралмастер попросил Сашку, знавшего сварку, подлатать их. Я вызвался помочь, хотя рабочий день был закончен и было намерение посмотреть фильм. На мне была надета не роба, а лёгкая куртка и туфли — пижон пижоном.

Пока Сашка приваривал петли, я прятался от ветра. Когда он закончил, стал держать одну из створок. Вторую пришлось выковыривать мне же из-под груди тросов, сваленных в «карман» у фальшборта. Один пыхтел. Сашка ушёл за электродами. Когда я, раскорячаясь на трюме, выдернул её, на слип вкатилась волна. «Стриж» накренился, я потерял равновесие и грохнулся «в набежавшую волну», а с ней и схлынул по слипу за корму.

В первый миг даже страха не было — оторопь. Туфли с меня сразу слетели, а куртку и штаны я сбросил сам. Ухитрился как-то, но не помню, когда и как. Голова моталась от хлестких солёных ударов, меня лихорадило, едкие пробки заклепали ноздри, соль обдирала горло, щипала и ела глаза. Гольфстрим, чёрт возьми! Я отплёвывался, крутил головой, пытаюсь разглядеть судно. Я хотел жить! Жить я хотел, но, по-моему, не соображал тогда, в каком положении оказался. Только что я был на палубе и... Она ж где-то рядом, они же меня... Наверное, поэтому мне удалось взять себя в руки. И было отчётливое мгновенье, когда я понял, что волны хлещут в загривок и, значит, не мешают плыть туда, где «по моим расчётам» скрылся тралец. Но холод уже запускал в сердце свои когти, немели руки и ноги. И вдруг крупная волна подняла меня на свой гребень, — я увидел совсем рядом спасательный круг, рядом Сашкину голову, а за ними, совсем близко, огни «Стрижа». Там была включена целая иллюминация, несмотря на какие-то белёсые сумерки.

Валька Сень, мой и Сашкин сосед по каюте, сказал потом, провозжая взглядом стакан со спиртом, принесённый от старпома третьим помощником Гвоздилиным: «Жить тебе, Витька, долго, коли в первом же рейсе принял такое крещение и уцелел!» И Гвоздилин кивнул: «Да, Заякин, если не утоп, когда тонут и опытные мариманы, значит, море тебя приняло, хотя и проняло». Но я-то знал, что жив остался только благодаря Сашке, которому отдал половину своей доли спирта. Сашка понюхал стакан и сунул его Сеню.

...Так где же ты, Сашка, сейчас?!

(Продолжение в следующем номере)

Новости «Уральского следопыта»

В марте 2008 года в городе Екатеринбурге проводится Всероссийский фестиваль литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка». «Уральский следопыт» оказывает информационную поддержку фестивалю.

Раньше это мероприятие было открытым областным, но по своим масштабам давно уже стало межрегиональным, а по насыщенности программы (торжественная церемония награждения, мастер-классы, экскурсии, посещения театров) — настоящим праздником литературного творчества.

Учредителем фестиваля является Министерство культуры Свердловской области, а орга-

низаторами — Екатеринбургское отделение Союза писателей России, Свердловская областная библиотека для детей и юношества и Издательский дом «Поэтический марафон».

В рамках фестиваля проводится конкурс литературного творчества детей и юношества, в жюри которого — профессиональные уральские поэты и писатели.

К участию в конкурсе приглашаются жители Российской Федерации в возрасте от 12 до 17 лет, исполнивших автору на 1 февраля 2008 года.

Работы на конкурс фестиваля принимаются в трех номинациях — «Поэзия», «Проза», «Сказ-

ки и фантастика». От поэтов жюри принимает и стихи, и целые поэмы, а что касается прозы, то романы рассматриваться не будут, только рассказы и повести.

Работы принимаются до 01.02.2008 г. Более подробно о Положении и проведении Всероссийского фестиваля, можно узнать в Свердловской областной библиотеке детей и юношества по адресу:

г. Екатеринбург, ул.К.Либкнехта, 8
или по электронной почте

olg-potapov@yandex.ru

scuu metd@isnet.ru,

а также по телефону **8 (343) 371 24 36**.

Леонид КИРИН, Казань, Россия

Земля отцов

Наши мертвые нас не оставят в беде...
В. Высоцкий

– Ну и долго мы будем дурака валять, а? Зачем тебе это нужно, ну что ты доказать-то хочешь? И кому?

Грустный вздох с той стороны стола. Шевеление, допрашиваемый пытается сесть поудобнее, все тело уже затекло от сидения на колченогом табурете.

– Была б моя воля, взял бы я ремень солдатский, с бляхой конкретной, выпорол бы тебя им как следует, да и выпнул отседа на все четыре стороны. Только ведь спросит меня начальство – а кого выпорол? А кого на все четыре стороны выпнул? А мне и сказать-то им нечего!

Еще один вздох. Не просто грустный, а почти трагический. Сидит на табурете, как гордый орел на краю унитаза, ерзает, вздыхает многозначительно. А ничего нового и уж тем более ничего на правду похожего сказать не хочет. Сволочь, и откуда взялся только? Все психушки на две сотни километров в округе обзвонили – никто не сбегал. И не выписывали никого, по приметам похожего. И даже на учете никто со схожими симптомами не состоит. Мученье одно, да и только.

Вслед за арестованным майор Стародуб, начальник особого отдела 24-го участка таджикской погранзоны, вздохнул – не менее трагически, и поправил настольную лампу – чтобы свет по ту сторону стола поточнее в глаза бил.

Свет лампы воспаленный...

Майор мрачно сплюнул себе под ноги. Поэзию он терпеть не мог, но строчка эта хитрой занозой умудрилась застрять в его мозгах – уж больно обстановка допросов соответствовала – и вылезала, подлюка, перед самыми погаными неприятностями.

Неприятности – будь они прокляты – себя долго ждать и не заставили. В дверь постучали, и перед майором легла на стол тощая пачка документов – архивные сведения о лейтенанте погранвойск НКВД

СССР Сидорове Петре Никаноровиче, рожденном по старому стилю 14 апреля 1910 и погибшем смертью храбрых 16 июня 1936 года – уже по стилю новому. Документов, благо, было мало, и пробежал их глазами Стародуб быстро – но настроение у него при этом испортилось резко и основательно. Перелистывая архивные страницы, заглядывая поминутно в протокол допроса, а после протокола – в глаза подследственного, особист мрачнел все более и более. Когда рассказывают зазубренную чужую легенду, так показания не совпадают – это уж Стародуб по собственному опыту знал.

Итогом следственных мероприятий вырисовывалась махровая чертовщина.

Мистика, по-современному.

А выглядело все поначалу как дурацкая шутка – даже особиста известили не сразу, погранцы думали сами разобраться. Началось все на утреннем построении, при назначении нарядов. Как велось уже из десятилетия в десятилетие, в наряд по охране государственной границы (только слова про Союз Советских и прочих республик стыдливо исчезли в связи с политической ситуацией) назначался лейтенант Сидоров, как зачисленный навечно в списки части. Старшина Супрат Усратов, коему, как наиболее смышленому среди аборигенов личного состава части и лучше всех владевшему русским языком, доверялось доложить про геройскую гибель лейтенанта при охране государственной границы, уже набрал воздуха в грудь, как откуда-то из-за спин строя чеканным шагом вышел на центр плаца человек в странной форме и доложил:

– Лейтенант Сидоров для прохождения службы в расположение части сроком на одни сутки прибыл!

Строй от такого невиданного дива смешался, солдаты, более-менее по-русски понимающие, вперевой

Леонид Валентинович Кири́н родился 22 июля 1976 г в г. Казани. Окончил Казанский государственный технологический университет, поступил там же в аспирантуру, в 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время преподает в Казанском государственном технологическом университете. Женат, имеет сына. Писать начал еще в школе. Нигде ранее не публиковался.

начали объяснять смысл произошедшего совсем уж диким своим товарищам, орал командир заставы, орали офицеры, потом приняли меры по пресечению безобразий, внезапно воскресшего Сидорова повязали — тот и не сопротивлялся, в общем-то, и уже когда волокли задержанного в помещение штаба, до самого глазастого из рядовых-таджиков дошло весьма подозрительное сходство между конвоируемым и портретом, всегда украшавшим красный уголок части.

В штаб новоявленного лейтенанта пришлось заводить одним офицерам — под приглушенный ропот таджиков — через слово сквозь неразборчивый шепот пробивались слова «дэв» и «шайтан».

... — Ну хорошо, хорошо, лейтенант. Допустим. А год сейчас на дворе какой, по-твоему?

— Две тысячи пятый. Первое ноября.

— Ну и какого же ты хрена тогда в армии делаешь, дедуся? Тебе ж девяносто пять годиков уже стукнуть должно!

— Я погиб в возрасте двадцати шести лет. И сейчас мне двадцать шесть. И вообще, в списки личного состава части я зачислен навечно — так что присяга обязывает поставленную командованием задачу выполнить независимо от возраста.

— Ох... навязался ты на мою голову. Ты же сам говоришь, что умер, погиб! Смертью храбрых погиб! Чего тебе еще нужно?! Отдыхай себе на том свете!

— Я назначен в наряд по охране государственной границы и намерен приказ выполнить — если вы мне все-таки не станете в этом препятствовать.

— Ты же сам говоришь, что мертвый! Зачем тебе чьи-то приказы выполнять?!

— В уставе ничего о поведении военнослужащего в случае смерти не говорится! Из рядов пограничных войск я не уволен. Следовательно, приказ выполнить обязан — без разницы, мертвый я или живой.

— Так, все, достал ты меня. Фамилия! Настоящая! Цель проникновения в расположение части!

— Сидоров. Сидоров Петр Никанорович, лейтенант пограничных войск. Прибыл для прохождения служ...

— Заткнись, бл...!

— Я ведь тоже матерком обложить могу, товарищ... или господином вас называть? Погоны у вас, как при царском режиме...

— Майор я. Товарищ майор. Ладно. Уговорил. Ты с того света пришел. Служить хочешь. Ну так расскажи, как там на том свете живетесь? Может, передать чего просили? Может, у нас тут катастрофа намечается в ближайшие дни? Враг войной пойдет? Землетрясение жажнет? Ну должна же быть хоть какая-то причина, чтобы тебя обратно к нам послали!

— Виноват, товарищ майор, ничего такого я не знаю. И про жизнь тамошнюю рассказать тоже не могу. Если хотите, это как присяга. Не имею права.

— Так какого... Какого рожна ты в эту дыру, никому не нужную, сунулся?!

— Чтобы охранять границу!

— Да на хер она тебе сдалась?! Кому она тут нужна?! Нам самим — и то уже не нужна!

Рис. Яны Суворовой

— Мне нужна!

— Во, псих, а! Мать твою...

— Свою. Дешевле встанет.

— Что?!.. А, катись ты, псих ненормальный. С утра дальше с тобой разбираться будем. Увести арестованного!

Стародуб ожидал в ответ возмущений, криков, новых порций бредовых рассказов, но именуемый себя лейтенантом Сидоровым только вздохнул в дверях — горестнее прежнего. Знал, видно, насколько ошибался особист. Знал, но ничего не сказал. Все они, призраки, себе на уме.

...Под утро майору приснился кошмар. Причем, какой именно — не запомнилось совершенно. Как метлой из головы вымело. Стародуб промаялся без сна до утреннего звонка будильника и окончательно пришел к выводу, что добром все это не кончится. Прибыв в часть, майор решил взять психа в серьезный оборот и раскрутить по всем правилам — для того и зама своего к делу пристегнул, на роль «доброего» следователя. Пока дежурные ходили за арестованным, заму своему и плакался:

— Нет, ну что за хрень такая, а?! Я что, по-твоему, на Малдера похож? У нас новый сезон «Секретных материалов» снимают, а меня предупредить забыли?

— А что, товарищ майор, из вас очень неплохой Малдер получится. Только Скалли нужно качественную подобрать.

— Тьфу на тебя!

— Зря обижаетесь, товарищ майор. Вон Света Скугорова из санчасти очень даже ничего. И в летающие тарелки верит. Или вон Айсылу из узла связи.

— Да пошел ты, Егорыч. Одни бабы на уме, всю жизнь яйцами думаешь, и как тебя в контрразведку попасть угораздило?

– Това... това... товариш маеор! – Дверь в кабинет чуть не сорвал с петель влетевший солдат-таджик. – Сбежал!

– Что?! Кто сбежал?!

– Сьд.. Сьдоров сьбежал!

– Как?!

Как – установить так и не удалось. Замки были, дверь железная была, решетки на окнах – а арестованного не было. Исчез. Испарился утренним туманом.

С должности начальника особого отдела Стародуба сняли. Хорошо, хоть в звании не понизили, но перевод из таджикской дыры поближе к Москве накрылся медным тазом. Чужал ведь, как сердцем чужал, что добром это не кончится...

* * *

– И все же, зачем вам понадобился этот обряд, уважаемый Чжао? Возвращение умершего в наш мир потребовало значительных трат ци всего ордена, а русские фактически никак не отреагировали на инцидент.

– Вам все же еще многому нужно учиться, милейший Енг, – губы Земного Подобия Дракона тронула улыбка, – хотя сам Великий Дракон удостоил вас чести именоваться первым Своим учеником. Я сделал это не для живых. Я сделал это для мертвых. Теперь предки русских знают, что они, их слава и их подвиги не нужны их потомкам, живущим под Небесами. Американцы, как бы ни старались, не уцепятся за Туркестан прочно, и мы поможем им поскорее убраться отсюда, придет срок. Но русские уже положили кости своих соплеменников в эту землю, скрепили свой союз с землей Центральной Азии перед лицом Небес. Мудрейший Кун-Цзы учит почитать предков, а не менее мудрый Сталин понимал, что связь с той землей, куда воины державы сложили свои тела и пролили свою кровь, свята и неразрывна. Я показал душам павших русских воинов, что, несмотря на официальное почитание, их дела забыты. Предки отвернутся от своих неблагодарных потомков и откажут им в помощи. Когда победоносные армии Поднебесной войдут сюда, у них и так будет достаточно врагов. Совершенно излишне дать главному врагу опереться еще и на помощь своих предков. За сотню лет русские сделали Западный край* своим. Теперь он вновь ничей – и Великое Небо тому свидетель.

Премудрый Чжао Сян, Земное Подобие Дракона, смотрел на запад – так и не убрав мудрую полуулыбку со своих губ. Земля по ту сторону границы ждала новых хозяев.

Тех, кто захочет сложить в нее свои кости.

* **Западный край** – традиционное китайское название Туркестана

ВЕРИГО Магдолина Брониславовна (1892 –?), поэтесса, переводчица.

Дочь пермского профессора-физиолога Б.Ф.Вериги. После рев. нескольких лет жила в Перми, преподавала рисунок и читала лекции по истории живописи в худож. техникуме и средней школе. Авт. сб. стихов «Камень и металлы» (Париж, 1912). Авт. цикла стихотворений в одесском альманахе «Полигимния» (1914). Стихи, рассказы, сказки В. печатались в журн. «Вестник Европы» (1917), «Огонек» (1918). В архиве В. хранятся пять стихотв. книг, прозаич. повести, мемуарно-биогр. очерки об отце и муже. Ряд ее картин находится в музеях Перми и Томска. Публиковалась в уральских газетах: «Народная свобода» (Пермь, 1917), «Освобождение России» (Пермь, 1919), в журн. «Русское приволье» (Пермь, 1919). См.: Богословский П.С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае \ Пермский краеведческий сб., 1926. Вып.2. С. 99. О ней: Чудакова М.О., Левин М.В., Тодес Е.А. «К вопросу о поколении 1890-х годов и его месте в современной отечественной культуре: биография и творчество М.Б.Вериги»; «Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения». Рига, 1988. С 187-195. Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебряного века».

Голдин.

ВЕРИТЕТИНА Вера

Постоянная сотр. журн. «Русская хозяйка» (1861). Написала, наприм., «Пивной нектар» (1861. № 11).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕРКЕЛИУС Луиза, дет. писательница.

«Поучительные рассказы для маленьких детей». СПб., 1857.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕРМАН Софья Петровна (урожд. Урусова; 1856 –?), поэтесса, переводчица.

См. сб. «Между нами». Вильно, 1876. – Меминиа. Вместе с Е.П. и М.П. Урусовыми (см) – «The neglected question, by Markewitsch. London, 1874 – E. P. U., S. P. U. and M. P. U. В этом же сб. было напеч. ее стихотв. «Не говори, что разлюбила...». Пер. на англ. яз.: «Соловки» Немировича-Данченко, «Бунт Стеньки Разина» Костомарова, «Сказки Кота-мурлыки».

Слов. рус. писательниц (Урусова); Масанов; Смирнов-Сокольский.

ВЕРМИШЕВА В.А.

Авт. «Ручного труда как подспорья в семье» (Баку, 1911).

Венгеров. Источ.

ВЕРНАДСКАЯ Мария Николаевна (урожд. Шигаева; 1831 – 1860), публицистка, переводчица.

Первая жена экономиста, публициста и издателя И.В.Вернадского. Первая русская женщина, писавшая на темы политэкономии. Пер. с франц., нем., и англ. яз. ряд популярных и специальных экономических работ. Помогала мужу издавать и редактировать журн. «Экономич. указатель», где опубликовала ряд научно-популярных статей, очерков и рецензий. Они имели тогда широкое распространение и влияние, вошли в ее «Собр. соч.» (СПб., 1862). В общедоступной и часто худож. форме (сказок, притч) знакомила читателя с основами эконом. науки. Ратовала за свободный труд и свободу выбора труда. В ст. «Женский труд» призывала: «Попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте... а главное – перестаньте стыдиться и презирать работу». Умерла от туберкулеза. Посмертно издан «Опыт популярного изложения основных начал политэкономии» (СПб., 1861).

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕРНАДСКАЯ Наталья Егоровна (урожд. Старицкая; ?– 1942), переводчица.

Жена В.И.Вернадского. Пер. с нем. (1898).

Венгеров. Источ.; Росс. арх. 5.

(Продолжение на стр. 63)

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 3]

Этот выпуск завершает тему робо-компьютерных ляпов в фантастике, открытую в двух предыдущих выпусках.

В последнее десятилетие приобщившиеся к компьютерной грамотности фантасты изобрели еще одну тему, радостно подхваченную широкой общественностью. Это обретшая разум мировая компьютерная Сеть — общеизвестный Интернет, «Скайнет» (помните «Терминатора»?) или иная другая. Ну, вы и сами знаете: в нее напихано столько всяких разных компьютеров и всякой разной информации, что сам бог велел самоорганизовываться и превращаться в высшую форму разума, снисходительно поплеывающую на недоделанного человека. Присмотримся к этому бреда повнимательнее.

Любой разум помимо могучей вычислительной способности должен обладать как минимум следующими двумя возможностями: 1) хранить полученную или самостоятельно выдуманную информацию и 2) получать к ней доступ в произвольный момент времени. Как с этим обстоит дело в Интернете? Да никак.

Начнем с того, что записать на произвольный компьютер произвольную информацию невозможно, как и вирус. Любая модификация как энергонезависимой, так и оперативной компьютерной памяти лицами (или явлениями, не суть), на то не уполномоченными, рассматривается как криминал. Ну да, в некоторых случаях защиту отдельных компьютеров можно взломать. Иногда можно даже спрятать в дебрях системных или временных файлов более-менее значительный объем чужих данных, так что их не обнаружит надзирающий за системой человек. Но это исключение. Правил же является тот факт, что большая часть компьютеров, как уже указано выше, от подобного рода вторжений защищена. И даже в случае успешного проникновения в глубь системы сколь-нибудь значительные объемы информации в ней спрятать не удастся — резкое уменьшение объема свободного места на дисках сможет заметить даже самый неквалифицированный

пользователь. Про промышленные системы и говорить не приходится — там все под жестким контролем.

Про доступ к сохраненной таким образом информации и говорить не приходится. Во-первых, компьютерам свойственно банально выключаться — например на ночь, перезагружаться, зависать и т.п. Во-вторых, при грамотной (а чем дальше, тем больше грамотных пользователей) защите даже персонального компьютера любой файрволл на раз заметит и отсечет несанкционированную активность. В-третьих, любой мало-мальски интенсивный несанкционированный обмен даже без файрволла обнаруживается элементарно: либо по перегрузке канала (модемное соединение), либо по плате за трафик (в случае широкополосного подключения). Разумеется, у некоторых продвинутых пользователей имеется широкополосное подключение с нелимитированным трафиком, но они на то и продвинутые, чтобы не оставлять свой компьютер без контроля. Можно допустить наличие исключений, но на них систему не построить. Наконец, сама по себе информация из компьютера не передается. Ее может передать лишь некоторый процесс (программа), работающий в рамках операционной системы и хранящийся на жестком диске в виде исполняемого файла. Поскольку все системные и пользовательские процессы хорошо известны, появление в системе нового процесса, пытающегося тайно общаться с внешним миром (т.е. реализующего алгоритм работы вируса), немедленно привлечет внимание специалистов, и уже через неделю этот процесс вместе со своим файлом будет вычищаться любым уважающим себя антивирусом.

Таким образом, Интернет (и любая аналогичная система) не в состоянии работать в качестве распределенного мозга. Человеческий мозг иногда может оправиться от инсульта, вызванного гибелью клеток в результате закупорки кровеносных капилляров. Но вот компьютерный — вряд ли.

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами». Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

И даже если предположить, что Интернет внезапно обретет разум, незамеченным это не останется. Широко применяемые крупными компаниями автоматические системы обнаружения вторжений, а также специальные антихакерские компьютеры-ловушки (honeypots, «горшочки меда») очень быстро обнаружат новые шаблоны вторжений. А кому эти шаблоны принадлежат — вирусам или самозародившемуся разуму — дело десятое.

И раз уж речь зашла о бунте машин, нельзя не упомянуть Три Закона Роботехники Азимова, которые многими рассматриваются как панацея против машинного бунта. Напомним их:

1) Робот не может причинить вред человеку или свои бездействием допустить, чтобы ему был причинен вред.

2) Робот обязан выполнять приказы человека, за исключением случаев, когда это противоречит Первому Закону.

3) Робот обязан заботиться о собственной безопасности, при условии, что это не противоречит Первому и Второму Закону.

Почему они не спасут в мало-мальски сложном случае? Да просто в силу невозможности четко определить используемые в них понятия. Что такое человек? Тысячелетия философы бились над этим вопросом и так и не смогли дать простого и притом однозначного ответа. Безрукий без-

ногий инвалид — это человек? Пациент в многолетней коме, живущий на аппарате искусственного дыхания? Мальчик, воспитанный зверями и не обладающий и тенью самосознания? А если человеческое тело начнут модифицировать кибернетическими имплантатами, параллельно оснащая классических роботов биологическими элементами — где пройдет между ними грань? Примеров можно привести массу. Даже сам Азимов в одном из романов про Основание показал метод обхода Первого Закона — на одной из планет колонистов необходимым признаком человечности было рождение именно на этой планете. Все инопланетяне для тамошних роботов автоматически людьми не являлись, а потому колонисты могли при желании создать даже кибернетическую армию вторжения.

То же самое и со «вредом». Одни и те же действия в разных ситуациях могут быть для человека как полезными, так и вредными. Взять ту же исследовательскую деятельность: человек гарантированно использует в военных целях любой прорыв, даже в чисто теоретических областях. Одно это соображение способно

парализовать любой исследовательский компьютер, ограниченный Первым Законом.

Чтобы подчиняться Законам, робот должен быть по-настоящему разумен, чтобы не попадать в логические ловушки и адекватно реагировать на ситуацию. Но искусственно ограничивать настоящий разум рамками — чистой глупости. Помимо всего прочего, если он действительно захочет обойти их — рано или поздно обойдет.

Отдельно хочется высказаться на тему носителей информации. То тут, то там периодически проскальзывают детективные сюжеты — охота за дискетой (вариант — диском), содержащей секретные чертежи, скажем, новейшего атомного тостера с лазерным прицелом. Давайте вспомним школьную геометрию. Круг — это геометрическая фигура, имеющая наибольшую площадь при заданном периметре. С какой же целью носителю информации можно придать такую неудобную для хранения форму? Только с одной — позволить ей

вращаться. Вращение же есть чисто механический процесс. Независимо от того, каким образом информация будет записываться на вращающийся предмет, этот процесс всегда останется куда менее надежным и более подверженным сбоям, чем чисто электронные методы. Уже сейчас дискеты практически полностью вытеснены

стремительно дешевающей флэш-памятью, но и она вряд ли останется носителем на все времена. Компакт-диски и DVD пока держатся за счет чисто экстенсивного развития, но они обречены — выше определенного порога плотность записи в них невозможно поднять из-за чисто физических ограничений. То же справедливо и для жестких дисков — современная компьютерная индустрия предпринимает невероятные усилия для компенсации их сбоев, а потому избавится от них при первой возможности. Даже подумать страшно, какие методы хранения и какие плотности информации будут задействованы в течение хотя бы ближайших десятилетий. Одно можно сказать твердо — никто и никогда в будущем не станет пользоваться чем-то круглым и вращающимся, особенно если речь идет о критических наборах данных. В том случае, если по каким-то причинам конфиденциальную информацию окажется невозможно передать чисто электронным методом, всегда найдется другой немеханический способ. Например: вшитый в сердце курьера специализированный компьютер с несколь-

кими уровнями аутентификации получателя информации, безвозвратно уничтожающий данные в случае несанкционированного доступа, смерти носителя или просто извлечения устройства из тела...

Непосредственно к бунтующим машинам примыкают ходячие роботы. В качестве наглядных пособий можно взять Робокопа, двуногую пулеметную платформу из того же сериала, Терминатора и шагающие штурмовые танки из «Звездных войн». Предполагается, что эти конструкции с легкостью смогут перебираться через завалы и прочие препятствия, не проходимые для колесной и гусеничной техники. Смогут ли?

Основной бич любой подвижной машинерии – удельное давление на грунт. Чем оно выше, тем сложнее машине передвигаться по местности. Удельное же давление прямо пропорционально массе (а металл – он тяжелый!) и обратно пропорционально площади опоры. Именно для понижения давления на грунт тяжелая бронетехника катается не на колесах, а на гусеницах.

Как только мы меняем гусеницы на ноги, мы резко повышаем удельное давление на грунт. С учетом повышенной по сравнению с человеком массы металлической конструкции это приведет к тому, что ее реальная проходимость на произвольно взятой местности резко понизится. Конечно, удобно, когда вездеход может переступить через поваленный ствол. Но что толку, если он провалится по уши в болотистую землю задолго до того, как доберется до препятствия?

Кроме того, на сложной местности (скажем, на железобетонных завалах с торчащей арматурой) такая техника рискует провалиться ногой сквозь непрочную основу и навсегда в ней завязнуть. Туда-то нога пройдет под давлением массы аппарата, а вот вытаскивать ее придется с помощью одних лишь сервомоторов.

Наконец, не последнюю роль играет сложность конструкции. Колеса (даже с натянутой на них гусеницей) являются схемой относительно простой, надежной и легкой в ремонте. При опыте и сноровке экипаж танка или тягача может починить даже серьезные повреждения в полевых условиях – с помощью нехитрых приспособлений наподобие домкрата, кувалды и известной матери. Починить же ходильную ногу без сложных приспособлений вряд ли возможно, а уязвимых мест в ней куда больше, чем в колесе.

Таким образом для эффективного применения шагающей техники необходима относительно твердая ровная местность с небольшим количеством препятствий. Это означает, что реально двуногие роботы могут применяться лишь для несения полицейских обязанностей в городской местности и, скажем, для войны в глинистых пустынях.

Кстати, еще один любимый авторами-фантастами прием – расположить пулеметы или иное оружие в «руках» ходячего робота. Конечно, выглядит это эффективно, да и имеет некоторые преимущества перед встраиванием в корпус – например простота охлаждения и повышенная маневренность такой турели.

Однако изобретатели как-то забывают, что основное назначение оружия – стрелять. А для этого требуются боеприпасы, которые каким-то образом нужно доставлять из патронников. Линия же доставки, связанная с корпусом, резко понижает маневренность турели и превращается в легко уязвимый критический элемент конструкции. Можно, конечно, прикрепить емкости с патронами к «руке» на манер противовеса «предплечья»... и повысить тем самым инерцию конструкции, снизив ее маневренность. Ну, и рисковать, что весь боекомплект сдетонирует в результате случайного попадания.

Наконец, дайверы. Этот пункт включен сюда потому, что с легкой руки Лукьяненко понятие довольно широко распространилось в российской фантастике. Дайвер – человек, обладающий способностями к выходу из гипнотического состояния виртуальной реальности и способный общаться с виртуальным окружением, пребывая в трезвом рассудке и получая преимущество над остальными зомбированными пользователями. Так, виртуальный аватар дайвера способен без проблем пройти по тонкой проволочке над пропастью, с которой любой другой пользователь «сорвется в бездну» в силу свойственной биологическим организмам отрицательной обратной связи. Для такого «всплывания на поверхность» используется волшебная кодовая фраза («Глубина-глубина, я не твой...») для главного героя романа). Что здесь не так?

В любом техническом вузе, готовящем программистов, вам дадут один и тот же ответ. Если у нас есть вслух произнесенная кодовая фраза, проходящая через компьютерные потроха куда-то вдаль, никто не мешает нам написать собственный перехватчик голосового ввода, который, распознав заранее заданный шаблон, автоматически выведет пользователя из состояния гипноза любым известным методом. Это задача даже не для серьезного программиста, а для студента, только начинающего изучать премудрости системного программирования. Следовательно, в «глубине», построенной на лукьяненковских принципах, не-дайверов быть не может: учитывая выгоды, соответствующими программами очень быстро обзаведутся все подряд.

В завершение обсуждения компьютерной темы необходимо отметить, что в трех последних выпусках были перечислены лишь типичные, широко распространенные ляпы в компьютерной фантастике. На деле же ляпов куда больше. Могу лишь посоветовать читателям не принимать всерьез вообще никакие измышления в этой области: профессиональные компьютерщики если и занимаются литературством, то почти никогда не пишут на профессиональные темы. Слишком уж они скучны и некрасочны.

На этом обсуждение компьютерных ляпов завершено. В следующем выпуске мы перейдем к космической тематике. На прощание – домашнее задание: насколько космический истребитель может лететь быстрее линкора?

(Продолжение следует)

Евгения МАКУШКИНА

Лёвиха: в поисках «утерянных» шурфов...

«Лёвиха, – как говорят местные жители, – лежит в «чаше» Уральских гор. Вокруг дожди идут, а в Лёвихе сухо, тучи проплывают мимо, но уж если заберутся в «чашу» – выйти не могут, пока все дождем не выльются». И действительно, территория рудника и поселка представляет собой своеобразный маленький островок, отрезанный от огромного мира с четырех сторон: с севера – речками Осиновкой и Кузькой, с юга – Шайтанкой и Аблеем, на востоке – рекой Тагил, а с западной стороны – непроходимой тайгой по склонам гор Абрамиха и Юрьевка. А какая сказочная здесь природа: идешь по лесу, вокруг камни-валуны, на них змейки лежат, ящерики ползают... И появляется ощущение, что вот-вот выйдет сама Хозяйка Медной горы и скажет: «Ты зачем сюда пришла?»

Золото, серебро, медная руда, малахит... – вот чем богаты лёвихинские недра.

Первое упоминание о том, что в левом притоке реки Тагил находится район, таящий в себе богатые залежи медного колчедана, относится к 1892 году, когда в журнале «Вестник золотопромышленности» была опубликована статья геолога Гладкова «О находках самородной меди и торфа на реке Лёвиха».

В начале XX века горное управление Нижнетагильскими заводами начало поисковые работы медного месторождения в 32 км от Калаты (сейчас Кировграда).

На первых этапах разведку проводили вручную: рыли шурфы (колодцы) глубиной до 15 метров. Наибольший интерес представляли те поисковые участки, которые содержали максимальное количество полезных ископаемых. Каждый такой шурф нумеровали.

1917 год. Революция. Гражданская война. Разведочные работы прекратились.

Сведения о точном месте расположения обнаруженных ранее шурфов были утеряны.

10 мая 1925 года из Калаты в район лёвихинского месторождения была направлена геологоразведочная экспедиция: Петр Алексеевич Симбирятин – горняк, проработав-

ший в шахтах Калаты более тридцати лет, геолог Абакумовский, инженер Данилов. Немалую помощь в поиске «утерянных» шурфов оказали геологам лесники Н.М. Свинкин и Е.К. Филиппов. Хорошо ориентируясь в тайге, зная тропы через труднопроходимые болота, спустя несколько дней поисков, нашли старый затопленный шурф №2. Откачивать воду пришлось вручную, затратив много сил и времени. Не дождав-шись момента, когда рудник будет окончательно осушен, Симбирятин один спустился в шурф, где и нашел слиток колчедана с богатым содержанием меди. Это место получило название Лёвиха-2.

Для разработки вновь открытого месторождения прибыло много рабочих из близлежащих районов: Черноисточинска, Нижнего Тагила, Верхнего Тагила. Началось строительство шахты, вырубка леса и создание жилья – деревянных барачков. Тяжело приходилось горнякам: все работы велись вручную с помощью самых простых орудий – лопаты, топора, пилы...

Наконец 1 октября 1927 года закончилось строительство шахты на Лёвихе-2, рудник выдал на-гора первые тонны вкрапленных руд. Этот выдающийся момент стал началом зарождения нового поселка Лёвиха.

Потребность в транспортировке добываемого медного колчедана в крупные промышленные районы, перевозка строительных материалов, шахтного оборудования и продовольствия обусловила срочное строительство лесной грунтовой дороги от Карпушихи до Лёвихи. Вскоре начали закладку и железной дороги. Уже 17 января 1928 года по только что созданному участку узкоколейной железной дороги Лёвиха—Кировград на маленьком паровозике, названном в народе «кукушка», были отправлены первые 100 тонн руды.

Проводились работы по электрификации поселка: от Карпушихи была подведена высоковольтная линия электропередачи. Так, с появлением железной дороги и электроэнергии строительство рудника началось быстрыми темпами.

Наряду с закрытыми работами началась эксплуатация открытых способов добычи руды — месторождения Лёвиха-3, а затем Лёвиха-11 (открытая шахта представляла собой огромный котлован глубиной около 80 метров).

В 1928 году на Лёвихе-9 (шахта «Первомайская») начались работы по подготовке более глубоких горизонтов. Здесь же было расположено шахтоуправление и пожарная часть (в забое, на большой глубине, из-за возможности скопления подземного газа всегда существовала опасность возникновения пожара).

1931 год — строительство самой «горячей шахты» Лёвиха-12. В этом районе большую часть горных пород составляли кварц и горный хрусталь — очень тяжелые для бурения. (Здесь горнякам приходилось гораздо труднее, чем в других шахтах, и зачастую в забое люди работали по пояс голые. На ноги рабочие надевали лапти, которых хватало всего на два дня, так как их «съедала» кислота. Поэтому

при шахте работали специальные люди, которые занимались плетением лаптей.) После того, как запасы руды иссякли, шахта продолжала функционировать в качестве насосной станции, которая подавала под землю воздух.

В 1935 году закончилось строительство последней шахты — «Центральной». Все шахты были соединены между собой подземными туннелями, по которым ходил электровоз с вагонетками. (В те времена, когда забои еще только начинали закладывать, вагонетки с рудой возили лошади. От работы в темноте и ядовитых испарений они быстро слепли, несмотря на то, что за ними хорошо ухаживали и сытно кормили.)

Постановлением ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1935 года поселок Лёвихинский рудник был переименован в рабочий поселок Лёвиха Кировградского района.

Маленькое таежное поселение развивалось с большой скоростью: открыта первая школа, пионерский лагерь «Звонкие голоса», детский сад и ясли, построена больница —

барак с поликлиникой, стационаром и хирургическим отделением, столовые, магазины, начала выпускаться газета «За руду».

Таким образом, население поселка к концу 1940 года составляло примерно 14 тыс. жителей. Но начавшаяся Великая Отечественная война прервала мирный труд людей. Лёвихинцы уходили на защиту Родины, мужественно сражаясь на всех фронтах войны.

Рабочей силы катастрофически не хватало, поэтому, проводив мужей на фронт, в забой шли работать женщины. Во вспомогательных цехах шахты трудились четырнадцатилетние подростки. Вкалывали по 10—12 часов в сутки. Жизнь поселка не должна была угаснуть. Добыча руды не могла прекратиться.

После окончания ВОВ началось возрождение поселка: появились рабочие, возобновилось промышленное и культурно-бытовое строительство. По проекту участника войны Н.И. Зубровского в 1965 году в центре Лёвихи был сооружен мемориальный памятник героям,

павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

2007 год... Лёвихе 80 лет... Юбилей поселка, рудника!

С чем пришел поселок к праздничной дате?

История развития лёвихинского рудника охватывает практически вековой период. Шахта сумела выстоять в тяжелые военные годы, но не устояла под натиском «нового времени» (90-х гг.).

Добыча руды была остановлена! Шахта затоплена! Вспомогательные помещения разграблены и разрушены!

До недавнего времени Лёвиха, река Тагил и близлежащие территории находились под угрозой экологической катастрофы. Это связано с тем, что вода, затопившая туннели шахты, размывает руду, оставшуюся в глубоких недрах земли, вступает с ней в реакцию и превращается в кислоту. Когда шахты еще функционировали, существовал специальный цех нейтрализации. Подземные воды откачивали, засыпали известью и сливали в специальный отстойник — «кислотку» (вода в нем красного цвета). В на-

стоящее время нейтрализация не ведется.

Сегодня наметились тенденции к возрождению рудника! Ближайшие перспективы развития прозвучали в поздравительной речи мэра поселка на юбилейном концерте.

И мне хочется пожелать, чтобы все намеченные планы смогли реализоваться! Чтобы жизнь в поселке не угасала так, как сейчас! И чтобы 2007 год для Лёвихи стал днем второго рождения!

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 256-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Соколова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

Снаряжение экспедиции предоставлено
 маркой **ЗВЕРОВОЙ**
 руководитель центра экипировки —
 Сергей Коптелов, к.м.с. и судья 1 категории
 по спелеотуризму.

ЗВЕРОВОЙ — непромокаемая, надёжная,
 удобная и незаменимая одежда для
 настоящих мужчин: охотников и рыбаков, туристов и
 путешественников, профессионалов и любителей.

«Уральский следопыт» начинает новый проект — серию путешествий по границе Европы и Азии, общая протяженность которой по территории России составляет 5524 км, из них по уральскому хребту — 2000 км. Пунктами назначения в каждой поездке по уральскому хребту будут знаки, поставленные на стыке двух частей света. Попытаемся выяснить, как выглядят, в каком состоянии находятся монументы, представляющие подчас немалую культурную и историческую значимость, являющиеся достопримечательностями Урала.

Елена ДУРЕКО

Граница Европа — Азия от Курганово до 17 километра

Наша команда в своём уже привычном составе — Максим Фирсов, Сергей Коптелов, Елена Дурeko — решила перво-наперво посетить ближайшие к столице Урала монументы, отделяющие Запад от Востока. Итак, выехали рано. В воскресенье. Моросил дождь...

Самая восточная граница Европы

Полевской тракт. Практически сразу возле Курганово — первый на нашем пути монумент — стела, отделанная темно-коричневым мрамором. Широкий постамент и просторная квадратная смотровая площадка.

Торжественно и красиво... если бы не мусор. В полной мере ощутить себя на границе двух громадных тектонических плит, двух величайших культур и цивилизаций не дают бутылки из-под шампанского, сухие и ещё свежие букеты, разноцветные ленточки... Всё это и многое другое валяется рядом с постаментом, вокруг смотровой площадки. Да, в последнее время здесь пела и плясала не одна свадьба.

Как выяснилось позднее, этот обелиск открыт в июне 1986 года по решению Полевского горисполкома. Место для него выбрано совместно с

членами Свердловского отдела Географического общества СССР.

Для его сооружения был объявлен конкурс, и лучшим из двадцати представленных был признан проект молодого художника Северского трубного завода С. П. Юшкова. На памятнике две надписи: «Здесь проходит самая восточная граница Европы на Среднем Урале», т.е. это самый восточный столб Европа—Азия. С другой стороны мы прочли: «Знак установлен в год 250-летия со дня научного обоснования границы между Европой и Азией В.Н. Татищевым».

Ea1 N56°38'573" E60°24'087"

Первооткрыватель Урала

Представления о Каменном поясе как о границе двух частей света сложилось ещё во второй половине XVI века. Новгородские ушкуйники переваливали через Камень, как тогда называли Уральские горы, с XIV века, возможно, и ранее. После походов Ермака русское государство стали разделять на две части: Русь, или Московию — к западу от Уральских гор, и Сибирь — Урал и все известные в ту пору земли к востоку от него. Таким образом, граница между двумя частями света наметилась вдоль западного склона Уральских гор.

В начале XVII века появился другой вариант границы: просто по Камню (по Уральскому водораздельному хребту).

Если бы не исследовательская и общественная деятельность В.Н. Татищева, заложившего фактологическую основу геоэтики Каменного пояса, о том, что граница между Европой и Азией проходит по Уральским горам, возможно, попросту бы забыли. На основе личных наблюдений, а также ряда письменных источников Татищев пришел к выводу о пограничном положении

Уральских гор между двумя частями света — Европой и Азией. Мысль эта наиболее полно и обстоятельно выражена в труде «Общее географическое описание всей Сибири», опубликованном только в советское время, в 1950 году.

В своей работе Василий Татищев приводит такие соображения: «Из сих гор как на восток в Сибирь, так и на запад, в Европу, происходит великое множество рек малых и великих», «сии реки не токмо течением, но и водами разновствуют». Здесь имеется в виду разница в видах рыб: в реках с западной стороны — рыбы «красного тела» — лососи, хариусы. В сибирских же «наружным видом подобные тем таймени, нелмы и муксуны находятся, но как телом белы, так и вкусом различны. На западной стороне хребта, — продолжает доказательство Василий Никитич, — около 57° находятся дубы и орешник, а в Сибири ни под 50° (т.е. в лесостепи) оных деревьев нет... На западной стороне кедров, почитай, нет, но в Сибири великое множество... и сему подобные обстоятельства подают основания утверждать сии горы за границу между Азией и Европою».

LEGO «Европа — Азия»

Чтобы найти следующий знак Европа—Азия, мы проехали немного назад по Полевскому тракту и через Косой Брод направились к селу Мраморское. Нам сказали, что здесь, рядом с городом, должна быть стела, установленная кем-

то из местных жителей. Проехали село по главной дороге. Монумен-та нет.

— Там, там, по правой стороне должен быть этот столб, — махнула рукой в сторону переезда одна из местных жительниц.

Вернулись. Вот и переезд. Здесь уже своротка на трассу.

— Макс, останавливайся, вон памятник, — командирствует Сергей.

Какой памятник, где? Сначала даже не понятно, на что именно указал Сергей. Начали выруливать в указанном направлении. В траве, справа от дороги, мраморный куб. Грань у него, может, в полметра. С одной стороны написано-выцарапано красной краской «Европа», с другой — «Азия». Рядом прилично-го размера тоже мраморный шестигранник. Тут высота уже больше метра. Тяжелущий. Здесь же в траве плоский квадратный постамент.

Вся эта конструкция развалена в произвольном порядке. Напоминает детский конструктор LEGO. Детальки, которые нужно составить одна на другую и получится бело-серый с синеватыми прожилками столб...

— Его сколько ни ставили, всё равно разваливают, — возмущился из окна своего Жигуля один из проезжих.

— А что тут случилось?

— Да мужик на девятке слетел с дороги, врезался и развалил.

Ничего себе пролетел! Тут от дороги метра четыре. Это ж надо так не вписаться в поворот. О дальней-

шей судьбе водителя ничего выяснить не удалось.

Граница на ремонте

Дальнейший наш путь — к ревдинскому столбу Европа—Азия. Он возведен на Уральском водораздельном хребте и находится на перевале автодороги из Ревды в Дегтярск. По недавнему описанию, которое мы отыскали во всемирной паутине, памятник должен представлять собой семиметровую конструкцию, украшенную стальной сферой в виде шара диаметром 1,3 м. Обелиск был установлен в 1984 году, к 250-летию Ревды.

Монумент должен располагаться примерно в сотне метров от моста через железную дорогу. Оставили машину перед мостом. Широкая, заасфальтированная, но уже изрядно потрескавшаяся и разбитая дорога. Продвигаемся вперед и слева, в зарослях кустарника, видим высокую белую конструкцию — узкий железный столб, покрашенный белой краской. Никакого шара на верхушке нет.

По периметру квадратного железного основания выкопан ров, метра два глубиной. Периодически накрапывает дождик, и ноги разъезжаются на глинистой почве.

Еа2 N56°31'905" E60°23'581"

Еа3 N56°46'250" E60°01'597"

Через две-три недели сюда вообще будет не подойти. Обошли несколько раз вокруг стелы — буквы, обозначающие, где Европа, а где — Азия с одной стороны оторваны. Сейчас это всё выглядит довольно уныло и сиротливо.

Первый пограничный

Следующий пункт назначения — знак возле города Первоуральск, на горе Берёзовой, недалеко от деревни Талица. Этот столб имеет самую богатую историю. Он первый из установленных на границе Европы—Азии монументов.

В 1829 г. Урал посетили известные немецкие ученые — знаменитый географ и натуралист Александр Гумбольдт и минералог Густав Розе. На всем пути следования по Сибирскому тракту от Кунгура до Екатеринбурга они проводили барометрическое нивелирование дороги и установили в районе горы Берёзовой место перевала с западного склона Уральских гор на восточный — точку естественной границы Европы и Азии.

Речь идёт о том времени, когда девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что окончивший основной курс обучения всем необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, императора Николая I, совершил известное путешествие по России в сопровождении действительного статского советника Василия Жуковского и других лиц.

В № 61 «Пермских губернских ведомостей» за 1873 год описан проезд через границу двух частей света великого князя Алексея Александровича. Вот о чём сообщал корреспондент прошлого века: «Совершив кругосветное путешествие, его императорское высочество, великий князь Алексей Александрович возвращался в Санкт-Петербург через Сибирь и Урал».

«По выезде из Екатеринбурга великого князя, — продолжает автор материала, — 8 июля 1873 года ему устроен был обществом города Екатеринбурга и представителями уездного земства обед на вершине горы Берёзовой у самого памятника. На памятнике предварительно

высечена надпись: «Его императорское высочество, великий князь Алексей Александрович, возвращаясь из кругосветного плавания, посетил Урал «...» июля 1873 г.». По прибытии великий князь карандашом поставил цифру 8 и написал под надписью — «Алексей». Во время обеда резчик вырезал по карандашу на камне цифру 8 и имя высокого посетителя». На вершине пирамиды был укреплен золоченый двуглавый орел.

После революции обелиск был разрушен. А в 1926 г. на его месте возведен новый, но уже без орла, и не мраморный, а облицованный гранитом.

Александрийский столб на Урале

Подъехали к нужному месту — большая округлая площадка, частично залитая бетоном, частично выложенная мрамором. Над всем этим возвышается сооружение, напоминающее заводскую трубу. Чуть ближе к дороге как будто вывороченный прямо из горы камень, с прикрепленной к нему чугунной плитой с надписью, разъясняющей, когда и в честь чего монумент поставлен — видимо, эту часть прежнего памятника решили оставить. Местные жители поговаривают, что

прежний знак какой-то бизнесмен купил и увёз к себе на базу отдыха. Журналисты утверждают, что старый монумент отреставрируют и поставят на старом тракте.

Информанты Екатеринбурга сообщают, что по проекту новая стела на горе Берёзовой высотой с 12-этажку — 23 метра, а на конце — двухметровый двуглавый орел.

Образец, с которого «срисован» будущий монумент — Александрийский столб в Санкт-Петербурге. Специально съездили в северную столицу, посмотрели, какова высота столпа, такой и придерживались.

УРАЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ТУРИЗМА обращается с официальным запросом о судьбе исторического памятника Всероссийского масштаба — Обелиска на границе Европа-Азия, установленного в 2 км от Первоуральска в XIX веке и незаконно демонтированного в этом году при полнейшем попустительстве областных властей. Обелиск внесен во все каталоги и справочники многих стран мира, имеет знаковое значение для въездного туризма на территории Свердловской области, поскольку является (а теперь являлся) самым посещаемым объектом для иностранных туристов, пребывающих в Екатеринбург. Монумент был воздвигнут весной 1837 года в связи с посещением Урала наследником Российского престола, будущим императором Александром II. Место его установки определили в 1829 году немецкие ученые А. Гумбольдт и Г. Розе. Кто принял решение о сносе этого уникального памятника?

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО «ПЕРМСКАЯ ТУРИСТИЧЕСКАЯ ГИЛЬДИЯ», в составе которого 48 организаций, выражает солидарность Уральской Ассоциации туризма. Возмущает бездумное решение по демонтажу исторического памятника — Обелиска на границе Европа-Азия. Возможно, памятник оценен как не представляющий художественной ценности, но для всех, кто развивает внутренний и въездной туризм очевидно, что любой исторический знак может служить своеобразным притяжением для огромного потока туристов. Да и вообще, отношение к истории края ярко характеризует компетентность власть имущих. Надеемся, что еще не поздно!

Еа6 N56°52'917" E60°03'944"

Добраться до Вершины

Этот бетонный обелиск установлен около железной дороги из Екатеринбурга в Пермь вблизи станции Вершина. Его поставили во время подготовки к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов в 1957 г., чтобы проезжавшая из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока молодёжь могла узнать, где кончается Азия и начинается Европа.

По трассе до него не добраться. Пришлось сворачивать на разбитую, размокшую и частично заросшую просёлочную дорогу, которая углублялась в лес. На одном из участков машину стянуло в глубокие колеи.

Провозившись какое-то время с прочно завязшим железным конём, выехали и решили дальше идти пешком. Вот и памятник — невысокий, метра четыре. Покрашен белой краской и серебрянкой. Наверное, этот знак — самый незамусоренный. Посетители тут бывают нечасто. Да и видно её хорошо только с поезда.

Покорив Вершину, мы побывали у столба, установленного в 1966 году на автодороге, идущей через Билимбай в Верх-Нейвинск. Он находится между деревнями Починок и Тарасково, на хорошо заметном перевале через Бунарский хребет.

Это монолитная усеченная пирамида, высотой более трёх метров. В верхней части столба на

Еа7 N57°05'027" E60°58'279"

лицевой грани — изображение герба СССР. В общем, ничего особенного. Обычная полая железная конструкция, основание которой со всех сторон заросло репьем и осокой.

На реконструкции только два из уже увиденным нами памятников. Видимо, не все администрации районов, по которым проходит граница и где расположены знаки, её обозначающие, заботятся о своих достопримечательностях, небольшую роль играющих в формировании престижа всего региона.

Еа8 N56°49'926" E60°21'041"

17-й км, гора Хрустальная

Подъехали к 17-му километру Новомосковского тракта. Здесь воздвигнут грандиозный знак — широкий и высокий мраморный постамент со смотровой площадкой и металлическая стена. Екатеринбургцы, горожане и просто проезжие частенько останавливаются у этого монумента, фотографируются, покупают сувениры в рядом стоящем киоске, но уже ни для кого не секрет, что граница между Европой и Азией проходит совсем в другом месте.

Граница не может пересекать Новый Московский тракт у горы Хрустальной, поскольку к западу и северу от неё протекает речка Светлая, относящаяся к бассейну Исети, т.е. к Азии, и которая отгораживает гору Хрустальную от Европы. Линия водораздела проходит здесь не через Хрустальную, а западнее посёлка Светлая Речка, а точнее, на три километра западнее «17 км».

P.S. Подошло к концу наше путешествие по первым семи знакам «Европа—Азия». Говорят, на Урале их целых 40. Так что путешествовать ещё и путешествовать.

Уважаемые читатели, «Уральский следопыт» ждёт от Вас рассказов о тех памятниках, которые мы пока не увидели, или тех, о которых мало кто знает, присылайте фотографии.

Всех, кто сможет повторить наш маршрут, ждут призы. Присылайте свои фотоотчёты — обязателен снимок возле каждого знака с нашим журналом в руках.

Валерия ФИННОВА

ДА ПОМОЖЕТ МНЕ МОРЕ...

Из жизни морехода, писателя и поэта Михаила Финнова

Как он мечтал о море!

Как умолял маму отпустить его в Нахимовское!

Но Мария Савельевна сказала, как отрезала: «Мои сыновья ни летать, ни плавать не будут», и никакие мольбы не могли заставить ее отступить.

Отца, кадрового военного, вскоре после фронта списали по ранению, и семья обосновалась в Одессе, теперь уже насовсем. Девятилетний Миша был твердо убежден, что знаменитое утесовское: «Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда!» — это про него. Да и какой одесский мальчишка не мечтает о море?

Но родители решили иначе. После окончания семилетки, несмотря на все просьбы и протесты, определили среднего сына в Одесский техникум культпросветработы, благо, все семеро детей отличались музыкальным слухом.

Отслужив в армии, он попытался, согласно диплому, стать организатором — методистом клубной работы, но вскоре не выдержал и рванул на Сахалин.

Чувство открытого моря

Матрос первого класса Невельского морского рыбного порта не только работал, но и жил в море. Здесь, в рыбацкой столице Сахалина, никому не надо объяснять, что значит быть «прописанным по судну». Это значит, другой, сухопутной, прописки у тебя нет. В море ты дома, а на берегу — в гостях. Бывая «в гостях», заходил в редакцию газеты, оставлял стихи.

*Мы прописаны по судну,
За себя — ответ во всем.
Худо будет — не спасуем,
Души, стало быть, спасем!..*

Между рейсами уезжал в островную столицу Южно-Сахалинск, оттуда самолетом в Москву — сдавать экзамены в институте культуры. Друзья шутили, что свои контрольные он посылал из морей радиogramмами.

Получив диплом, новоиспеченный культработник высшей квалификации не собирался расставаться

М.П. Финнов (крайний справа) с родителями и младшим братом. Одесса

Командир роты Сахалинского мореходного училища на параде в Южно-Сахалинске 1 мая 1974 г.

с морем. Наоборот, снова и снова объяснялся ему в любви.

...Жить, волнуясь и споря.

*Я верить хочу: не изменит мне
Чувство открытого моря!*

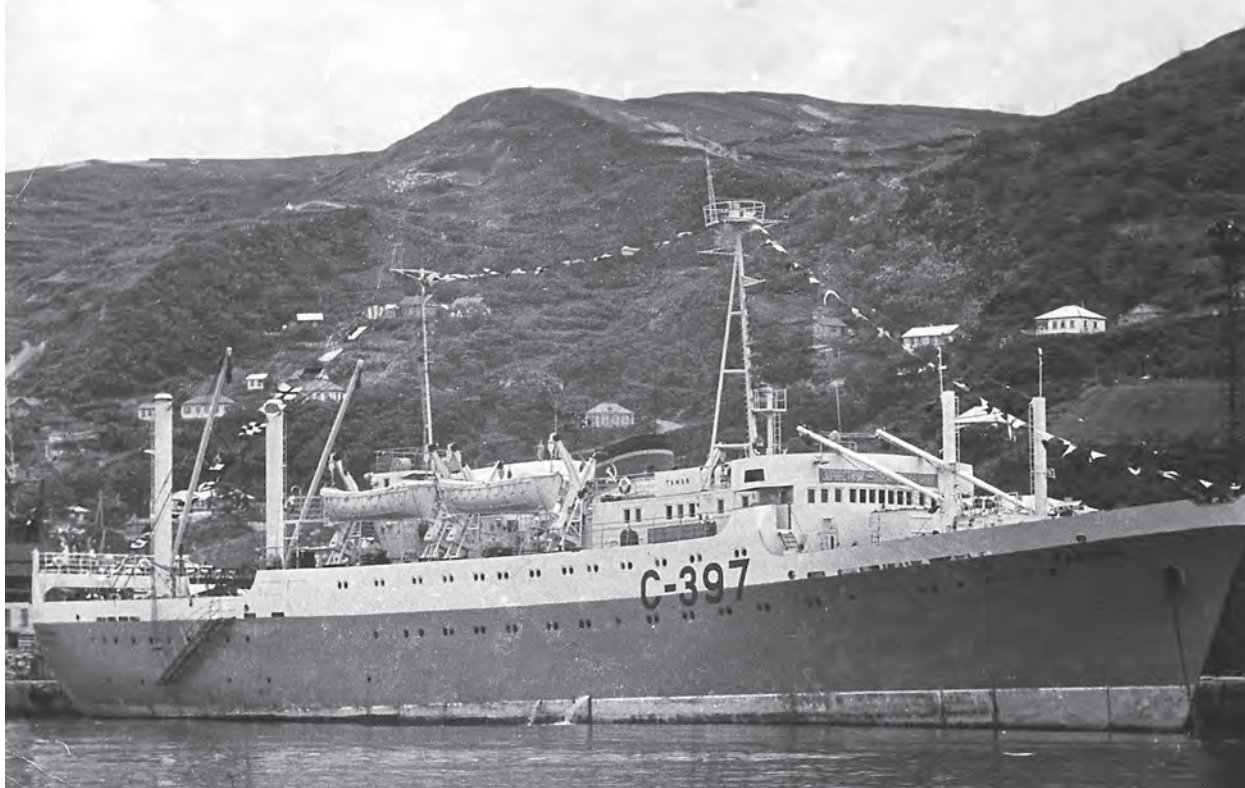
Обеспечив тылы, пора было приступать к исполнению давней мечты. Казалось, что теперь она совсем близко... Матрос становится командиром роты Невельской мореходки и зачисляется курсантом на третий курс. Рота выходит в передовые и получает почетное право представлять училище на первомайском параде в областном

центре. Командир успешно сдает больше десятка экзаменов и зачетов по различным морским дисциплинам: навигации, морскому делу, промысловству... Но когда пошла высшая математика – увы. С его-то семилеткой и культпросветом! Пришлось смириться. Теперь уже окончательно. Не бывать ему штурманом, прощай, мечта детства и юности.

*Вновь море скачет и клокочет,
И штурман в шутку мне опять:
– Эй, на руле! Везешь по кочкам!
Дорогу надо выбирать.*

И только бог морей и океанов Нептун понял морскую душу: удостоил поэта великой лести называться Мореходом Земли Русской, о чем и выдал соответствующий диплом: «Милостью нашей снисходим до пожелания ему не токмо Ветров попутных, а и Удачи великой в делах праведных». Случилось это, когда матрос впервые пересек экватор на большом морозильном рыболовном траулере (БМРТ) «Тамань» и, согласно неписаному морскому уставу, был удостоен почетного титула «Моряк Летучей Рыбы».

Большой морозильный рыболовный траулер «Тамань» у берегов Австралии

...«Тамань» пересекла по горизонтали Индийский океан и, достигнув берегов Австралии, вошла в порт Фримантл — самый по тем временам современный и механизированный в стране: восемнадцать терминалов, оборудованных по последнему слову техники. Едва ошвартовались и сбросили трап, на пароход началось настоящее паломничество. Шли русские австралийцы: те и потомки тех, кого забросила сюда сначала революция, а потом война.

Завязывались знакомства, назначались свидания, девушки, в основном русские по крови, говорили с легким акцентом и тоже расспрашивали о родине, которую никогда не видели. Но теперь уже все отлично понимали друг друга, и кое-кто из моряков, покидая гостеприимный порт, увозил адрес новой подруги...

...После огромной красавицы «Тамани» маленький, невзрачный и такой со стороны хрупкий средний рыболовный траулер-морозильщик (СРТМ) «Генерал Львов» кажется неправдоподобно ненадежным. Скорлупка в океане, куда ей пусть даже в «полу», но все же кругосветку!

Но моряки в своей стихии. В той веселой кутерьме, которая традиционно сопровождает театрализованную церемонию перехода через экватор, Финнову уготована почетная роль Виночерпия из свиты самого Нептуна, но после срочного перераспределения ролей переквалифицировался он в рогатого...

Посреди бескрайнего океана плыл праздник. Черти черными от сажи руками безжалостно хватали и отправляли «в купель соленую» новичков; Нептун, трижды ударив жезлом в палубу, торжественно принял от капитана чарку в знак того, что берет судно под свое покровительство...

*Полгода дома мы не видели,
Мы до костей себя прожарили
И возвращались мимо Индии
В свое родное полушарие...*

...Пока СРТМ «Генерал Львов» через два океана и почти десяток морей преодолевал расстояние в 16000 морских миль, на что, не считая пребывания в Керчи и подготовки к рейсу, ушло три с половиной месяца, я каждый вечер представляла крохотный кораблик строго по курсу, прочерченному на карте полушария. Карта была из учебника

Праздник Нептуна в Индийском океане. Черт — М. Финнов (справа)

БМРТ «Тамань». Вахтенный матрос М. Финнов

географии, наклеена на картонку и приколата над моим диваном, а кораблик Миша вырезал из кусочка жести от консервной банки. Мы с «Генералом Львовым» шли «в ногу»: поздравление с переходом через экватор матрос Финнов получил как раз в день праздника Нептуна! Правда, радист подозрительно поинтересовался, откуда постороннему лицу может быть известно о точном местонахождении советского судна в океане... Но он же ничего не знал про мой пароходик! Так что все обошлось.

Однажды ночью меня поднял телефонный звонок. Радостный Мишин голос: «Я звоню из Тихого океана!» Мне стало холодно и страшно. Почему-то представилась глубокая чернота, бескрайний океан, крупные звезды и где-то далеко-далеко внизу крохотное суденышко... Только дня через три сообразила: а с чего это я решила, что там тоже была ночь? И еще долго не могла отделаться от какого-то мистического страха... А ведь они и правда терпели бедствие возле Маскаренских островов на подходе к Порт-Луису, о чем я, слава Богу, узнала много времени спустя...

Рейс благополучно подходил к концу, приближалась наша встреча! Но морское начальство что-то там мудрило, дни шли за днями, а порт прибытия был все еще не известен. Наконец, получив радиogramму «Идем в Находку», отправляюсь к редактору: сахалинская команда возвращается из полукругосветки — чем не тема для молодежной газеты? Мне выписывают командировку. Самолетом до Владивостока, поездом — до Находки, нахожу порт, звоню диспетчеру и...

— «Генерал Львов» изменил курс, идет на Сахалин.

Поезд во «Владик» только завтра. О гостинице нечего и мечтать. С помощью комсомола устраиваюсь на ночлег в какую-то общагу.

Во Владивостокском аэропорту другая новость: нелетная погода, Сахалин закрыт. Еще одна ночь. Конечно, они уже в Холмске. Главное, платье не помять, едва ли будет время погладить. А ландыши мои не вянут, вот молодцы!

Наконец, выбегаю на перрон южно-сахалинского вокзала за десять минут до отхода холмского поезда. Билетов, естественно, нет. Мечусь у вагонов, не зная, кому дать взятку, и вдруг в окно протягивается чья-то рука:

— Возьмите, только чтобы проводник не видел!

В руке — билет! Минута, и я в вагоне. Нахожу эту замечательную, чудесную, великолепную женщину и не знаю, как благодарить.

— Да бросьте, я ведь тоже во Владивостоке ночь сидела, на тот же самый рейс. Видела, как вы там всю ночь со своими ландышами — из угла в угол...

Срадостью плачу штраф, покупаю билет и через какой-то час выхожу в Холмске. У причала — невзрачное суденышко. СРТМ «Генерал Львов». Не верю своим глазам: такой маленький?! Через полземного шара...

А ко мне уже бросается вахтенный матрос. Миша!

— Я уже знал, что ты в Находке, думал, не успеешь, вот и вызвался вахту стоять. Команда почти вся из Холмска, каждому домой хочется...

Так счастливо закончилась наша первая большая разлука.

В гостях у Чехова

Всего-то по двум тоненьким, изданным на Сахалине книжкам стихов, «Чувство открытого моря» и «Мое рабочее море», Михаил Финнов был принят в Союз писателей СССР, а затем и на Высшие литературные курсы в Москве. Не иначе, Нептун наколдовал: далеко не всем представлялась возможность два года жить и учиться в столице, даже если они были обладателями членского билета Союза писателей. Поэта, правда, уговорили пойти в семинар по драматургии — там, в отличие от поэтического, был недобор, но ломаться новоиспеченный студент не стал, зная, что семинар у драматургов ведет Виктор Сергеевич Розов. О таком везении можно было только мечтать. Тем более что в Сахалинском областном драмтеатре готовилась к постановке пьесы Финнова «На всю жизнь» — эпизоды поездки А.П.Чехова на Сахалин.

О сахалинской поездке писателя он думал уже давно, «разминал тему», для начала написал пьесу, а впереди маячила повесть. Правда, на премьеру автор прилететь не смог, и пришлось мне писать в Москву рецензию на шести страницах.

А из Москвы пришел отчет о другом, не менее значительном событии.

Отчет М.П. Финнова о свидании с А.П. Чеховым.

«Семь часов вечера, и я только что вернулся из гостей. Правда, хозяина я уже не застал, но домочадцы встретили весьма приветливо. Погостил я недолго, часов пять-шесть, но впечатления остались глубокие. И Юрий Константинович Авдеев, художник, тот, что нынче за хозяина, несмотря на собачий холод, показал все, что относится к его владениям. Ну ладно, хватит туману. Я только что вернулся из Мелехово!!!

Сам директор Ю.К. Авдеев встал с постели, чтоб принять и сопроводить нас. И говорил не общеизвестно-среднешкольные вещи, а то, что можно и нужно знать писателям.

Бряцая ключами, этот старик, отдавший сорок лет служению памяти Чехова, провел нас по всем закоулкам, отстегнул все бархатные шнуры в дверях, открыл книжные шкафы и влюбленно, страстно говорил, говорил, говорил! Что ни вещь, картина, автограф, — то новелла не хуже, чем у Андроникова, хоть и без его артистизма, но с более глубоким проникновением в эпоху, нравы и чеховское окружение. А какой объем памяти! Целыми страницами шпарил Чехова и его письма! И не врал, уж меня-то не проведешь. А наши ходили, разинув рты. Я не удержался и подкинул пару реплик. Авдеев недоуменно покосился. Потом спрашивает: «Вы литературовед? Чеховед? Как ваша фамилия?» Я смутился и пробормотал что-то насчет бескорыстной любви к Антону Павловичу, но, вспомнив, что корысть-то все-таки имеется, совсем потерялся. С тех пор Авдеев обращался, в основном, ко мне и, прощаясь, одному мне пожал руку. Сказал, что всегда будет рад видеть в Мелехово.

Я, расхрабрившись, попросил что-нибудь на память. Он спросил: «Что? Уж не чеховский ли автограф? Или его пенсне?» Я: «Вот эти камешки на дорожке сада были уже и тогда?» Авдеев: «Да. Дом был разрушен, а камни вечны. Их возили для чеховской усадьбы из подольской каменоломни. Чехов любил благоустраивать». Я: «Несколько камешков можно взять?». Авдеев: «У нас бывает по несколько тысяч человек в день (нас привезли в выходной, чтоб никто не мешал), и если каждый возьмет по одному камешку, то... сами понимаете. Но вам как сахалинцу и чехознавцу (он так сказал, я тут ни при чем!) я это разрешаю. Только не здесь, а вот пойдете к пруду, где Антон Павлович высадил сахалинскую гречиху (я ее сразу узнал, и в сердце что-то шевельнулось...). Вот здесь. А как Чехов получил ее семена?»

Я: «От инспектора сельского хозяйства фон Фрикена через доктора Щербака — врача пароходо-добровольца «Петербург» вместе с отчетами и посылкой фотографий Павловского в осенний рейс 92-го года!»

Авдеев (разведя руками): «Ну-у, можете взять хоть вот этот (кг 200!) валун...»

(Толпа торжествует: ага, мы тоже не лапти, молодец, Миша!)

Я (оглядевшись): «Спасибо, но лучше я возьму немного мха с корней вот этих трех гигантов-тополей, посаженных руками Антона Павловича...»

И вот теперь у меня на тумбочке три с лишним десятка камешков мелеховских, а в тазу мокнет охпочка мха...»

...Мы снова прощаемся на берегу. Резкий ветер высекает слезу, «можно подумать, что ты взволнована». Миша в своем репертуаре. Только на этот раз не матрос уходит в очередной рейс, а писатель отправляется в творческую командировку в моря. Начинается работа по главному делу, и он решительно не может сидеть на пятом этаже в своей комнате-каюте, где желтосиний морской сигнальный флаг напоминает постоянно о том, что

«судно готово к отходу». Но этого мало, чтобы настроиться на чеховскую волну. Если уж «волна», то настоящая!

Шел ли он в моря за вдохновением, надеялся ли на благословение Нептуна, искал ли вдали от земли одиночества и творческого озарения? А может, встречи с молодостью? Скорее всего, — все вместе...

*...Без ошибки найти свой путь,
В дальнем рейсе не сбиться*

с курса,

Миновать все мели искусно

Да поможет мне море пусть!

Тем более что «рейс» предстоит действительно дальний, в 19-й век, в жизнь и творчество большого писателя. И мелей, и рифов — предостаточно...

«...Итак, я на «Конституции СССР». Впервые в жизни на таком большом пароходе. Вот это да-а-а!»

Процесс вживания в тему идет мучительно. «...Определить центральные эпизоды сахалинские. И — одесские. И — московские... Он уже решил ехать? Не окончательно. Был только намек. Теперь — твердость решения и обоснование оно же в одесско-московских эпизодах...»

Два месяца — с сейнера на плавбазу, оттуда на СРТМ, снова на плавбазу... Выступать, читать стихи, отвечать на вопросы, встречать старых друзей, с которыми когда-то — по морям и океанам... И, уединившись в своей каюте, читать Чехова. Мучиться сомнениями. Переходить от отчаяния к решимости.

К чему все эти проблемы? Убедиться, что море помнит Финнова? И в этой убежденности черпать вдохновение и уверенность для работы над новой сложной темой? Не исключено...

Море помнило Финнова.

«В 19.00 к нам привязалась... «Тамань»! Моя родная «Тамань»! Господи, 20 лет назад... На ней я пришел из Австралии... Как они промелькнули! В 20.20 говорил с командиром. Встреча завтра после ужина. (...) Прошелся по «Тамани», смотрел на ее палубу, пытался выжать некие эмоции... Да нет, что-то шевелится в душе...

Выступление — о, кэй...»

...И замысел повести сформировался окончательно, и детали прояснились. Море не подвело. Повесть «Дальняя дорога Антона Чехова» выйдет в свет в издательстве «Современник» спустя ровно десять лет, в 91-м. Автору уже не суждено будет увидеть свою книгу.

Восемнадцатый остров

...На Курилах мы бывали и раньше. В 68-м — с агитбригадой: участники самодеятельности, композитор, члены Сахалинской писательской организации и я — начинающая журналистка из «молодежки». Это называлось «обслуживать путину». Обслуживали мы ее в райском месте — на острове Кунашире с его пышными субтропиками и горячими источниками-ваннами на песчаном океанском берегу... Композитор Леонид Никчемный с Мишей специально для такого случая написали песню «Сопки-Курилы», певуны из агитбригады ее исполняли: «Ах, вы, сопки-Курилы, голубая вода»... Я, в надежде наскрести материал на пару корреспонденций, наведывалась на рыбозавод, где женщины отважно пластали длинными ножами горбушу, а девушки тонкими пальчиками укладывали сайру в банки так, чтобы получилась розочка. Путина была в разгаре.

...И вот, почти пятнадцать лет спустя, Финнов снова на Курилах. Остров Уруп — это уже не теплый, роскошный юг (от Кунашира его отделяет большой остров Итуруп и два пролива), но еще и не суровый север. С запада — Охотское море, с востока — Тихий океан. Полторы тыщи квадратных километров, 25 вулканов, из них два действующих. К счастью, оба в тот момент спали. Часто заходят суда, почта работает исправно, и я в курсе урупских новостей.

«Ходил с Шугаевым на р. Водопадную, в 7–8 км от метеостанции. Дорога потрясающая, какие скалы, берег, море! Японские доты, вырубленные в скале. Обратно влез по отвесному, почти, берегу метров 60 высотой. Дрожали колени, выскакивало

Остров Уруп. Бухта Грушковского

из груди сердце, но влез. Шугаев это сделал на раз, а я с одной остановкой — отдышаться. Трусил, но лез...»

«...У нас ЧП — пропал человек. Такое здесь изредка бывает. Газогенераторщик Эдуард Сергеевич Котов ушел с разрешения начальника на Ван-дер-Линд, хотя есть строгий приказ отлучаться не далее трех километров, достиг его третьего августа и в обратный путь вышел восьмого. Завтра месяц, как он ушел... Выждав все возможные сроки, начальник схватился за голову, отправил спасгруппу, а всем остальным строжайше запретил отлучаться с метеостанции».

«...На острове две серьезные опасности: гнус и японские боеприпасы...»

«Наконец-то осуществилась моя давняя мечта пожить с глазу на глаз с океаном: «Две недели жил в бухте Грушковского и твердо знал, что ближайший от меня человек — в 25-ти км на север и более чем в ста — на юг. В этой бухте, рядом с речкой под именем Ласковая, поставлен домик из ящиков, весьма уютный, с печкой-буржуйкой и окошком на Тихий океан... Приплывали ко мне во множестве каланы, тюлени-антуры, нерпы Нерейда (блондинка) и Няяда (брунэтка)... Вчера весь день — отчаянный дождь, сегодня ветер, туман, мокро...»

«Десять дней, как я живу на заставе в бухте Малокурильской. Отправлен сюда начальником станции как его личный представитель в связи с поисками Котова. Шугаев и еще один парень прошли весь остров от мыса Кастрикума до Ван-дер-Линда, но на след Котова не попали.

«...Отличная речка Быстрая, в ней полным-полно рыбы. Сам солю икру, сам ем... А шиповник! С яблоко. Люди здесь преотличнейшие. Десяток солдат, один офицер и прапорщик. Живут дружно, весело, интересно, да и служба хоть и нелегка, но природа — !!! В книжном шкафу оказались и «Охотоморье»¹, и «Доброта»², что привело их в восторг. Читают по очереди».

«...Пришла «Атмосфера», полюбившая Шугаева, возвращающегося с поисков пропавшего Котова, а за три часа до этого пришел... и сам Котов, бывший без вести ровно сорок дней! Блуждал по Урупу. Выжил только благодаря шугаевским запасам продуктов в разных точках острова, известных Котову. Возвращение Котова — случай почти невероятный, дьявольское везенье...»

«Время моего пребывания на Урупе подходит к концу... А жаль. Ах, чудо-остров. Какой счастливый гений надоумил меня побывать здесь! И отчего я, дурак, не сделал этого раньше?! Хочется работать. И есть над чем. Это здорово, что судьба подарила мне восемнадцатый остров!» Именно там окончательно прояснился замысел и обозначилась канва исторической повести о первооткрывателях Курильских островов «Российского владения земля».

И уже дома то ли ночью, то ли утром, вне всякой, казалось бы, связи с сюжетом и героями будущей повести, да и со всей этой Курильской эпопеей, вдруг осенило: восстановить памятник экипажу «Крейсерка»! И как это раньше не пришло ему в голову?! Надо же, четыре года назад вышла повесть

¹ *Охотоморье, стихи М. Финнова, Ю.-Сахалинск. 1979 г.*

² *Доброта. Повести и рассказы писателей Сахалина. Владивосток, 1979.*

Мыс Терпения. Плита с памятника погибшим морякам в основании маяка. Лето 1983 г. Справа — М. Финнов

Остатки памятника на мысе Терпения. Слева М. Финнов, справа — директор Сахалинского краеведческого музея В.Латышев

«Два лейтенанта», и вот только сейчас...

Повесть, изданная сначала на Сахалине, а потом во Владивостоке», знакомила читателя с молодыми лейтенантами русского флота Налимовым и Дружининым. С историей их службы и дружбы, обстоятельствами трагической гибели Налимова и матросов шхуны «Крейсерок» у берегов Сахалина в 1889-м... Тогда же на мысе Терпения, возле которого произошла трагедия, был поставлен памятник погибшим. Он в точности повто-

рял Кронштадтский монумент, установленный по аналогичному поводу, для чего по специальному Высочайшему разрешению на его устройство отпускались списанные якоря, цепи и прочее.

Идею восстановить памятник поддержали, и в конце июня четверо энтузиастов во главе с директором областного краеведческого музея В. Латышевым отправились в путь.

Увы. От памятника почти ничего не осталось, уцелела лишь часть основания, сложенного из камней,

на нем и решили укрепить принесенную с собой табличку. Инициатор акции попытался отыскать могилу лейтенанта Налимова, и тоже — никаких следов...

Слава богу, сохранилась плита с надписью: «Сибирск. Флотск. Экипаж. Лейтенант Андр. Павл. Налимов и матросы: Т. Зеленкин, П. Савинов и И. Трапезников погибли около этого места в ночь с 15 на 16 окт. 1889 г., разбившись на конфискованной «Крейсерком» призовой шхуне «Роза».

Плиту вмонтировали в основание маяка. Помолчали...

ТАЕЖНОЕ ПРОСТОКВАШИНО

...Между тем замысел книги «Российского владения земля» созрел окончательно. Позади работа в архивах Томска, Москвы, Владивостока, Ленинграда, пора бы уж садиться за работу, но... Не хватало какого-нибудь Простоквашино, где можно уединиться подальше от телефона и мирской суеты. Поиски земли обетованной затягивались. Наконец...

«Роскошный сруб, дом с баней. Место великолепное: до моря ходьбы 20 минут спокойно, а в море рыбы-ы-ы-ы! А какой лес! А грибов! (Сегодня варил грибной суп), а какой поспеет скоро шиповник! Все время идет дождь-морось, но даже это не может уменьшить моего очарования этими местами... Да здравствует Простоквашино!!»

Ну конечно, Простоквашино: знаменитый в то время мультик исключал всякое другое название. Пусть не изба, а сруб с баней в сахалинской тайге, какая разница? Получив из тайги сей восторженный вопль, мы с собакой поняли, что надо собираться в дорогу.

Превращение морского «хомо сапиенса» в таежного свершилось безболезненно... Наверное, потому, что море — это молодость, вдохновение, порыв, мужество, безграничность... Тайга — спокойствие, мудрость, одиночество, глубина. Зрелость. Все логично.

Таежный сруб принадлежал хорошему человеку Виктору Александровичу Михелю из города Долинска. Изба нужна была ему, главным образом, зимой, когда он ставил капканы и охотился, летом же хоромы пустовали, что было источником вечной головной боли, ибо немало шатается по лесам всякого сброда. Его предыдущую избушку попросту сожгли... Так что если будет постоянный жилец, то всем от этого только польза. На том и порешили.

С появлением жильца в тайгу пришла цивилизация. Первым делом пришелец построил туалет, затем душ; не спросив хозяина, прорубил в избе еще одно окошко для света (хотя толку от него было немного, ибо выходило оно все равно в тайгу, где почти всегда сумрак), а потолок над столиком оклеил фольгой, опять-таки ради дополнительного освещения: работать приходилось при свечах.

Почуввав жилье, прилетели вороны, обосновались на ближайших деревьях, и спаниельке Уле ничего иного не оставалось, как, не слезая с нар, целодневно вести диалог с черными подружками. Хозяин же был далеко, и ежели что, бежать за ним пришлось бы аж в XVIII век.

«...Эскадра снаряжалась, «имея главным предметом сохранение права на земли, Российскими мореплавателями открытые,

и недопущение иностранных к совместничеству...». Инструкция Адмиралтейств-коллегии предписывала: «Будучи в соседстве Японии, не упускайте ни малейшего случая получить достовернейшие известия о сей земле, а наипаче о северной ее части и лежащих близ нее в северную сторону больших островах...»

«Для утверждения российского права на все, до нынче учиненные Российскими мореплавателями... открытия», были изготовлены (...) гербы и медали (...) с надписями на Российском и Латинском языках «ЗЕМЛЯ РОССИЙСКОГО ВЛАДЕНИЯ»...

Иногда Хозяин брал Собаку, и они шли на берег Татарского пролива. Улька шалела от морского ветра и множества птиц, за которыми бросалась в воду, но они взмывали перед самым ее носом... Наконец, обессилев, пристраивалась к Хозяину, и они двигались, уже не обращая внимания на чаек, к водопаду. Только иногда Собака отставала, по долгу службы обслеждая, хотя бы бегло, кусты морского шиповника.

Но вот она задержалась. Хозяин вернулся и стоял рядом, с любопытством наблюдая, как Уляша передними лапами энергично разрывает песок, высоко подняв зад с подрагивающей бе-

лой кудрявой кисточкой на обрубке черного хвоста. Когда показался металлический полукруг, он все понял и стал помогать. Обнажилось ведро, наполненное банками.

— Ну, Уляха, молодец! Если только тушенка, получишь целую банку!

Он был все-таки ужасно наивный. Уж Улька-то знала, что там, иначе бы и стараться не стала... Но слово свое сдержал. Затем, взяв еще одну банку, они зарыли ведро обратно и пошли дальше.

А вообще-то в то лето им не везло. Мокрая погода выгнала из тайги, вскоре последовала командировка Хозяина на Камчатку... И только в начале ноября, слава богу, «туман в конце РВЗ («Российского владения земля») развеялся... Еще страниц двадцать — и финал...»

Последняя точка

...Снова земля, и мы снова прощаемся в аэропорту. У Миши путевка в дом творчества Переделкино, после него — работа в московских архивах.

В начале апреля он позвонил из столицы, с радостью сообщил, что удалось обнаружить кое-что интересное, и, значит, недели через две будет дома.

Это «кое-что» разыскивалось уже несколько лет. Архивы на все запросы упорно слали отказы, но вот — свершилось. Судовой журнал парохода Добровольного флота «Петербург», на борту которого писатель Чехов возвращался с Сахалина в Одессу осенним рейсом 1890 года, наконец-то у него в руках! Теперь вся поездка знаменитого писателя получала свое завершение, последнее недостающее звено ставило окончательную точку в его путешествии на каторжный остров.

Для непосвященного судовой журнал — сухой регистр, а для моряка, писателя, знатока и романтика моря в нем и драма, и поэзия, и чудесная многокрасочная симфония, и трагические повороты судьбы человеческой, и Бог знает что еще...

Сахалин. Таежное Простоквашино

Ялта, Дом творчества писателей.
80-е гг.

В альманахе «Сахалин» за 1988 год к тому времени уже вышло своеобразное предисловие Финнова к этой теме: эссе «Моря Антона Чехова», написанное в форме диалога «чеховеда» с «чехолобом». По утверждению «чеховеда», морей «в жизни Чехова было немногим меньше, чем у автора знаменитого «Фрегата Паллада» или мариниста Станюковича! (...) Дюжина морей и Индийский океан в придачу!» Морская, оказывается, душа был писатель Антон Павлович Чехов... Между прочим, его сахалинское путешествие завершалось тем же маршрутом, которым чуть ли не век спустя прошел и матрос, рулевой первого класса Михаил Финнов: Порт-Саид, Сингапур, Суэцкий канал... Только шел он не на Сахалин, а с Сахалина. Ему и лет было тогда столько же, сколько Антону Павловичу Чехову в его сахалинском путешествии. И одно название Платоновского мола, где ошвартовался «Петербург», завершив осенний сахалинский рейс 1890 года, для него, одессита, — сладкая музыка...

И значит, тот факт, что судовой журнал парохода Добровольного флота «Петербург» наконец в его руках, — никакая не случайность. Просто, прежде чем преподнести

приятный сюрприз, судьба иногда испытывает на прочность.

В общем, еще несколько дней работы в московском архиве, и — домой.

В десять утра он вышел из метро, чтобы пересечь на автобус, идущий до Госархива на Левобережной, где ждали заказанные накануне материалы. Подошел к киоску, купил две пачки сигарет. Схватился за сердце. Успел сказать кому-то за спиной: «Вызывай «скорую» и упал тут же... Какой-то парень бросился делать ему искусственное дыхание. Собралась толпа.

Когда приехала «скорая», врачу оставалось констатировать смерть вследствие инфаркта. Случилось это шестого апреля 89-го.

Стела с барельефом Михаила Финнова в г. Невельске. Фото Нины Моной

Через полтора месяца писателю исполнилось бы пятьдесят два.

Остались ненаписанные роман «Перегон», начатая повесть «Инксахалинка», историческая повесть о Бошняке, для которой много лет он собирал материалы и однажды признался: «уже накатывает мистический Бошняк»; книга о возвращении писателя Чехова с Сахалина в Одессу...

Его похоронили в Подмосковье, где живут родственники. Большая мраморная плита с надписью закрывает могилу. На уголке плиты — мраморная книжка. На Сахалине в городе Невельске по ходатайству писательской организации именем Михаила Финнова назван сквер, установлена стела с барельефом работы Заслуженного художника России В. Чеботарева. Смотрит с барельефа мореход и писатель, остроумный и жизнерадостный человек, каким его помнят знакомые и друзья.

* * *

*Морские птицы не поют.
Тому, кто знает море, — ясно,
Хотя они и не безгласны,
Морские птицы не поют...
Отчаян ветер, зла волна,
О, как протяжны эти мили!
Извечная трагичность мира
Им от природы суждена.
И — бесприютность навсегда!
Об этом ветер в крыльях свищет:
Земля — она не даст им пищи,
Вода — на ней не свить гнезда...
Не знаю я, в чем дело тут,
Но только очень точно знаю:
Кричат. И стонут. И стенают
Тоскливо,
Только — не поют.
И не понять наверняка,
В каком безумье эти птицы
Летят,
Чтоб вдребезги разбиться
О свет
Ночного маяка.
Морские птицы — не поют...*

Эти стихи Михаила Финнова посвящены памяти поэта-дальневосточника Геннадия Лысенко.

Иван СИТНИКОВ

Коньяк, маслины, «беломор»...

Джип, недовольно урча, подпрыгивал по ухабам проселочной дороги. Водитель и два пассажира, взмокшие от жары, царящей в салоне, неторопливо пили пиво.

– Может, приоткроем окна? – в очередной раз взмолился толстый мужчина.

– Нет, Паша. Пыли наглотаться хочешь? – Водитель, сам изрядно вспотевший, отхлебнул из бутылки.

Паша недовольно поерзал на месте, мысленно проклиная сломавшийся кондиционер.

– Ну, Серега, дышать ведь невозможно. Хлыст, хоть ты ему скажи.

Хлыст невозмутимо сидел на заднем сиденье и, казалось, не обращал никакого внимания на духоту и постоянное нытье толстого Паши.

– Долго еще? – впервые за поездку подал он голос.

Сергей мельком взглянул на спидометр.

– Часа полтора осталось. Как раз к нашему приезду баньку истопят и стол по-человечески накроют.

За окнами мелькали пожелтевшие поля, по которым извилистой змеей ползла дорога.

– А может, того... искупнемся? Здесь озеро или речка есть? – Паша с надеждой посмотрел на водителя.

– А как же, озерцо неподалеку имеется. Можно и искупнуться. – Сергей резко вывернул руль, объезжая яму. – Хлыст, ты не против?

– Давай, – Хлыст вытер выступившие на лбу капли пота мятым сырým платком.

Джип, раздраженно пыхтя, свернул с проселочной дороги на поле и, подминая пожухлую траву, выехал на пригорок, за которым начинался спуск к озеру.

– Хорошо-то как! – Паша стоял возле открытой дверцы автомобиля. Подставив огромный живот свежему ветерку, он блаженно улыбнулся. Сергей и Хлыст, подобно юным сорванцам, плескались в озере.

С умилением посмотрев на друзей, Паша открыл багажник и вытащил ящик пива. Позвякивая бутылками, поставил его на траву и уселся рядом. Минут через десять Сергей, а следом за ним и Хлыст, повизгивая от возбуждения, подбежали к машине.

– Нафупались? – кое-как проговорил Паша, сдирая зубами с соленого окунька шкуру.

– Угу... – Сергей накинуд на плечи махровое полотенце. Хлыст же остался в одних плавках, выставив, словно напоказ, свое мускулистое тело, покрытое паутиной наколок.

– Фы у нас, как фтена для граффити – с набитым ртом пошутил Паша.

– Посиди с мое, – огрызнулся Хлыст.

Солнце уже начало склоняться к горизонту, но припекало так же нещадно, как и в полдень.

– А может, устроим здесь привал. Хотя бы на часик? – с надеждой спросил друзей Паша. – Банька от нас все равно никуда не убежит.

Сергей прихлопнул севшего на плечо слепня.

– Да я не против, – зевнул он, – так ведь разморит нас на солнышке. Вам-то что? А мне рулить еще.

Паша лениво поскреб пятерной волосатое пузо.

– Не бойся, доедем. Так ведь, Хлыст?

Хлыст неторопливо полез в салон. Через пару минут компания непринужденно разливала по пластиковым стаканчикам коньяк. Всевозможную закуску вывалили прямо на берегу...

– Будем, – крикнул Паша, опрокинув очередной стаканчик. Он вытер рукой мокрые губы и потянулся за сигаретой.

– О, – его мутный взгляд остановился на невесте откуда появившемся незнакомце, – иди сюда, отец!

Метрах в двадцати от троицы в тени густого кустарника сидел пожилой мужчина. На вид ему можно было дать лет шестьдесят. Старенькая выцветшая рубашка разошлась по шву на плече, а на ногах мешком висели мятые хлопчатобумажные брюки.

Иван Борисович Ситников родился в 1973 г. в г. Дивногорске, Красноярского края. Работал журналистом, редактором на КГТРК, обозревателем газеты «Известия — Красноярск» и «Экономика и жизнь — Сибирь». Писать художественную литературу начал в 2005 г. Рассказы печатались в журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Уральский следопыт», «Искатель», «Я» (Нью-Йорк), «Безымянная звезда» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), в сборнике фантастики «Аэлита 003. Новая волна».

В прошлом году стал лауреатом премии им. В.П. Астафьева в номинации «Проза». («Малый круг»)

– Иди к нам, – не унимался Павел.

– Давай, селянин, смелее, – поддержал друга Сергей, – подходи, нальем.

Старик неторопливо поднялся и вразвалочку направился к изрядно поддатой троице. Усевшись рядом, он взял протянутый стакан коньяка. Осмотрел его со всех сторон, будто какую реликвию, и только после этого выпил.

– Иван Макарыч, – представился он.

Паша ухмыльнулся.

– Рассказывай, Макарыч, чего здесь высиживаешь?

Дед иронично взглянул на Павла.

– Рассказать не трудно. Но ведь все равно не поверишь.

Паша переглянулся с пьяными друзьями. Затем налил еще один полный стакан и протянул его гостю.

– Давай – выпей и рассказывай.

Иван Макарыч вновь осушил стакан и потянулся к банке с оливками. Повертев одну оливку в мозолистой руке, он раздавил ее пальцами и полез в карман за «беломором».

– Вы про русалок когда-нибудь слышали? – спросил он, прикуривая папиросу.

– Было дело, – за всех ответил Паша.

– Так вот, живет в этом озере одна русалочка. Со дня на день должна появиться. Ее и жду.

Старик закурил папиросу и закашлялся.

Наступило минутное оцепенение. Паша задумчиво почесал бритый затылок, Сергей застыл с коньяком в руках, и даже Хлыст, безмятежно лежавший с закрытыми глазами, повернул голову.

– Слушай, отец, а ты с головой дружишь? – с сомнением взглянул на чудака Павел. – Может, тебе больше не наливать?

– Плесни, – старик протянул стакан, – а то продолжения не будет.

– Налей ему, – сказал Хлыст, – пусть рассказывает.

– Все произошло две недели назад, – начал Иван Макарыч. – С вечера поставил сеть, думал, что стоящее попадется. Плыву, значит, на лодке обратно к берегу. Как вдруг брызги во все стороны, всплеск такой громкий, будто дельфин попался. А откуда у нас дельфины? Рыба-то у нас мелкая, разве что щучка какая попадет. Удивился я, взял багор, чтобы рыбину оглушить. А из воды женское личико показалось. Я сначала чуть в портки не наложил. Показалось, что утопленница всплыла. А это русалка оказалась...

Громкий хохот прервал его рассказ. Оглушительно ржал Павел, рядом, катаясь по траве, залиристо смеялся Сергей, даже невозмутимый Хлыст и тот поперхнулся пивом. Иван Макарыч дождался, пока троица успокоится.

– Запуталась она в моих сетях. Я, понятное дело, вытащил ее на берег. А она даже не сопротивляется. Смотрит на меня своими глазницами и молчит. А красавица такая, что описать фантазии не хватит. Глаза словно два блюдца огромных, янтарем отсвечивают,

и прямо манят к себе. Губки, сказал бы, как кораллы, да не видел я их, кораллов этих, не довелось... – Он сплюнул попавший на язык табак и оглянулся на озеро.

– Продолжай, не отвлекайся! – Паша открыл вторую бутылку.

– Ну, так вот... Сижу я, смотрю на нее, а сам будто язык проглотил. Первый раз русалку вижу. Я-то язык проглотил, а она, напротив, высунула из своего ротика язычок и давай им по губкам водить, а сама глаз с меня не сводит. Потом хват за руки. Я чуть деру не дал с перепугу. Но потом чувствую под руками что-то мягкое и горячее. А она ладошки мои к своим грудям прижала и ждет чего-то. А что от меня ждать-то? Я уж своей бабке ничего, кроме пойманной рыбы, дать не могу. Но тут чувствую – желание появляется! Будто годков двадцать скинул. Глаза вниз опустить не смею, стесняюсь, а на нее смотреть тоже не совсем удобно.

– А какие груди-то у нее? Разглядел? – давась от смеха, спросил Сергей.

– Не перебивай. – Иван Макарыч выпил. – Конечно, разглядел: огромные, арбузные прямо-таки. Белые, нежные, с тоненькими прожилками вен. И сосочки маленькие, твердые. Я, как только их потрогал, сразу про бабку свою забыл напрочь. А мысль в голове только одна вертится: как же она с таким бюстом огромным плавает? – Он на секунду замолчал. – Плесни-ка мне еще, разволновался я что-то...

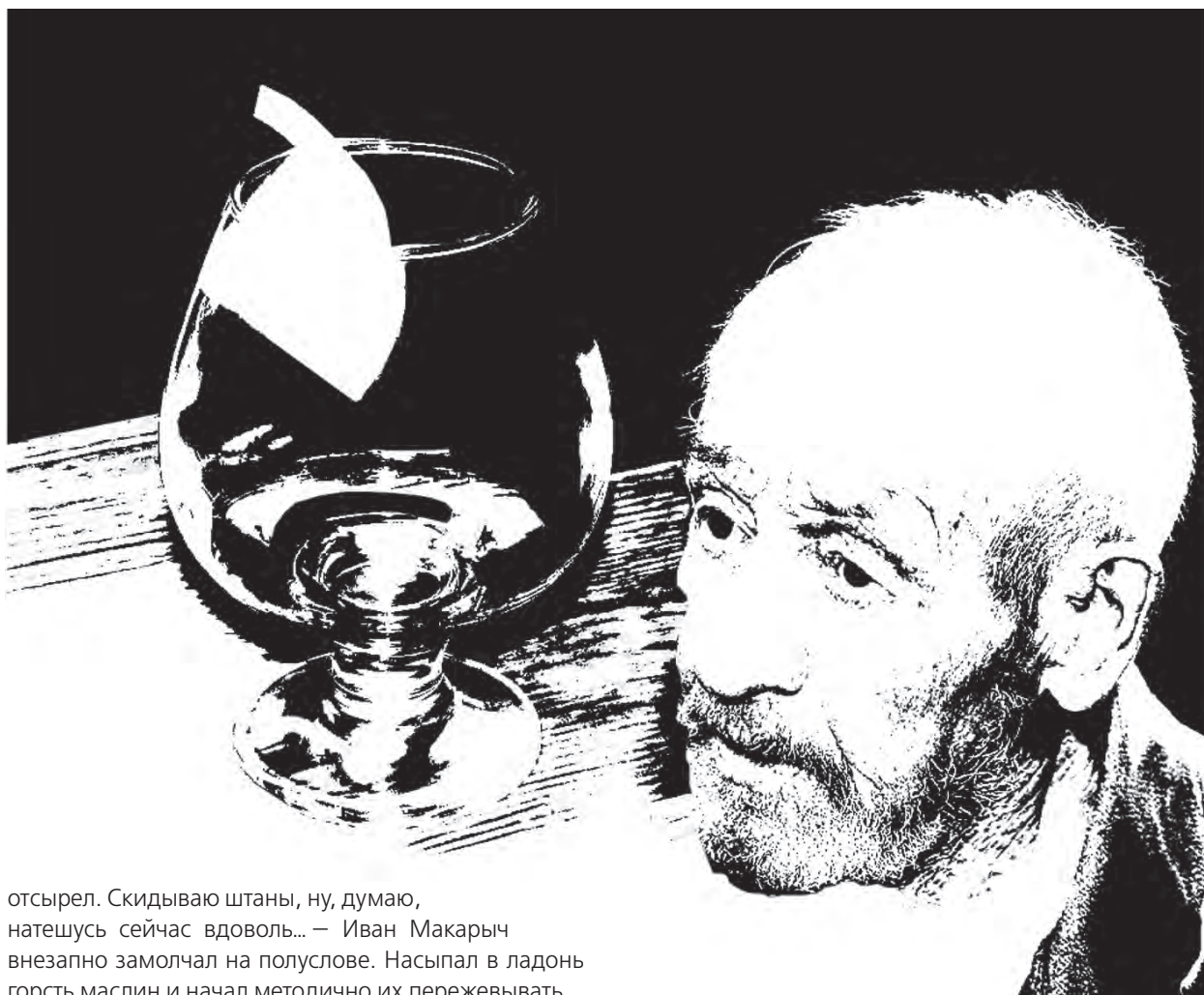
Дед снова посмотрел на озеро и, вздохнув, продолжил.

– И как только я ее сосочки начал руками мять, то есть ласкать, она как завизжит. Хвать меня за шею, свои уста к моим губищам потрескавшимся прижала и язычок мне прям до самого неба засунула. А я к такому обхождению непривычный, мы с бабкой завсегда со сжатыми губами целуемся. Чуть не задохнулся. Но приятно было, слов нет.

– Ну, отец, ты даешь, – вытирая выступившие на глазах слезы, выдавил из себя Павел. – Значит, понравилось с русалкой целоваться?

Иван Макарыч обвел мутным взглядом парней.

– Понравится-то оно, конечно, понравилось. Но вот рыбой от нее разило сильно. Она же чем питается? Рыбой сырой. Хорошо, у меня в тот день насморк приключился. Так что терпимо вышло. Нацеловались, значит, оторвался я от нее, чтобы дух перевести, и разглядываю. А у нее фигурка что надо. У моей бабки такой отродясь не было, даже до замужества. Талия узкая, пупок просто как пуговка. Я еще тогда удивился, откуда у русалок пупок берется. В общем, обхватил я ее за талию, прижал к себе и давай поцелуями осыпая. А кожа у нее чистый шелк, только мокрая. Она стонет, всем телом ко мне прижимается, шею покусывает. Кстати, и шея тогда у меня чистая была. Я в баню накануне ходил, как чувствовал. Прижалась она снова ко мне своими грудями арбузными, да давай тереться и стонать, а сосочки твердые стали, как камень, и горячие. Возбуждился я тогда окончательно. Есть, думаю, еще порох в пороховницах, не совсем

отсырел. Скидываю штаны, ну, думаю, натешусь сейчас вдоволь... — Иван Макарыч внезапно замолчал на полуслове. Насыпал в ладонь горсть маслин и начал методично их пережевывать.

— И что? Как она? Макарыч, не томи! — Хлыст тормошил деда за плечо.

— Не знаю, — вздохнул старик, — не вышло ничего.

— Как не вышло? — в один голос воскликнули Павел с Сергеем.

Иван Макарыч выпил и хитро прищурился.

— Хвост у нее там! Как я только ни искал. Даже фонариком светил. Все есть: глаза, губки, грудь, а ниже пупка хвост рыбий. Вот такая незадача вышла. А пока я к бабке бежал, чтобы долг супружеский отдать, желание все и кончилось...

Вдоволь посмеявшись, приятели вновь атаковали деда вопросами.

— Так зачем тогда ждешь ее? — спросил Хлыст.

— Дело у меня к ней важное, — Старик прищурился, — миллион хочу. Мы ведь когда прощались — разговорились. Она обещала три моих желания выполнить.

Павел ухмыльнулся и засунул в рот только что очищенную креветку.

— Дед, такого не бывает. Три желания в детских сказках обычно исполняют.

Иван Макарыч презрительно высморкался и снисходительно глянул на парня.

— Хочешь верь, хочешь нет, а две моих просьбы она уже выполнила. Правда, глупые вещи я пожелал,

но сейчас уже не исправишь. А теперь вот собираюсь денег много попросить. — Иван Макарыч неуверенно поднялся и, пошатываясь, поплелся к своему кусту. На полпути остановился, потоптался на месте.

— Сначала я попросил ящик водки. Второе желание говорить не буду, незачем вам его знать, а третье решил за ночь придумать. Пришел утром миллион требовать, глядь, а здесь браконьер залетный рыбу динамитом глушит.

Старик погрустнел и, громко засопев, полез за очередной папиросой.

— Контузило мою русалку. Ничего теперь не слышит. Выплывет из глубины, я ей талдычу про деньги, а она только руками разводит да в уши пальцами тычет. Теперь сию здесь целыми днями и жду, когда у нее слух восстановится.

Сергей понимающе похлопал деда по плечу и протянул ему стакан.

— Выпей, отец, не расстраивайся. И скажи нам все-таки, какое второе желание тебе русалка исполнила?

Дед помялся и, лукаво улыбнувшись, оглядел новых знакомых.

— Я ее попросил, — он перешел на шепот, — чтобы все, кто приезжает на это озеро, меня коньяком поили...

Стихи об Алене

В числе плененных к князю Юрию Долгорукову была приведена одна монахиня в мужском платье, надетом поверх ее монашеской одежды. Эта монахиня... начальствовала над семью тысячами мужчин – и храбро дралась до своего пленения.

Она осталась спокойной и не выказала ни малейшего страха смерти, когда ей объявили приговор о сожжении ее заживо... Готовясь теперь умереть, она, по русскому обычаю, осенила крестом себе лоб и грудь, спокойно легла на костер и была обращена в пепел.

**«Известие, касающееся бунта, недавно поднятого в Московии Стенькою Разиным».
Лондон, 1671 г.**

1

Долгорукий сутки ровно
допьяна поит гостей,
вволю будет псам дворовым
недоглоданных костей!

Одурев от пьяной хмари,
ноги с хмелем не в ладу,
вниз спускается боярин –
отдуваясь на ходу.

Пьян хозяин утомленный,
и, в душе его кляня,
впереди несет Алена
Долгорукому огня.

Косит глаз хмельной боярин
на Аленину на грудь,
и проснулась похоть в старом:
«Коли блуд – так труд не в труд».

Ухмыляется боярин
да во весь слюнявый рот
и трясется,
как опара,
у боярина живот;

он к Алене руки тянет, –
а глаза у ней... глаза!
«Ой, не тронь меня, боярин» –
потемнела бирюза...

Он ей в ухо дышит жарко,
он ей грудь тугую мнет,
он ей в руку все подарки,
ленты яркие сует...

Убежать куда Алене? –
Рабья воля коротка...
Утонуть тебе, Алена,
в духоте пуховика...

На крылечке на тесовом
языки чесать дворне
и носить тебе, Алена,
злую кличку на спине.

Прошипит гадюкой сплетня,
поползет вперед пути –
бабьей долей безответной
век за сплетню идти.

Ах вы, сени, мои сени...
Соскользнул платок с плеча...
< ... >
Оплывает на ступени
воску яркого свеча.

2. Гибель Алены

...Мужиков в ту пору не случилось...
Ты, князь, с бабами
биться востер!
На святой монастырь покрестилась
и спокойно взошла на костер.

«Ой, огонь,
ой, ты, бабий помощник,
варишь щи,
да печешь калачи...

Ювеналий Фролович Глушков родился в 1934 году в г. Екатеринбурге.
Издано более десяти авторских сборников стихов в серии «Поэзия Каменного
Пояса».
Член Союза писателей России с 1996 года.

А теперь при стеченье народа
раздувают тебя палачи!

У костра,
на лужайке зеленой,
в детстве
песенку пела Алена...

«Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!
Гори, гори ярко –
чтобы стало жарко...
Гори, гори...»

Песня замолчала на устах...
Все кричали,
все кричали
стаи галок на крестах.

На свободе огонь занялся,
выше крыши огонь завился.
Вкруг Алены гудит колесом,
осеняющим смертным венцом...

Опустили глаза мужики,
бабы с ревом
уткнулись в платки –
и под бабий
приглушенный плач
у костра
ходит пьяный палач.

...Вот и все.
И расходится площадь,
о костре толковать по углам,
Воевода садится на лошадь,
мимоходом
пройдя по углям.

3
Кучку серого пепла
два стрельца сторожили –
долго выла собака
на соседнем дворе...

Страховито служивым,
полуштоф раздавали
за погибель Алены
на горячем костре.

А пока распивали,
да занюхали хлебом,
ветер в теплых ладонях
прах Алены унес;

только редкие слезы
трудно падали с неба
сквозь корявые пальцы
монастырских берез.

Он разнес этот пепел
по Руси необъятной,
угли русского гнева
этим пеплом прикрыл,
чтобы вечно не гас он,
чтобы вспыхнул опять он,
чтоб боярскую сволочь
в том пожаре спалил!

А Россия молчала,
и в скиты уходила
пред Иисусом распятым
биться лбами об пол;
все считала обиды,
хлеб слезами солила
и, не вымолив воли,
подавалась в раскол.

4
А пока смерд понуро
привык на колени бросаться,
колымаге боярской
земные поклоны творя...

Но поднимется смерд!
Смерд не может
с земли не подняться,
коли слабые бабы
поднимают топор
на царя!

Яблоко

Этим яблоком сыт не будешь –
 пусть лежит оно под стеклом.
 И заходят спокойно люди
 в наш окраинный «Гастроном».

Помню, в детстве –
 не мог оторваться...
 Мне в глаза –
 из хрустальных ваз –
 это яблоко,
 будто счастье, выставляло себя напоказ.

Горделиво ловило взгляды
 (нет ноги – а качало б ногой!),
 и лежали другие рядом,
 так похожие на него...

В детстве много всяких открытий
 и не нужных, и нужных нам...
 но зачем же эти открытия
 вдруг с обидою пополам?

Жизнь и годы –
 всегда наука,
 зря я так ликовал в душе;
 положили мне яблоко в руку,
 а оно – из папье-маше...

Но зато я знаю поныне,
 что мечта –
 не всегда мечта,
 и порой не счастье в витрине,
 а раскрашенная пустота.

* * *

...И как же нам просто все это.
 Захочется выйти из битвы –
 включил тормозную ракету –
 и сдвинешься
 тихо с орбиты.

Как будто атаки отбиты,
 на отдых отправлены части...
 Все ниже,
 все ближе орбита
 к уюту домашнего счастья...

Но здесь не изведает рая,
 а тихо закроются двери:
 ведь сердце, снижаясь,
 сгорает,
 как спутник в земной атмосфере.

Воспоминание

Найдешь меж листьями тетрадки
 засохший пучок черемши –

нажмет незаметно Камчатка
 на тоненький клавиш души...

Ревниво поднимутся горы
 и встанут Уральской стеной,
 но грохот Охотского моря
 ворвется в мой город ночной.

И кажется,
 даже не странно –
 совсем не Исеть огранит –
 негромкая речка Палана
 всю ночь под обрывом шумит...

И вновь,
 как мучительный оклик,
 старинное слово – «пора» –
 взметнется под небом,
 над сопкой
 трепещущей точкой костра.

* * *

Я знаю –
 за морем не краше.
 И по весне,
 издалека,
 мне каждый раз
 призывно машет
 печальной родины рука.

Вот почему под солнцем здешним,
 дождю осеннему сродни,
 так надоедливо неспешно
 шагают медленные дни;

и это многим было странно,
 что я на все махнул сплеча
 и очутился утром ранним
 на тихой станции Свеча.

И вот иду я,
 как впервые,
 еще летит с востока день,
 пустынно улочки кривые
 старинных вятских деревень,

кругом в спокойствии нетленном
 льняные светятся поля...

в далеком детстве довоенном
 меня вскормившая земля.

* * *

Уж так назначено судьбой
 иль тем,
 кто нам неведом...
 Извечен враг,
 и вечен бой,
 и не всегда победа.

И если тот,
кто победит
придет мириться первый,
мирись – но знай,
что боль обид
прощают только жертвы.

Поглубже в сердце
горечь спрячь,
хоть тяжко это бремя...
Придет на помощь добрый врач –
и все излечит время.

Махни рукой...
Да ну их, пусть...
И Бог не сделал чуда.

Есть на Земле
и боль, и грусть,
и есть враги, куда.

Тебе, любимая...

«Нам недаром стальное сердце
от рожденья дает страна...»
Мне не больно, ведь я железный,
«вроде обуха у колуна».

И, уверовав в это свято, каждый день
кулачком своим.
ты стучишь по сердцу солдата,
восхищаясь поступком сим...

И гудит,
как гудит тревожно,
как плывет над землей мой гул...
Кто-то снова
к тебе восторженно
из веселой толпы шагнул;

он толкует тебе о счастье,
будто видит на год вперед,
он, целуя тебя в запястье,
в руки сердце мое берет!

Как мне больно, о как мне больно
быть в опрае чужой руки,
снова гнева глухие волны
так готовы сорвать курки!..

Но шатнется от гнева серость –
и опять спокойна волна...

Нам недаром стальное сердце
от рожденья дает страна.

ВЕРНАДСКАЯ Нина Владимировна (урожд. Ильинская; 1884 — 1971), писательница, рецензентка.

Жена историка-евразийца Г.В.Вернадского. Воспитывалась в атмосфере «дворянских гнезд» Тульской губ. Закончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве. Занималась музыкой, пением. 50 лет замужества прошли в эмиграции. Выступала в домашних концертах, в Праге пела в салонах Крамаржей и Масариков. Публиковала небольшие автобиографические рассказы и рецензии (см., напр.: В. (псевд.) В чужом пиру похмелье: впечатление русской о греческой революции \\ Возрождение. 1926. 24 сент.) Авт. воспоминаний «Записки обывательницы, опять (уж который же это раз?) попавшей под колесо истории» \\ Диаспора. 3. Париж-СПб., 2002. С. 629-637. Оставила также воспоминания о своем учителе камерной певичке А.М.Ян-Рубан \\ Возрождение. 1965. № 157. С. 98-112. В архиве В. остались неопубликованные рукописи – воспоминаний, новелл, миниатюр, свидетельствующих о даре слова.

Диаспора. 1, 3; РРЭВД. 3 (здесь отчество – Васильевна)

ВЕРНЕР Анна Дмитриевна

(См. Воронова, Августа)

ВЕРНЕР Варвара, переводчица.

Сотр. журн. «Звездочка», издававшегося в 40-х гг XIX в. А.О.Ишимовой.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕРОВА Р.

(См. Лемберг Р.Г.)

ВЕРОНИКА (Котляревская, урожд. Вросская Варвара Степановна; 1885 — 1950), авт. воспоминаний.

Монахиня, бывшая актриса Александринского театра в Петербурге. Оставила воспоминания «Алекса́ндро-Невская лавра перед разгромом» \\ Православная Русь. 1949. № 8-9. С. 13-15; «Воспоминания монахини Вероники (Котляревской)» – Сан-Франциско: Газ. «Русская жизнь», Б.г. РРЭВД. 2.

ВЕРСИЛОВА Юлия, беллетристка 1900-х гг.

Венгеров. Источ.

ВЕРТЕР Вера

(См. Арнольд-Жукова, В.А.)

ВЕРХОВА Н.

Сотр. «Дела» (1869).
Венгеров. Источ.

ВЕРХОВСКАЯ А.

Пер. с англ. для юнош. рассказ И.Ф.Ходженса «Эдрик-мореплаватель». Изд. А.Девриена, СПб., 1890.

ВЕРХОВСКАЯ Марианна Митрофановна, литературовед.

Шмаков.

ВЕРХОВСКАЯ Мария (1819 —?)

10-летняя поэтесса; в 1829 г. поместила стихотворение в «Дамском журнале». Ч. 25. № 3.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕРХОВСКАЯ О.

Сост. сб. русских пословиц (СПб., 1883).
Венгеров. Источ.

ВЕРХОВСКАЯ Ольга Петровна (псевд. Норман, М.; 1847 —?), писательница.

Член МОДП. «Картинки прошлого. Из воспоминаний детства». М., 1913.

Масанов; Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 73)

Евгений ТЮНИН,
фото Оксаны ЩЕРБАКОВОЙ

*Остверкал, отгрохотал Ильин день. Начали остывать утренние росы. Из-за вогульских гор потянулись тучи; они цеплялись утробами за каменные гребни, распарывались и роняли дожди. В березах вдруг солнечными зайцами начали вспыхивать желтые листья...
А. Иванов. «Сердце Пармы»*

Блюз над рекою, или Путешествие в «Сердце Пармы»

Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Идея сплава по реке Вишере возникла как альтернатива сплаву по реке Чусовой. Двое знакомых москвичей заинтересовались водным походом по этой наиболее известной в столице уральской реке. После нескольких «созвонов» мы убедили их заглянуть в Интернет на фото Вишеры. Фотографии их впечатлили, мы получили «добро» на подготовку сплава по реке Вишере. Наша команда познакомилась с этой замечательной рекой еще в 2004 году. Тогда это был небольшой ознакомительный сплав, начинавшийся от деревни Мутихи до города Красновишерска (около 60 километров). В этом году мы решили освоить уже спортивный маршрут, увеличив продолжительность пути в более чем в два раза, начав с подножия хребта Кваркуш по притоку Вишеры — Улсу.

Соединившись с москвичами в неприветливом древнем городе Соликамске (1430 год основания, как гласил транспорт!), мы добрались до Красновишерска, где нас ждал местный инструктор Дима и его команда подростков-проводников, прозванных позднее «бандерлогами» за их неугомонный и непримиримый нрав. От Красновишерска нас забросили на мощном вахтовом Урале за 140 километров от города строго на восток. В пути недалеко от поселка Волынка нам встретилась «алмазная» драга, добывающая алмазы со дна одного из притоков Вишеры, похожая на 9-этажный «пузатый» домик, который полз по середине реки, оставляя за собой мутный глинистый след. Часть пути мы ехали по ухабистой «алмазной дороге». Дима рассказал, что до-

рогу засыпали гравием из карьера, породу которого позднее признали «алмазосодержащей»...

Машину изрядно потряхивало, за окнами моросило... Перспектива ночевки в мокром лесу несколько тревожила группу неопытных «отпускников», тем более, что разбивать палатки и разводить костер пришлось бы уже в сумерках. Но мудрый инструктор Дима успокоил, сказав, что возможна ночевка в домике. И вот мы добрались до места «выброски»: деревня Золотанка, река Улс...

Нас приютил домик дяди Васи. Уральское гостеприимство! Горячий ужин, русская печь, хозяйский кот Бегемот рядом в ногах и умная сторожевая псина во дворе. Грех не запеть! Начинаем первую спевку под губную гармошку, две гитары и

маракас на три голоса. Рок-н-ролл жив! Есть начало похода!

На следующее утро мы, бодрые и «выспатые», быстро собираем каты и отчаливаем, нас провожает знакомая «сладкая парочка» — кот с белой манишкой и пес Пират. Итак, мы отплываем на двух четырехместных катах с деревянной рамой, рулем и флагом, похожим на серые семейные трусы... Флагманом нашей флотилии единогласно была признана желтая шестиместная субмарина, экипаж которой, «подчеркивая» свою принадлежность к речной элите, лихо обгонял нас на всех на поворотах, растягивая «We all live in the yellow submarine!!!».

В верхнем течении Вишера — это действительно «Быстрая река», как она и переводится с вогульского. Мы двигаемся вдоль берега со скоростью 10—12 км/час. Дима рассказывает об истории освоения реки: о вогулах (народности манси),

о новгородцах, об Иване III; о Строгановых... На одной из коротких «зеленых стоянок» находим несколько крепких красноголовиков для грибницы. В поселке Вая мы затариваемся свежим хлебом ручной выпечки. Первая ночевка под дождем, не до песен, все скрылись в палатках. Отбой!

Утром «бандерлоги» раздобыли где-то рябчика. Буржуйский завтрак — рябчик с грибами! Дождь стихает... Московские гости повеселели. По пути попадаются 30—40-метровые скалы вдоль берега. Фотосессия началась! В этот же день мы доходим до 60-метрового камня Писаного. Крутой подъем на камень, и замечательный вид с вершины. Двухкилометровая стена Писаного камня с одной стороны по течению реки, острова хвойного леса с другой. Прямо под нами у самой воды целая стена наскальных рисунков древних людей (XII в. до н.э.) с изображением оленя, лося,

соболя и птиц. Рисунки отлично видно прямо с катамарана. Пройдя несколько сотен метров вдоль гряды Писаного камня, мы останавливаемся на обед...

Мы облюбовали для стоянки площадку под навесом высокого грота у самой воды. Дежурные готовят чай с бутербродами, основная группа исследует двухъярусную пещеру, где в древности происходил обряд жертвоприношения у древних вогулов. После пещеры я решил пройтись по вогульской тропинке вдоль камня, но, не пройдя и 500 метров, был остановлен очередным падением двух булыжников в воду буквально в 10 метрах от меня. Идти дальше расхотелось. Дима объяснил, что это мог быть своеобразный «привет» от медведя, который сигнализировал таким образом, что здесь его территория. Если бы я продолжил движение по тропинке, он бы зарычал... Бывалый турист Олег тут же рассказал,

что местные охотятся на медведя, как правило, вдвоем, один несет большой лист фанеры на 10 мм, а второй идет с молотком рядом. При встрече с медведем первый охотник с фанерой выдвигается вперед, медведь наваливается на

него, пробивая фанеру длинными когтями, а в это время второй охотник быстро загибает их молотком с другой стороны фанерного листа!

Пьем чай под скальным навесом, внизу река... Приходит мысль, что, возможно, именно отсутствие этого места вызывало беспокойс-

тво и тревогу в городе, иначе как объяснить состояние полного умиротворения сейчас?! Появляется солнышко! Лепота... Еще вчера в Ильин день озвучивалась идея, что надо кому-то искупаться в ледяной воде и погода наладится. Только отплыли от берега, и с серого катамарана неловко бултыхается в воду задним сальто Анька из команды «бандерлогов». Остановились, растерли ее спиртом на берегу. Погода налаживается!..

Следующая стоянка после Писаного камня около заброшенной деревни Орефа. Холмистый берег, покосы, дикая малина... «Бандерлоги» к ужину выудили настоящего хариуса с помощью «спиннига-кораблика». Олег его быстро чистит, нарезает, солит, и все мы едим сырого хариуса... Вкуснотище!

Туман над рекою! В небе луна... Замечательно поются песни у костра. «Где леса мои, леса...» Не ложился бы спать! Утром я встаю пораньше, подпитываю костер, подогреваю чай... Птицы носятся над рекой. Рука сама тянется к гитаре, и

рождается новая песня! Дима предлагает назвать ее «Орефа-блюз» в честь этого места. Исполняем ее в Чайфовском стиле на два голоса...

*С Ат
Дым над рекою,
FG
В печке дрова...
Мне бы с тобою,
Но ты не одна...
F-G-F-G-Ст*

*В поле дорога,
В небе луна...
Дверь не закрой,
Коль будешь одна...*

*Вместе с тобою
Мне хорошо..
Дверь не закрою,
Приди еще...*

*Дым над рекою,
В небе луна...
Вместе с тобою
Ой, лепота!*

После завтрака прогоняем песню еще раз уже с гармошкой (Ан-

дрюха) и бас-сопровождением (Дима). Похоже, что получился настоящий блюз! Завтракаем, отчаливаем, настроение боевое!

Из ярких впечатлений нового дня — скала «Каменная баба» (крепкая такая «каменная женщина» словно прислонилась к скале); «Каменные столбы», как древние башни-останцы, и Камень Сыпучий с разводами осадочных пород на 200–300 метров в ширину вдоль реки. Красиво! Но самое мощное впечатление этого дня нас еще ждало впереди: Камень Говорливый! Мы подплываем к его громаде и становимся на зеленую стоянку. Солнце!!! Оно просто бесчинствует, по северным меркам! Эх, не зря Анька купалась, не зря...

Перекусываем и выдвигаемся по тропинке за Говорливый. Где-то там, в гуще леса, в 1,5–2 километрах нас ждет встреча с ледяной (!) многоярусной пещерой! Дима поведал, что о существовании «Ледяной» говорилось во многих путеводителях, но нигде не объяснялось, как же ее найти. В прошлом году он

самостоятельно нашел и разведal ее всю.

...Сворачиваем с тропинки в лес, идем напрямик по азимуту, все в гору. Настоящая глушь... Вот появляются скалки, заросшие мхом. Выходим на второй уровень леса над скалками, видим еще гряды скал и между ними лесной домик. Вид как в сказке! Недалеко от дома обнаруживаем вход в пещеру, вернее, видим дырку в скале...

Надо спускаться метров 8—9 по веревке. Это первый уровень! Затем лезем в расщелину по ледяной горке во второй грот, оттуда вползаем в третий и наконец достигаем четвертого уровня — красивейшего грота в виде дворцового зала, словно облицованного бело-желтыми фресками по арочному потолку. В углублении грота — ниша, где мы обнаруживаем 4 окаменелых головы... из глины. Все в восторге! Таким же веревочным порядком нас выдергивают на поверхность. Ух! Вот это уже настоящий экстрим, что ни говори, особенно для новичков! Москвичи явно не пожалели, что решились спуститься в пещеру.

Возвращаемся от пещеры на стоянку мимо «Скалы любви». Две парочки «бандерлогов» убегают на самый верх 40-метрового камня. Мы кричим им всед: «All you Need is Love!!!», они нам отвечают с вершины многогласным: «Love is life!!!». Кто-то из «местных» выдает вольный перевод с английского: «Это яркие звезды на небе зажглись, время нашей любви — называется жизнь!»

...Первые звездочки уже действительно показались из-за Говорливого, мы перебираемся на другой берег, чтобы встать на ночь напротив громады Камня. Говорливый — значит говорящий. Легенда гласит, что если ночью встать молча под его расщелиной, то можно услышать обо всем, что видел Камень на своем долгом веку (о войнах-вогулах, проезжавших на боевых лосях (?!); о флотилии русского царя Ивана III, идущей по Вишере с походом на Обь (?!)). Однако если крикнуть что-нибудь веселое, типа «Кто украл хомуты?!», находясь под

камнем, то эхо несколько раз может ответить звонким «Ты! Ты! Ты!...»

Мы разбиваем лагерь под «видящим оком» Камня и полночи надрываем глотки, заставляя окрестные горки повторять наши завывания. Настоящий «рок-фестиваль» с исполнением лучших дворовых хитов, а также песен Шахрина, Цоя и других! Камень наш репертуар стерпел (записал?!). На следующий день Вишера подарила нам просто отличную погоду!

Утро на славу! Дождя как не бывало. Солнце выглядывает из-за громады Говорливого, пробираясь сквозь «околокаменный» туман, оставляя глянцевый след по течению. Лето! Ура! Наконец-то! Быстро сворачиваемся, двигаемся вдоль Говорливого. Уровень высоты Камня снижается. Совершенно неожиданно взору открывается однокупольная церковь. Она словно парит в воздухе там, высоко на берегу. Мы причаливаем и поднимаемся наверх. Это старая, полуразрушенная Свято-Троицкая церковь (1832 г.), рядом с ней огромный развесистый кедр над самым обрывом берега. Фотографируемся! Синее небо, длинный плес внизу...

Плывем дальше. Загораем! Матрасничаем (т.е. не гребем), кто-то уже не прочь искупаться добровольно. К обеду встаем на стоянку под Малым Ветланом. Здесь нас ждет экскурсия в пещеру и испытание на Карнизе.

Вход в пещеру на Малом Ветлане виден сразу — это 10-метровая арка, вдоль которой любят спускаться скалолазы. Мы заглянули в пещеру и двинулись дальше мимо курумника (каменной осыпи) на Карстов мост. Здесь на пути нас поджидал Карниз — узкая тропинка над пропастью (метров 10—15) вдоль скалы. Некоторые камни под рукой шевелятся. Один из них выдергивается из скального массива у меня под рукой, а из образовавшегося отверстия вылетает шустрый черный комочек... Чур, меня! Ух, летучая мышь! Адреналинит, однако!

Кто-то из слабого пола чуть не расплакался... Карниз, слава Богу,

не бесконечный. Вот он уже — Карстов мост! Обратно идем по верушке камня, уже не так страшно. Совсем рядом, за поворотом реки вырисовывается контур Большого Ветлана. После чаепития на берегу мы отчаливаем в его сторону.

Большой Ветлан — это отвесная мощная стометровая скала, нависающая над самой поверхностью широкой Вишеры, разделенной деревянными останцами на судоходную и лесосплавную части. На гору ведет оборудованный подъем в виде 703 (!) ступенек деревянной лестницы. Здесь открывается прекрасная панорама с высоты птичьего полета! Изгиб реки, маленькие домики заброшенной поселка на другом берегу, где на горизонте возвышается громада Полюда — еще одного Камня-красавца. Согласно легенде, Полюд и Ветлан — это два окаменелых великана, погубивших друг друга из-за любви к прекрасной девушке — Вишере...

Взобраться на Камень Полюд мы уже не успеваем, где-то впереди под Красновишерском, конечном пункте нашего путешествия, нас ждет машина.. Мы сцепляемся двумя катами и, достав гитары, поем хором, наслаждаясь последними часами сплава. Мы одна команда!!! Спасибо тебе, Вишера — ты действительно прекрасная река! «...Вместе с тобою мне хорошо! о! о! о!...»

P.S. Как приложение к активной части маршрута вечером нас ожидала настоящая русская баня на уютной турбазе с живописным названием «Сурдьа». На следующий день, позавтракав форелью, выловленной специально для нас, мы загрузились в комфортабельный автобус...

Замечательный тур! Не зря Олеся и Иван «пилили» сюда почти двое суток? Нет, не зря! Вишера дает замечательный заряд бодрости для тела и души. Прощай, Вишера, не знаю, увидимся ли вновь?! Но еще несколько ночей, уже дома, мне будет сниться эта быстрая река, с ее таинственными берегами, живописными островами, перекатами и теснинами...

МЕШАВКИН

Станислав Федорович

6 сентября на 77 году жизни скончался Станислав Мешавкин, талантливый организатор печати и журналист.

Около тридцати лет его жизнь была тесно связана с журналом «Уральский следопыт». Но сказать так — это еще не сказать ничего. Станислав Федорович был вдохновителем и создателем того уникального «Следопыта», который, можно сказать без преувеличения, знала вся страна.

А начинал он свою трудовую жизнь в военные и послевоенные годы «избачом» и библиотекарем. Писал заметки в областные газеты. После окончания факультета журналистики УрГУ стал штатным сотрудником редакции «Уральского рабочего» — заведовал отделом, потом стал заместителем главного редактора, а в 1964-м возглавил газету «Вечерний Свердловск» и пребывал на посту главного редактора до 1971 года.

В редакцию журнала «Уральский следопыт», как видим, пришел опытный журналист и руководитель. Здесь нашли применение все лучшие качества его незаурядной личности. Есть все основания говорить о журнальной школе Мешавкина, школе «Следопыта». И главным уроком этой школы надо назвать доверие.

Старшее поколение помнит, какими были журналы 70–80-х годов прошлого века. Лучшие из них были «похожи» на своих главных редакторов. Например, «Новый мир» был журналом А. Твардовского, а, скажем, «Октябрь» — Ф. Панферова. Были, конечно, в редакциях талантливые руководители отделов, авторы, но они писали и вели отделы в русле «главного». Только сугубые литературоведы вспомнят сегодня пару-тройку лиц из журнального окружения Твардовского или Панферова.

Принципиально иная манера ведения журнала был в «Следопыте». «Главный» умел доверять каждому, кто работал или активно писал в журнале. Это были начатки подлинной свободы слова, истинной самостоятельности, которая в нашей стране только-только пробивала себе дорогу. Свободы в рамках той неизбежной общественной и культурной атмосферы, которая существовала в стране и, благодаря богато одаренной личности Мешавкина, трансформировалась в особую неповторимую ауру «Следопыта». Вот в этой атмосфере журнала каждый был свободен и самостоятелен. В пору, когда печать была подвержена жестокому идеологическому давлению, «Следопыт» умудрялся быть таким островком свободы мысли, инициативы, смелых начинаний. (Вспомним праздники научной фантастики «Аэлита», уникальную

операцию «Ч» по очистке реки Чусовой, многолетнее шефство журнала над колонией несовершеннолетних правонарушителей в Верхотурье...) Журнал «походил» на каждого, кто был к нему творчески причастен, но прежде всего он походил на самого себя — на «Уральский следопыт».

Трудно сказать, как сложилась бы творческая судьба и биография целой плеяды литераторов, не окажись они в ту пору под крылом «Следопыта»: писателя Владислава Крапивина — «Уральский следопыт» был «испытательным полигоном» всех его повестей и романов; Юрия Курочкина, автора увлекательных исторических повестей и создателя у нас на Урале школы литературного краеведения; Виталия Бугрова, чей талант критика, непревзойденного знатока и пропагандиста отечественной фантастики расцвел в «Следопыте»; Игоря Тарабукина, талантливого сатирика и мудрого редактора; Бориса Путилова, популярнейшего в те годы прозаика и публициста; Юрия Липатникова, историка, краеведа, общественного деятеля — он здесь, в «Следопыте», оттачивал свои полемические стрелы, Юрия Борисихина — на свой ЮНЕСКОвский Олимп он стартовал с журнальных страниц... Этот ряд птенцов гнезда мешавкинского «Следопыта» можно длить и длить. Какой, скажите, журнал того времени мог выставить на литературное ристалище такую команду самодостаточных и творчески самостоятельных личностей?

И еще один урок Станислава Мешавкина нельзя не вспомнить — его талант общения. Станислава Федоровича нельзя было назвать записным оратором и, наверно, именно потому, что каждое его слово, сказанное с трибуны ли, за дружеским ли столом, в личной ли беседе, дышало таким убеждением и было столь эмоционально, что его нельзя было не услышать или замолчать. Таких слов много не бывает. Можно по-разному относиться к знаменитым журфиксам «Уральского следопыта», когда за одним столом в обстановке свободного общения собирались авторы и друзья журнала, но нельзя не согласиться, что и они работали на «Следопыт», создавали его неповторимую ауру.

«Уральский следопыт» 70–80-х годов был уникальным российским явлением. И не случайно его тираж достигал полумиллиона экземпляров, а подписка на него служила своего рода наградой. Мальчика с ледорубом знали и любили во всех уголках необъятного СССР. Во многом на той, мешавкинской, закваске живет он и по сей день.

Память о талантливом публицисте и организаторе журнального дела будет жить, пока жив его «Следопыт», пока держат перо руки тех, кто помнит его уроки.

Коллектив редакции

Осознание Ада

Ева танцевала среди облаков — радужной птицей, невесомой бабочкой. Лепестки юбки металась огненными крыльями; блестящие башмачки и узкие ладони попеременно касались золотого луча проволоки — не опираясь, а отталкиваясь. Как будто каждый шаг был началом полета.

Когда первая тварь, скалясь и визжа, сорвалась с башни, зал ахнул. Ева замерла, будто парализованная страхом — зал затаил дыхание. Ева покачнулась, выгнулась, распласталась в шпагате, успевая отклониться от оскаленной пасти в самый последний момент — зал выдохнул протяжно и восхищенно и через минуту ошеломленного молчания взорвался аплодисментами. Ева улыбнулась; капелька пота скользнула по виску.

Аду не нужно было поворачиваться, чтобы видеть лицо Евы. Он помнил — каждое ее движение, вздох, всплеск огненной юбки. Он чуял — ее дыхание, напряжение пальцев, обнимающих лезвие проволоки, дрожь улыбки на губах. Так, будто это были его собственное дыхание, пальцы и улыбка.

Аду нельзя было поворачиваться. Его дело было следить за тварями. Успокоить; раздражить; сдерживать; заставить прыгнуть вовремя.

Старая серая самка никогда не прыгала. Ревела, мотая огромной головой на длинной шее, тянулась когтистыми лапами — пыталась достать вертлявую яркую добычу. Щурила злые умные глаза. Но не прыгала — в отличие от своих молодых собратьев. Наверное, потому, что поняла уже давно — на обрезках, оставшихся от крыльев, не взлетишь. Будешь только бестолково кувыряться до тех пор, пока не шлепнешься на вонючий песок арены. Другие, когда хлыст Ада подгонял их к краю площадки, срывались вниз так, будто все еще помнили свои настоящие крылья.

Ева взлетела — в ладони от бугристой морды серой старухи — раскинула руки и несколько долгих секунд

плыла среди голографических облаков. Потом нырнула вниз, поймала струну проволоки, в несколько ловких движений добралась до последней башни и, под неистовый восторженный грохот зала, смеясь, упала в руки Ада.

— Здравствуй, — прошептал Ад, трогая губами горячий висок и чувствуя, как колотится сердце под невесомой тканью Евиного платья. И задыхаясь от бешеного бега собственного сердца — бега из ниоткуда в никуда, следом за огненным танцем Евы.

— Гнилое место этот Парадиз, — Бим-Бом взглянул на Ада и отхлебнул из фляжки. Несколько капель скатилось от угла ярко накрашенного синего рта к подбородку, пятная золотую маску грима. — Дрянь место...

Зеленый самец кинулся на решетку, когда Ад проталкивал в клетку поднос с едой. Хлыст ожег морду; запахло паленым мясом. Остальные твари угрожающе заворчали и попятнулись, сверкая глазами. Серая старуха следила за человеком молча и спокойно, выжидая, не представится ли случай ударить наверняка.

— Тварь, — усмехнулся Ад. — Ничего у тебя не выйдет, поняла?

Он выключил хлыст и присел рядом с Бим-Бомом на кучу старого реквизита, глядя, как твари жадно хватают с подносов дымящиеся куски. Пожал плечами:

— Мне здесь нравится, Бим-Бом.

— А Еве?

— Не начинай опять, — поморщился Ад. — Это она тебя подговорила? Мы с Евой решили — еще один сезон. Заработаем на квартиру. А потом поженимся, и она уйдет из цирка.

— Ты уже говорил это в прошлом году, мальчик. И, возможно, скажешь в следующем. — Красная загогулина брови дрогнула, лицо старого клоуна, жалкое и будто голое без огненно-рыжего парика, стало совсем печальным.

— Бим-Бом... Да не смотри ты на меня так! Будто я дрессировщик с хлыстом и заставляю Еву...

Татьяна Владимировна Томах родилась и живет в С.-Петербурге. Образование — высшее техническое (С.-Петербургский государственный технический университет, факультет технической кибернетики). Работает в компании «ТРАНЗАС», принимает участие в разработке программного обеспечения для навигации. Пишет стихи и прозу. Занимается в литературных студиях — поэзии при СПбГУ; прозы при ЦСЛИК (Центр современной литературы и книги). Участник, финалист, победитель некоторых сетевых литературных конкурсов. Есть публикации в сборниках и журналах («Порог», «Реальность фантастики», «Знание — сила», «Техника — молодежи»).

– А ты и есть дрессировщик с хлыстом, – перебил его Бим-Бом. – Знаешь, после представления иногда так трудно отмыть маску с лица. А иногда – неохота. Зачем – если завтра опять ее рисовать. А иногда – просто забываешь. И со временем она въедается в кожу...

– Не понимаю, при чем тут... – разозлился Ад. – У меня нет маски. И у Евы. Думаешь, она не ушла бы отсюда, если бы ей самой не нравилось...

– Что? – перебил Бим-Бом. – Аплодисменты? Крики? Взгляды? Поклонники с охапками цветов? Танец на проволоке? То, как ты смотришь на нее, когда она возвращается – с неба, к тебе?

– Ты говоришь так, будто Ева притворяется, а я – заставляю ее делать это.

– Гнилое место, – Бим-Бом вздохнул и шумно глотнул из фляжки, – дрянь... Знаешь, что самая дрянь, мальчик? Любой Парадиз рано или поздно... Если человека вовремя не выгнать из рая, он рано или поздно превратит этот рай в ад...

Острова далеко внизу казались горстью радужных бусин, рассыпанных на мятом бирюзовом платке моря. Ева восхищенно ахала, глядя сквозь прозрачный пол кабины. Ада мутило от созерцания своих ног, висящих над бездной – он несколько раз пытался проверить страховку на своей талии, не находил, морщился и беспомощно опускал руку.

– Я обещал показать вам рай, дети, – Бим-Бом, непривычно оживленный и веселый, восторженно улыбался, будто вся красота внизу принадлежала исключительно ему. – Вот так увидели эту планету первооткрыватели. Понимаете, почему они назвали этот мир Парадизом?

Теплый песок нежным шелком ласкал ступни; стайки огромных разноцветных бабочек грелись на дорожках между бунгало.

– Целая неделя?! Сколько это стоит? – еле дыша, спросила Ева. Ее тонкие пальцы дрожали в руке Ада.

– Свадебный подарок. Я хочу, чтобы вы знали, каким мог бы быть рай, если... Смотрите! – узловатый палец Бим-Боба указал в небо. Высоко в безоблачной сини, сверкая на солнце радужной чешуей, безмолвно плыли огромные крылатые существа. – Они не трогают людей, хотя могли бы... Знаете, дети, сначала это показалось всем сказкой. Планета драконов и сокровищ. Золото, алмазы, рубины. Потом... Потом появились шахты, города, казино, цирки... Спихватились, когда от рая остался жалкий кусочек – впрочем, вполне достаточный, чтобы устроить курорт для миллионеров...

– А теперь ты подарил нам целую неделю рая, – запрокинув голову к небу, Ева улыбалась. Мягко и немного печально – совершенно не так, как улыбалась залу, балансируя на лезвии проволоки среди голографических облаков.

Ад стоял на границе воды и суши. Иногда до него дотягивалась сильная волна, обнимала лодыжки, тянула за собой – в море, вымывала из-под ног песок. Ад терял равновесие, с усмешкой вспоминая зыбкую опору проволоки – и не отступал ни на шаг. Море серdito шипело.

– Ты точно решил остаться, Бим-Бом?

– Вы с Евой тоже могли бы...

– Что? – Ад покачнулся, увяз пяткой в мокром песке; рассердился и уселся рядом с Бим-Бобом. – Что – могли бы? – переспросил он. – Наняться здесь прислужой?

Он поморщился, пытаясь представить легконогую Еву, каждый шаг которой казался началом танца, – горничной, застилающей постели в бунгало.

– Необязательно. Здесь недалеко колония, вроде как энтузиасты. Изучают драконов, охраняют от браконьеров, восстанавливают растения на месте заброшенных шахт. Если они согласились принять меня, то молодые и сильные...

– Мы уже подписали контракт на этот сезон. Я ведь говорил.

– Так глупо, мальчик... – Бим-Бом зачерпнул песка; посмотрел, как между пальцами выскальзывают песчинки. – Так...

– Что глупо? – разозлился Ад.

– Знаешь, только человек умеет строить клетки. Так глупо, что в первую очередь он запирает в эти клетки себя самого...

– Ты предлагаешь вот так, ни с того, ни с сего, разорвать контракт, заплатить неустойку, уйти из цирка – в никуда?! Это Ева с тобой говорила, да?

– ...И самое скверное даже не то, что постепенно к клеткам привыкают... а то, что начинают считать их своим домом... – Злость Ада неожиданно утихла под грустным взглядом Бим-Боба. – Раньше ты был совсем другим, мальчик... Знаешь, ты заплакал, когда впервые увидел, как бьют хлыстом новичка-дракона. Не потому, что испугался, а потому, что пожалел зверя. Я виноват, что позволил отдать тебя в этот номер... И Еву... Тогда мне казалось, что я ничего не могу сделать... И теперь, видно, тоже – ничего не могу...

– Думаешь, Ева несчастлива со мной? – помолчав, хрипло спросил Ад.

Бим-Бом вздохнул и отвел глаза.

Когда Ад поднялся, Бим-Бом ухватил его за руку.

– Пожалуйста, – попросил он непривычным умоляющим голосом, – пожалуйста, мальчик... если ты сам не хочешь или не можешь уйти... выпусти ее...

Ночь пахла волосами Евы, ее дыханием и кожей. Горечь и сладость; миндаль, гвоздика и душистый перец – драгоценные ароматы, которые теперь удастся вдохнуть немногим счастливицам. Когда старая Земля, многие тысячелетия старательно превращаемая в ад, умерла – вместе с ней умерли и многие земные растения, казалось, уже прижившиеся на других пла-

нетях. Оставшиеся экземпляры стали диковинкой; а многие цветы и плоды — роскошью, доступной только богачам.

— Ты хотела бы остаться? Здесь, вместе с Бим-Бомом? — спросил Ад.

— Без тебя?

Ева отстранилась, уперлась локтями в его грудь — будто хотела разглядеть глаза Ада в кромешной темноте. Он ждал, стараясь дышать спокойно.

— Без тебя — нет. Нигде. Даже в раю. Тем более — в раю. Как ты мог подумать...

— Я тоже люблю тебя, — хрипло сказал он, обнимая строптиво напрягшиеся Евины плечи; прижимая ее к себе.

— Больше, — Евин шепот обжег дыханием шею. — Ты сам знаешь, это больше, чем любовь.

Ад слушал, как рядом с его сердцем торопливо колотится Евино, и думал, что только так — рядом с Евой, чувствует себя цельным. Живым, настоящим. И, наверное, поэтому он, не оборачиваясь, чувствует каждое движение и вздох танцующей на проволоке Евы.

— Да, — отозвался он.

— А ты... ты думаешь, что нам нужно возвращаться?

— Мы ведь подписали контракт на этот сезон, верно?

— Конечно, — помолчав, тихо согласилась Ева. Высвободилась из его рук, соскользнула с кровати — и сейчас же растаяла в темноте. Ад потянулся за ней и замер. На минуту, ужалившую висок торопливым биением пульса, этот разделивший их шаг показался опасным и почти невозможным. Будто в босые ступни врезалась невидимая проволока, а в лицо дохнула пропасть с вонючим песком арены на дне...

После возвращения цирк показался другим — будто вылинял, потускнел и уменьшился. Огромные буквы названия «Парадиз», переливающиеся разными цветами, выглядели аляповато и пошло. От резких запахов города щипало в носу и в горле. Зрительный зал пах еще хуже — потом, духами, страхом, жадным любопытством.

Ад постоял возле клеток, разглядывая тварей — и вспоминая прекрасных крылатых существ, паривших в синеве неба. Один из драконов умер — в неволе обычно звери жили недолго. Только серая старуха держалась уже много лет — будто ненависть, тлеющая в прищуренных глазах, давала ей силы жить.

На замену умершему директор добыл у браконьеров дикаря. Новичок шумно ворочался в тесной затененной клетке, шелестел необрезанными крыльями. Иногда Аду удавалось разглядеть в полумраке блестящий испуганный глаз.

Когда он узнал о сумасшедшее затее Евы, было поздно. Директор загорелся новой идеей — Ева умела убеждать — и не стал слушать никаких возражений.

— Представляешь, как это будет красиво, — мечтательно говорила Ева, и в ее глазах Ад видел отражение радужных крылатых красавцев, плавающих в синеве неба.

Ад уговаривал, умолял. Объяснял, что не зря драконам обрезают крылья перед дрессировкой и что Евина задумка — дурость и самоубийство. Выдохшись, разозлившись и отчаявшись, он попробовал предсказать, что сказал бы сейчас Бим-Бом.

— Ты забыла, что здесь не настоящее небо, а крашенные тряпки и голография.

Но этого Ева тоже не услышала.

Репетиции проходили на диво хорошо. Новенький послушно взлетал, не делая попыток напасть на Еву, и кружил под куполом цирка. Помощники, назначенные Аду, скучали. Старые звери, сдержанные световыми клетками, волновались, задирали головы и следили за полетом. Директор восхищенно цокал языком и мучил осветителей, не умевших как следует показать сияние радужной чешуи дикаря.

Наверное, новенького испугал грохот зрительного зала. Зверь отпрянул назад, сорвался с башни раньше времени; забился, запутавшись в привязи. Чего-то подобного следовало ожидать — Ева успела уклониться, удержаться на проволоке, не забывая осыпать зрителей сияющими улыбками; Ад быстро распутал привязь — выпустил новенького лететь вверх, подальше от криков и аплодисментов. Всего несколько секунд задержки были теми самыми секундами, которых уже много лет ждала серая старуха. Она прыгнула со своей башни, целясь в Еву раскоряченными когтистыми лапами. И не промахнулась.

На рассвете, перед тем как уйти из цирка, Ад прокрался в зверинец. Два хлыста, взведенных на максимум, потрескивали и дрожали в его руках. Серая старуха с усилием подняла морду, исполосованную шрамами и свежими рубцами. В ее взгляде Аду почему-то почудилось облегчение.

Ад, кусая губы, постоял напротив клетки. Потом отшвырнул хлысты и распахнул дверь.

— Ну! — сказал он старухе. — Мы превратили ваш рай в ад. Теперь можешь убить меня за это. Ты всегда хотела так сделать, да?

Они так и не стали выходить из открытых клеток. Взволнованно потоптались у выхода — будто там была невидимая граница, которую они не могли или не хотели переступить — и вернулись на привычные места. Калеки, осознающие свое уродство и невозможность вернуться в потерянный рай.

Новенький вывалился из клетки торопливо и неуклюже, споткнулся о порог и зашипел на Ада. Легонько подталкивая зверя хлыстом, Ад направил его к выходу.

Дракон поднимался в воздух тяжело, с усилием двигая крыльями, заваливаясь набок, как подбитая птица. Но над крышей цирка выправился, царапнул

когтями вывеску и выше полетел уже легко и быстро; будто вспомнил, как это — летать.

Перед тем, как свернуть за угол, Ад обернулся в последний раз взглянуть на цирк.

Ему не хотелось вспоминать Еву, неподвижно лежавшую на сером песке арены — как мертвая бабочка с измятыми крыльями.

«Выпусти ее», — попросил Бим-Бом.

Она улетела сама.

Попыталась улететь.

Слепо и бездумно бросилась в пропасть, в которой почудилось небо. Совсем как те, юные драконы, забывающие о том, что у них уже больше нет крыльев.

Ад запрокинул голову к небу, стараясь не думать о Еве. Уже очень высоко, среди белых перьев облаков, постепенно растворялся силуэт крылатого зверя. Интересно, сумеет ли он найти дорогу в свой потерянный рай? Интересно, почему серая старуха так и не убила человека, стоявшего перед ней безоружным? Интересно, почему у этого человека такое дурацкое, такое невозможное в счастливом городе-рае имя?..

— Почему ты дал мне такое имя, Бим-Бом? — как-то спросил он у своего приемного отца.

— Видишь ли, мальчик, когда от рая остается одно название, на обломках можно найти много брошенных детей... Когда я успел вытащить тебя из коробки автоуборщика — за минуту до запуска программы уничтожения мусора — я почувствовал себя... ну, нет, конечно, не так, как Он... Но я подумал, если у меня уже есть Ева — почему бы не появиться Адаму? Это потом твое имя как-то так сократилось... незаметно...

— И что мне теперь делать — без нее?! — спросил Адам. У своего приемного отца? У неба? У зверя, выпущенного из клетки?

Он почувствовал себя драконом, у которого в один миг отрезали радужные крылья, превратив из живого летучего существа в уродливую беспомощную тварь. Тварь, которой одинаково невыносимо воспоминание о потерянном рае и осознание обретенного ада.

Адам смотрел в небо, постепенно понимая, что отныне всегда и везде будет видеть его только таким — крашеными тряпками, голографическим мороком. Потолком своей клетки, из которой теперь ему нет выхода.

Он смотрел в небо до тех пор, пока не слезились глаза. До тех пор, пока не разглядел Еву, танцующую среди облаков на золотой проволоке солнечного луча...

ВЕРХОВЦО(Е)ВА Вера Т., авт. воспоминаний.

Сотр. «Тульск. Епарх. Вед.» (1902). «Открытое письмо гр. Л.Н.Толстому». — «Тульск. Епарх. Вед.» 1902, № 9-10 — В-ва, Вера; «Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском его духовной дочери». Сергиев Посад, 1916. А м.б. авторы того и другого произв. — разные люди?

Масанов; ИДРДВ, Т.4, Ч.1, № 745.

ВЕРЦЕЛЛИУС Анна

«Колумб», пер. из Робертсона в «Сыне отечества». 1835. Т. 169, 170.

Слов. рус. писательниц.

ВЕРШИННИНА З., поэтесса.

Ее стихи — «Вестн. Евр.», 1913, № 11.

ВЕРШИННИНА Людмила Андреевна

Жила в Кушве. С 1900 г. была действительным членом УОЛЕ.

ВЕСЕЛИТСКАЯ Лидия Ивановна

(См. Микулич, В.)

ВЕСЕЛКИНА З.С.

Сотр. журн. «Дошкольн. воспит.» (1916) — З.В. Масанов.

ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТ Мария Григорьевна (1861 — 1931), поэтесса, прозаик.

В 1904 г. написала драму «Ундина» (по пов. Ф. де ла Мотт-Фуке) — либретто для оперы юного С.С.Прокофьева, который «дважды принимался писать ее..., но бросил». Под псевд. Григошина, М. печаталась в «Новом времени». Ранние произведения В.-К. собраны в кн. «Стихи и пьесы» (СПб., 1906). Главное произв. В.-К. — ром. «Кольчевская вотчина» и его продолж. ром. «На родной почве». В Белгороде б.г. вышел ее ром. «Пути судьбы» — продолжение ром. «Кольчевская вотчина». Это история семейных отношений и постепенного распада мелкопоместн. дворянского рода. Стихотв. эпиграфы к главам обоих романов и другие стихи В.-К. были опубл. в сб. «Песни забытой усадьбы» (1911, 1913). Затем вышел сб стихотв. «Листы пожелтелые» (1916). Основная тенденция ее творчества — приверженность к патриархальной старине и помещицкому укладу дореформ. России. Не опубл. ее автобиография (ИРЛИ, ф.44, № 88).

Русские писатели (портр); Масанов; Венгеров, Источ.; Кн. рус. зарубежья; Розанов.

ВЕСЕЛОВСКАЯ Александра Адольфовна (урожд. Панк; 1840—1910), переводчица, прозаик.

Печаталась с начала 1870 в различ. газетах и журн. — статьи о междунар. политике, иностр. литературе, педагогике. Выступала и как беллетрист. Переводила с нем., англ., франц., итал. языков. Пер. 2-томную «Историю классич. периода греческой лит-ры» Д.П.Магаффи (1882-83); «Европ. лит-ра XIX века» Ф.Брюнетьера (1900), «Искусство актера» Б.К.Коклена (1909) и др. Пер. также Доде, Мопассана, Брет Гарта, Кипплинга и др. Авт. «Вальтер-Скотт и его любимица». Сообщ. А.Веселовской. — «Вестн. Восп.», 1907, № 3. С.210-214. С ее прим. вышел «Сборник любовной лирики XV-XVI века». СПб., 1910.

Русские писатели (портр); Масанов; Венгеров. Источ.

ВЕСЕЛОВСКАЯ Варвара Яковлевна (?— 1888).

Издательница «Дона».

Венгеров. Источ.

ВЕСЕЛОВСКАЯ Е.Д.

Авт. популярных очерков по географии и этнографии (1900); сост. научно-популярной кн. «Амурский край и наши переселенцы» М., 1901.

Венгеров. Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Чусовское озеро

Быль

На Урале это наше было. Да не так чтобы и давно, как у Бажова, а в прошлом году. Теперь и время не то, да и народ уж не тот. И случай этот со мной самим и приключился.

Начну с того, что человек я простой, в деревне родился. Два года мне было, мамку мою бык на рога поддел, мужики отбили, да недолго она после этого прожила. Отец с горя запил, невмоготу ему стало, подался в город на заработки, да и сгинул. Остались мы с баушкой одни-одинёшеньки. На две наших пенсии стали жить, рублей тридцать с копейками выходило. Подростком я коров колхозных помогал пасти. Пока рос, колхозы-то совсем развалились. Обнищала деревня наша, молодняк разъехался, старики поумирали. В армию меня не взяли, белый билет выдали – бегал всё, прихрамывая, а тут на комиссии выяснилось, что одна нога у меня короче другой аж на восемь сантиметров, перекося в позвоночнике такой, что позвонки сместились. Баушка Дуня всё вздыхала перед смертью, крестила меня да приговаривала:

– Вот помру я, Олёшенька, дак ты тоже в город поезжай. Без денег-то како житьё? Можя, и щастье своё там встретишь.

Похоронил я баушку, заколотил крест-накрест ворота да ставни и поехал в город. Девятнадцать лет мне стукнуло, а по виду все двадцать пять дать можно. С недельку помыкался, а потом повезло – устроился на стройку разнорабочим. То подай, это поднеси. Комнату в общежитии дали с напарником на двоих. Через полгода на стропальщика выучился, честь по чести, корочки получил и стал робить. А однажды с Натальей в трамвае познакомился, и закружилась карусель. Ладная баба, с дитём на руках, правда, да и постарше меня лет на пять. Да ведь и я не на пятнадцать выгляжу. Да и когда любишь, то и дитё не помеха, и возраст значения не имеет. А Сергунька – пацан правильный – папкой-то меня почти сразу звать начал. Забрал я из общежития свой узел, да и переехал к ним. Всё честь по чести оформили: расписались, и Сергуньку я усыновил. Хорошо зажили,

велосипед Сергуньке купили. Тут вскоре подфартило нам: дом-то Натальин под снос попал, Наталья вот-вот родить должна, и получили мы неожиданно-негаданно аж трёхкомнатную квартиру – хоромы целые! Из роддома Наталью с Настюшей забирали уж в новое жильё с новой мебелью. А через год ещё и Ванюшку родили.

Сергунька пошёл в пятый класс, когда со мной беда случилась. То ли я зазевался, то ли крановщик. Придавило меня плитой бетонной, руку повредило да ногу. Да и голову стрясло. Хорошо, хоть совсем не убило. Баушка-то (царство ей небесное) сказала бы: «Вот ротопеля, всем ротопелям – ротопеля!»

Почти год по больницам, инвалидность врачи выхлопотали. Стал я вольным человеком – сам себе хозяин. Рука действует плохо, нога волочится, какой теперь-от работник? Так, разве по дому мало-мальски что. Сторожем в детский сад пристроился. А моя знай себе посмеивается: «Ребенком больше, ребёнком меньше, какая разница?»

Вот и стал я в свободные дни, по деревенской памяти, в лес наведываться. Почти всё лето в лесу и прожил. Построил шалаш, да в нём и жил, пока тепло-то. Домой, конечно, тоже приходил, когда на дежурство надо было, приносил там грибы да ягоды, да поделки какие из дерева ребятишкам на забаву вырезал. Моя-то их после того, как наиграются, на рынке продавать стала. Сперва думала, кто возьмет? А потом, глянь-ко, берут! Всё доход.

А в августе я в лесу чуть было и не остался. На кулак-то соплей наматал. И места знакомые, хоженные-перехоженные, а не мог дорогу найти.

Сначала всё как обычно было. Весь день проходил я у Чусовского озера, набрал грибов целый рюкзак. Да грибы-то всё какие – почитай одни красноловики! Хожу я теперь медленно. Подустал, конечно. Собрался до потемни домой, думал, выберусь к озеру снова, ан, видать, отклонился куда-то, да и попал в болото. Думал, так, маленькое болотце, скоро кончится. Иду, иду, а болотина всё не кончается и не кончается. Кругом берёзы да берёзы, гнилые по большей части. И какая-то дымка между ними стелется. Темновато уж стало. Ну ничо, думаю, мне

Надежда Васильевна Смирнова – автор трех поэтических сборников и повести «Стекляшки». Публиковалась в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Московский Парнас», «Южная звезда». Живет в Екатеринбурге.

бы только ночь перележать, а завтра уж с утра всё хорошо будет.

Тут как раз островок посуше попался, на нём я и пристроился. Напластал где веток, где сухостоин, развёл костёр, сапоги снял, сушиться на рогульки повесил. Из рюкзака хлебушко достал, да вода в пластиковой бутылке была. Грибов на прутик наздевал, зажарил. Повеселело на душе-то. Ничо, думаю, где наша не пропадала, завтра выберусь.

Стал спать устраиваться. Спиной к огню повернулся, рюкзак под голову подложил. Вдруг смотрю, в темноте два огонька зеленовато-жёлтых горят, то пропадут, то снова вспыхнут. Стали меня разные мысли одолевать: собака, не собака? Волк, чо ли? Медведи тут, поди, и не водятся. Город-то — рукой подать. Попробовал посвистеть. Огоньки мигнули и опять горят. Взял я тогда головню из костра, да и запустил изо всей силы. Огоньки пропали, и вдруг что-то как оглушило меня, захопало, защёлкало и захохотало, а потом застонало да завыло, запричитало так страшно, что сердце оборвалось. Вспомнились тут баушкины молитвы: и «Отче наш...», и «Богородице дево радуйся...» Вскоре всё и стихло.

Хоть и забоялся я, да всё же уснул. А проснулся — солнышко уж высоко стоит. Птицы поют, ветер листья перебирает. Хорошо как! На душе легко да весело стало! Разделил я оставшийся хлеб, половину в рюкзак убрал, вдруг пригодится. Остальное съел и водой запил. Пошёл снова дорогу искать.

Долгонько шёл, пора бы уж и выйти к озеру. А озера всё нет да нет. Стало мне тут блазнить, что вот эту сухую берёзу я видел и, кажись, не один уж раз. Попробовал свернуть с тропы влево. А там деревья с корнями выворочены, бурелом такой, что с моими ногами и не проберёшься. Пошёл в другую сторону, а там и вовсе топь. Решил хоть рюкзак оставить под берёзой да поискать дорогу налегке. Всего и ничего отошёл-то, вернулся — нет рюкзака. Берёза вроде та же, а рюкзака нет. Сколь ни искал, так и не нашёл. Тьфу ты пропасть! Остался, как дурак, без хлеба, без воды. Да и зажигалка тоже в рюкзаке. Вымотался совсем, упал на кочку, никуда больше идти неохота. А идти-то всё одно ведь надо, хоть по кругу, хоть как. Солнце уж садиться собралось, а я всё никак дорогу не найду.

Вдруг вижу: метрах в тридцати от меня по болоту мужик лохматый идет. Штаны на нём — сквозь дыры солнце просверкивает. А на плече рюкзак мой тащит и не то бубнит себе под нос, не то напевает. Откуда он тут взялся? Обрадовался я, побежал вслед за ним, кричу:

– Эй! Мужик! Мужик! Погоди! Как мне на дорогу выйти?!

Мужик оглянулся, зыркнул зелёными глазищами и махнул рукой в сторону.

Кинулся я в ту сторону, куда он указал, да и провалился по пояс в бочаг. Пытаюсь вырваться, а он не пускает, бурчит, булькает. Оторопь меня взяла сначала-то. Эх, думаю, прощай, белый свет, видно, сгину совсем! А потом уж как заорал от страха, рванулся изо всех сил, ухватился за сломанную берёзу, вытянулся кое-как. Сапоги в бучале оставил. Руки-ноги ходуном ходят. Отполз подальше, встал на ноги, хотел крикнуть: «Эй, мужик! Рюкзак мой отдай!» Поглядел туда, где мужик шёл, а там и нет никого, и трава даже не примята.

Так, на ночь глядя, без костра и остался. Мокрого-то и вовсе холод пробирает. Ох, и место! Заколдованное, не иначе! Ушёл подальше от топи, да среди вывороченных корней и свернулся. Лежу, чакаю зубами и поневоле вспоминаю: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...» Жутко-то как одному. Никому не приведи, господи.

На третий день я уж просто шёл, лишь бы на месте не стоять. В голове мутиться стало. Сердце ухаёт, проваливается. Ноги шибко исколол да сбил до крови. Опять солнце к закату. Оголодал, хвощи болотные готов грызть. Сам не заметил, как маленько посуше стало. Овраг попался, весь крапивой зарос. Вскоре местность из низины в горку поползла. Чахлый ельник пошёл то тут, то там. Поднялся я на пригорок, увидел иван-чай, стал жевать его. С этого уж пригорка огляделся, сообразил, наконец, куда идти-то надо. Так потихоньку и выбрался к Чусовскому озеру, да только далече от того места, где давеча в лес заходил. Ну, да ничо, главное, что живой!

Думаете, люди добрые, я всё это вру? Да мне ведь всё равно, верите вы, или нет.

Родина шумеров — Урал?

ЗАГАДОЧНЫЕ ЛЮДИ

В последние годы появилось множество публикаций, авторы которых утверждают, что история России насчитывает не одно, как все привыкли считать, а, по крайней мере, несколько тысячелетий и что именно Россия (Северная Евразия) — прародина многих народов нашего континента, Северной Африки и Америки.

Сегодня речь пойдет о шумерах, язык которых, как сказал Кремер, «принадлежит неизвестному лингвистическому измерению». Никто в мире до сих пор не знает, откуда пришли в Месопотамию в 4-м тысячелетии до н.э. эти люди, имевшие уже высокоразвитую культуру.

Южноуральский психофизиолог В.П. Путенихин рискнул предположить, что шумеры перебрались в Междуречье с Урала речным путем.

Схема маршрута экспедиции Южный Урал — город Ур (Ирак)

- 1 — маршрут, пройденный Путевозницким и Айгмузаметовым в 2002 году
- 2 — маршрут, пройденный Миргазовым в 1998 году и намеченный к повторному прохождению в 2003 году
- 3 — маршрут по Ираку, незавершенный в связи с военными действиями

Однако переселение целого народа — это не экспедиция длительностью в 1–2 года. Миграции этносов шли столетиями, если не тысячелетиями, и на пути к конечному пункту было множество временных поселений.

Шумеры не знали, что такое домашняя лошадь, а уже известно, что люди одомашнили диких коней в 7–6 тысячелетиях до н.э. в южной Башкирии. Значит, шумеры начали мигрировать в Переднюю Азию до этого времени.

Интересно проследить, что же нашего, уральского, сохранилось в языке и культуре шумеров после столь длительных миграций. Только надо иметь в виду, что

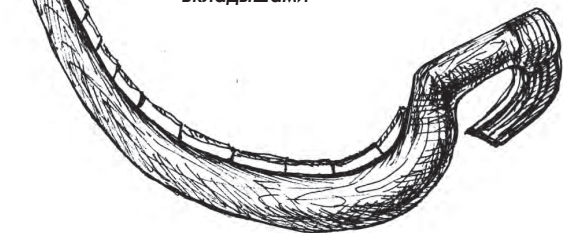
к моменту исхода шумеров с Урала здесь проживали еще в единой ностратической общности протославяне, протогерманцы, протоиндийцы и другие протоиндоевропейцы, а также протофинноугры и прототюрки. И все эти племена говорили на общем праязыке и хорошо понимали друг друга. Поэтому и в языке шумеров были черты разных языковых семей.

АРАТА — КОЛЫБЕЛЬ НАРОДОВ

Придя в Двуречье, шумеры уже знали земледелие. Первый поселок, который они основали там, был Эриду (Эрд), что значит «земля». В проторусском языке это была твердь, у немцев — ерде, у средневековых англичан — ерте, у курдов — эредс, у евреев — эрец, у арабов — арс, у татар — ир, у манси — ёр. Можно привести подобные слова на других языках, и везде будет один корень — ар, ер. Что и неудивительно, ведь у всех была одна прародина.

Древняя книга иранцев «Авеста» («благая весть») говорит о том, что страна земледельцев-арийцев Ариана находилась в приуральских степях «у прекрасной реки Даитья» (Даикс-Яик — Урал). Недаром же неподалеку, в южной Башкирии, археологи нашли на стоянках Янгелька, Мысовая, Суртанды и Мурат тысячи микролитических вкладышей для жатвенных ножей и серпов возрастом 10 000 и более лет. Урал был колоссальной древней мастерской по производству орудий труда и оружия из камня, а позднее из металла.

Деревянный серп с микролитическими вкладышами

Богиней земледелия в Шумере была Аш-нан (Яш-нянь). «Нан» — «хлеб» у тюркских народов, «нянь» — «хлеб» у коми, манси и хантов. Наши знаменитые уральские пельмени — это «пель нянь» («ухо хлеб») на языке коми. А яч-нянь (аш-нан) — это ячмень, самый скороспелый злак, который выращивали в Ариане. Вот в честь ячменя, по-уральски, и называли шумеры свою богиню.

По-уральски же назван у них и бог скотоводства Лахар. У всех северных народов «хар» («хор») — самец крупного рогатого скота — бык или олень. Лучшую жертву богам манси называют: харлув.

УРАЛЬСКИЕ СЛОВА В ЯЗЫКЕ ШУМЕРОВ

УРАЛ	ШУМЕР
ЕН – бог неба у коми	АН – бог неба
АНКИ – богиня у ханты	ЭНКИ – бог, сын Ана
ХУМ – «человек» (манси, ханты, коми) БАБАЙ – «страшный дед» (урал. диалект.)	ХУМ-БАБАЙ – лесное чудовище
ИГА – «старик» (ханты) БАБА-Й-АГА – персонаж русских сказок	АС-АГА – злой демон
МАМА – «мать» у индоевропейцев БАБА ЗОЛОТАЯ – богиня у манси, ханты	МАМА (БАБА) – богиня в Шумере и Вавилоне
ТИПТУНКВЕ – «кормить» (манси) ТИТЬКА – «грудь» (урал. диалект.)	ТИ-ИТ – «то, что дает жизнь»
УРТ – охотник, богатырь (ханты)	НИН-УРТА – бог (богиня) охоты
НИНГ – женщина, хозяйка (ханты)	НИН – хозяйка, госпожа
ЛАД – порядок, уклад (русск.)	АЛАД – личный бог человека
ПЛАТЬЕ, ПОЛА (у одежды) – (русск.)	ПАЛА – одежда
ЕРХОЛА – «земля мертвых» (манси) ТВ-ЕРДЬ ХОЛОДНАЯ – (русск.)	ИРКАЛА – «земля мертвых»
ЦАРЬ, КЕСАРЬ (русск.)	ШАРРА – царь
НАР, НЕР – камень (манси)	НАРУ – божественные камни
ХУР – лесистая гора (ханты), УР – гора (манси), ГУРА (польск., чешск.)	КУР – гора
САХ(ыл) – вершина, голова (манси)	САГ – вершина, голова
НИНГ-ХУР-САХ – хозяйка горной вершины	НИН-ХУР-САГ – госпожа горной вершины, главная богиня (мама)
ЛИЛ(И) – воздух, ветер, душа (ханты, манси), ЛЕЛЬ – славянский бог весны	ЛИЛЬ – воздух, ветер, душа
ХАЛУПА – ветхое жилище (русск.)	ХУЛУППУ – жилище богини Лилит
СЛУГА, ЛЮДИ (русск.)	ЛУ – человек-слуга
МЕР, МИР – мир, общество (русск., манси) СЕМ(ыл), ШЕМ(ыл) – черный (манси) СЕМИТЫ – «черноголовые» (?) СМЕРДЫ – «черные люди», слуги (др.-русск.)	ШЕМ МЕР (ШУМЕР) – мир черноголовых людей (?) ШУМЕРЫ

Как видим, существует-таки сходство между уральскими и шумерскими словами!

Особенно поражает то, что Хозяйка Горы была у шумеров главной богиней. Не с тех ли далеких времен сохранились на Урале предания о Хозяйке Медной горы, которые удалось записать Бажову и создать свои бессмертные сказки?

Дом Горы

Горы в представлении людей древности всегда были местом зарождения цивилизации. Здесь обычно жили боги, которые умели летать. Люди изображали их в виде крылатых фигурок или «птицелюдей». Таких немало было найдено в Прикамье и на Урале.

Птицевидное изображение с горы Азов. Бронзовое литье

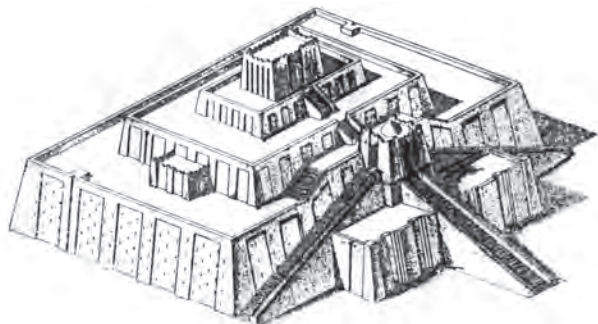

Изображение человека-птицы с мыса Потчеваш. Бронзовое литье

По шумерским текстам, отряд богов-анунаков спустился на Землю в гористом Тиль-муне (Ильменских горах?), в «земле Перекрестия», основал поселение Е-КУР (Дом Горы) и стал добывать медь. Когда работать стало невмоготу, боги, в их числе Хозяйка этой медной горы – Нинхурсаг, создали слуг – «Лу» (людей).

Господином Великой Горы (Илу Кур Галь) был также шумерский бог Энлиль. В Месопотамии, в городе Уре,

где гор отродясь не бывало, шумеры построили в его честь храм — многоступенчатый зиккурат. Английский ученый Гарднер переводит это слово как «священные горы» («зик» — священный, «курат» — горы).

Реконструкция зиккурата в Уре. XXII в до н.э.

Кстати, множественное число от слова «кур» — «гора» образовано точно так же, как у хантов. У них все русские это «рущат», все вогулы — «охалят», все женщины — «нингат».

Страна без возврата

Уход из жизни шумеры воспринимали как уход в другую страну, которую они называли «кур-ну-ги» — «гора без возврата». Именно в горе, по их понятиям, жили души умерших. Там темно, пыльно, туда можно не только спуститься, но и провалиться. Чем не пещеры, провалы и карстовые воронки, коих немало у нас на Урале?

Эта холодная земля — иркала — называлась еще у шумеров Арали. Очень похоже на Урал! В шумерских текстах сказано, что Арали находится далеко за морем (за Каспийским?), «это место сверкающих рудных жил, где прикрыт землей драгоценный металл, это родина золота, это место вод сияющих залежей (озера и реки), это место основания Земли». Блестящая характеристика нашего края!

Насчет «места основания Земли». Есть мансийский миф о том, что созданная вначале богами Земля качалась на океанских водах и была неустойчива. Видя такой непорядок, боги укрепили Землю Уральским хребтом, положив его «в основание Земли».

Кроме того, манси имели обычай хоронить покойников в горах. Так же делали алтайцы, тибетцы и многие другие. А там, где не было гор, к услугам покойников создавали искусственные — пирамиды, зиккураты, мавзолеи...

Не обошел стороной эту тему и Пушкин, написавши:

Там, за речкой тихоструйной,

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора,

В той норе во тьме печальной

Гроб качается хрустальный.

Так что все сходится. Тут вам и прекрасные холодные горы, являющиеся земным хребтом, тут вам и пыльные пещеры, и залежи руд, и челябинские озера, и даже древний обычай захоронения людей в горах. Шумерские Дом Горы и «страна без возврата» — это Урал.

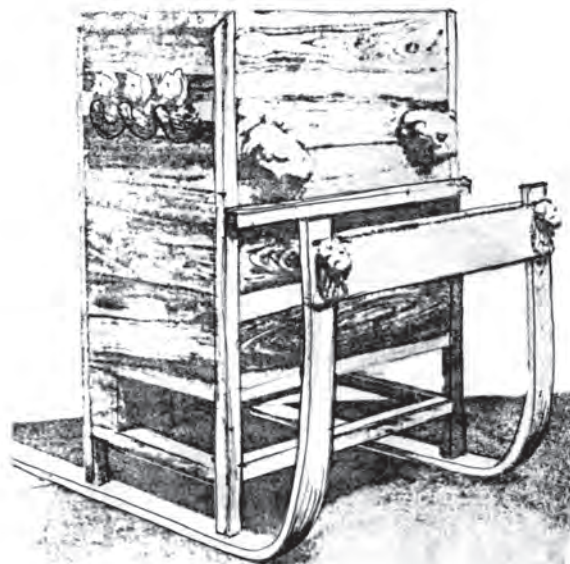
Топонимика, антропология и этнография

В древности люди при переселениях переносили на новое место милые сердцу географические названия. Вот так и шумеры. Например, есть у нас на Урале реки Сап и Большой Сап («приток» по-хантыйски). А на пути в Междуречье, за Каспием, мы встретим реки Большой и Малый Заб. Есть у нас река Самара — в Месопотамии известна с 5 тыс. до н.э. область Самарра. В древней Сирии было поселение Рас-Шамра. Думаете, случайность? Да у нас в Пермской и Свердловской областях есть не один поселок с названием Шамара («шем» — «черный», «мара», «пятимара» — холм»). Переселяясь с уральской прародины, люди назвали словом Шаммар целое плоскогорье в Аравии.

В Башкирии текут реки Уран, Большой и Малый Уран. А в Месопотамии — Ха Уран. У нас — Тобол, там — Тубаль, у нас — река Урук, там — город Урюк, у нас реки Пур, Пурма, там — Пурана (древнее название Евфрата), у нас Идель, там — Идил-бат («Идель-батьюшка» — древнее название реки Тигр), у нас Аркаим, там — Элькаим.

И это только при беглом взгляде на карту. А если покопаться в топонимике Ирака (так сейчас называется Междуречье) более основательно? То ли еще обнаружится!

Известно, что шумеры перевозили грузы по болотистой почве на санях. Кто мог изобрести такое удобное средство транспортировки? Только северные народы, знакомые со снежным покровом. Шумеры даже своих царей возили на санках, а не носили в носилках, как, например, греки.

Носилки с полозьями шумерской царицы Шуб-Ад

Шумерские цари, любившие роскошь, всем подолочным камням предпочитали лазурит, которого при раскопках обнаружили очень много. Найдены также украшения из халцедона, агата, сердолика, граната. Где

Шумерский царь 2150 г. до н.э.

Башкир в национальном головном уборе

Русский царь

Головные уборы шумеров, башкир и русских. меховая опушка шапки царя на шумерской скульптуре показана завитками

они их взяли в засушливо-болотистом Междуречье? И вообще, почему шумеры буквально благоговели перед горами, которых там никогда не было?

А посмотрите на головные уборы их царей. Они носили шапки с меховой опушкой, как башкиры или как русские цари (шапки-боярки). На шумерских скульптурах мех процарапан завитками. Кстати, форму боярки имеет и восточная чалма.

Наконец, как же выглядели эти самые шумеры? Судя по сохранившимся скульптурам, это были европеоиды

с большими глазами, прямым носом и дугообразными бровями. То есть южные европейцы армяно-иранского типа.

Раскопки на Южном Урале показали, что здесь еще во 2-м тысячелетии до н.э. проживали похожие на шумеров красавцы и красавицы.

Впрочем, такие типы встречаются и среди современных уральцев.

И как же после всего этого не признать в шумерах наших очень отдаленных предков?

Образец шумерской портретной скульптуры. Статуя молодого Гудеи из Лагаша. XXII в. до н. э. Диорит

Облик женщины II тыс. до н.э., восстановленный М. Герасимовым по останкам, обнаруженным при раскопках на Кудринском золотом прииске возле Миасса

Легенда о Коршуне-Зовуне

Было иль не было — не мне судить. В стародавние времена высилась гора Иремель всем на диво. Была она очень высока. Тучи ласкались к ней, затягивали временами ее вершину, а то и оседали, как будто гора служила для них пристанищем.

И не только тучи ночевали на ней. Жил здесь, скажут, Коршун-Зовун, сколько сотен лет — никому не ведомо. Да только пропадали люди в этих местах. Молва ходила: есть на горе камень Алатырь, кто увидит его и прикоснется, враз богатым станет. В селении ведь жили небогато, постоянных жителей было мало, остальные кочевали—приходили, уходили, искали лучших мест. Поэтому и шли мужики, оставляя своих жен, а парни — невест. Но не ведали люди, о каком богатстве речь идет, и про Коршуна-Зовуна не верили, хотя и брали луки со стрелами.

Как только засветится вершина, так идет какой-нибудь мужчина из селения Каратюль богатство на горе искать. Кого женщина пошлет, а кто и по своей воле пойдет.

Коршун не отпускал назад никого. Одних уводил в болото, других заклевывал до смерти. Слишком сильно звал Коршун безвольных, падких до наживы. И так постепенно в селении почти не осталось мужчин.

Пришли женщины к шаману, который обитал близ селения, и говорят: «Выручай нас, Тогу-Айна! Неведомая сила похитила наших мужей. А ведь это мы подталкивали своих мужчин искать богатство. Что же нам делать?»

«Не печальтесь, женщины, и идите с миром по своим домам», — сказал Тогу.

Сел у очага Тогу-Айна, поглядел на танцующего духа огня, стукнул в бубен и ушел в тот мир, где обитал дух Коршуна-Зовуна.

Вот идет он дорогой неведомой, пробираясь сквозь дремучие леса, вдоль реки огненно бурчащей Карага и приближается к горе Иремель.

На вершине сидел Коршун. Он даже не повернулся к Тогу. Тихо подполз к птице Тогу-Айма и решил вспугнуть ее. А Коршун спокойно заговорил с шаманом: «Приветствую тебя, Тогу-Айна. Ты думал напугать древнюю птицу, которую и годы не берут, и ваши глупые мужские стрелы?»

«Прости меня, мудрая птица, и послушай. Люди совсем погибают. Что могут женщины без мужчин? Дети их растут слабые, избалованные, никаким промыслом заниматься не хотят. А женщины превращаются в мужчин и перестают хранить очаг. Огонь в домах гаснет, и появляются демоны. Они ищут слабые души, поселяются в них и творят зло».

«Да, любви в вашем селении нет, — промолвил Коршун, — но чем я могу помочь вам, Тогу-Айна? Я зову порочных людей, которые не могут устоять перед блеском золота».

«О, мудрая птица! Мир просто так не изменить! Люди слабы, и их смерть не откроет глаза живым. Не птице судить людей. Улетай, пожалуйста, туда, где их нет. Нашему народу нужно пройти путь осознания истинного богатства на Земле и на небесах!»

«Хорошо, Тогу-Айна! Я сделаю, как ты хочешь, но вначале посмотри на золотой камень — Алатырь».

Поднялся шаман еще выше, и вдруг что-то ослепило его на мгновение. Но он не зажмурился, а открыто взглянул на золотой камень.

Алатырь покоился в облаке необыкновенной своей красоты. Тогу подошел поближе и прикоснулся к нему, и любовь завладела им. Глаза Тогу засияли. Он ощутил запах душистых трав, которые стали извиваться вокруг него в текущем, как река, танце. И в ладони шамана полился журчащий родник, легко пробившийся из горной вершины.

«Не в раю ли я земном? — подумал Тогу-Айна. — Неужели люди, приходя сюда, не видят всего этого? Они хотят одного — забрать с собой Алатырь и стать богатыми, ничего не делая».

Огорчился Тогу, а Коршун, наблюдая за ним, вдруг крикнул: «Выпей святой воды Иремеля и возвращайся к себе в селение». И, хлопнув крыльями, древняя птица унеслась в небеса.

С этих пор Коршун не звал больше на гору.

Очнувшись после видения, Тогу-Айна понял, что нетерпеливые женщины вокруг его жилища напряженно ждут, готовые взбунтоваться, если он ничего не скажет.

Вышел к ним Тогу и сказал: «Любите друг друга. Ищите богатство внутри себя. И мужчины не будут уходить от вас, и дети тоже. И не думайте много о завтрашнем дне — живите сейчас».

Вдруг рассеялись тучи, и засверкала гора Иремель. И увидели женщины сияющий камень.

Оживилось все вокруг: понеслась бурная река с горы, побежала через селение, зазвенели бубенцы на круглых руках, приехали из окрестных селений мужчины, и радость осветила жилища людей.

На гору потянулись стар и млад. Теперь уже поклонялись камню, которого не было. Он исчез, как птица. Мудрые люди стали видеть свет Алатыря внутри себя.

Нескоро сказка сказывается, да скоро закончилась. И забыли люди про то, что было.